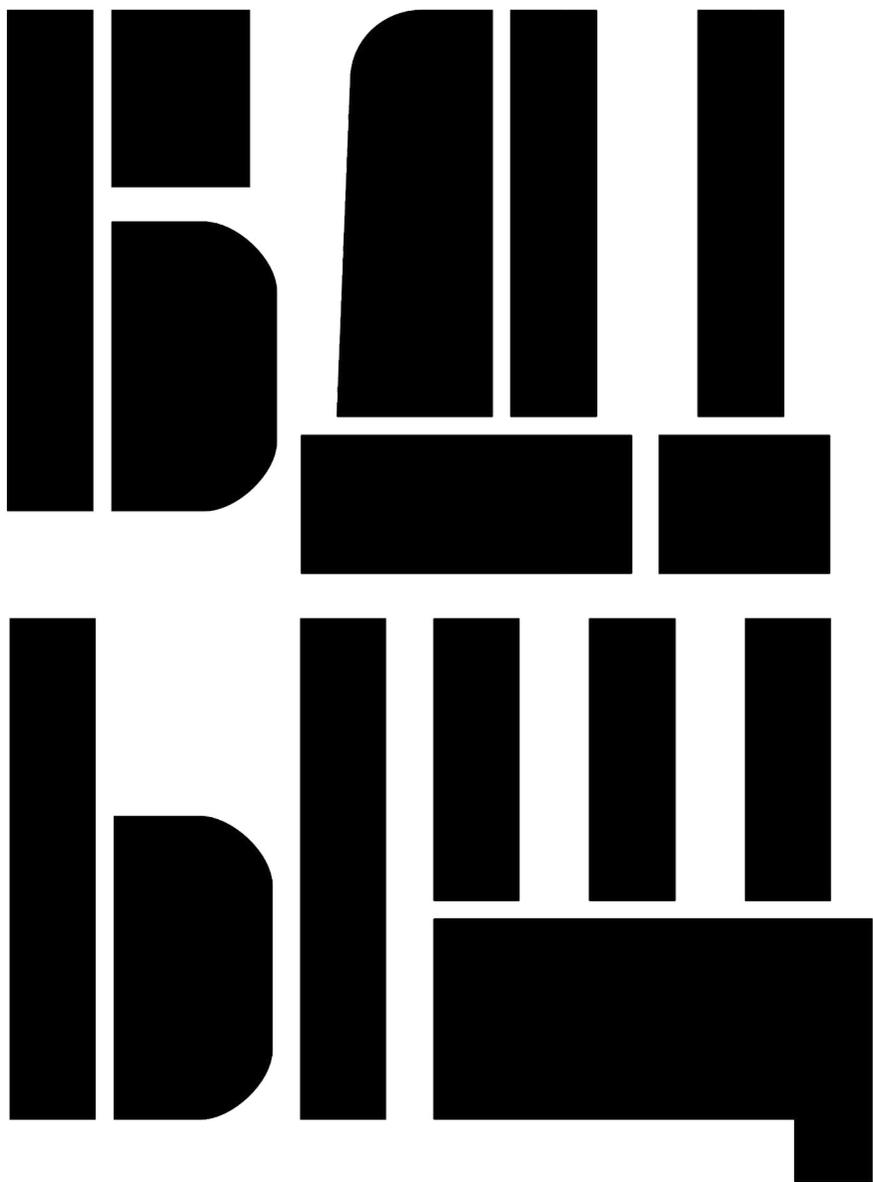

А Л Е К С А Н Д Р Е С А У Л О В

А Л Е К С А Н Д Р Е С А У Л О В

Содержание

- 6 Зарисовка о пиратах
- 8 Мочалка
- 12 Любитель комфорта
- 25 Про Толика
- 30 «Саша, ты гандон, а не характер сложный»
- 35 И я не вспомню этот вечер
- 40 Камень и я
- 47 Вечная нОгота, или Как я орфографию учил
- 51 Бабкина победа, или Враг не пройдет
- 60 Хоронить всегда тяжело
- 68 Все вы – суррогаты
- 73 Мой сын не скажет мне «папа»
- 78 Нестабильность
- 83 Моя победа над загнивающим Западом
- 90 Шестидолларовый кофе
- 92 «Бдыщ, бдыщ...»

- 94** Мексиканский конфликт
- 99** Попутчики сраные
- 102** Про Суп. Фантастика
- 109** Кавалерийская ала перешла на рысь
- 115** Возраст Христа
- 121** Бабочка. Эссе о невнятности формулировок
- 126** Массажисты сраные
- 130** Принцессы не какают
- 137** Заметки непутевого папаши, или Как правильно ставить задачи сыновьям
- 141** Али пукнул
- 146** Холостяцкая история
- 149** Кровавый туман
- 155** Как ребенок «жопу» искал

Предисловие

К концу 2019 годы у меня набралось пять тонн материалов, которые я писал последние 10 лет. Большую часть из них я, перечитав, сжег на огне праведной графомании. Остальное собрал в кучу на сайте esaulov.me. Признаться я, как и любой «писатель», уверен в том, что стоит мне запустить сайт, как сразу же придет слава и известность. Сравнивая свои тексты последних лет, с мыслями, видео и текстами современных блогеров - мне показалось, что стоит мне вывалить свое добро в Интернете - и толпы влюбленных фанатов начнут преследовать меня по улицам. И вот мое нахальное лицо уже сверкает лысиной на сайте - а фанатов не видать. Каждое утро, выходя из дома, я оглядываюсь по сторонам - но нет...никто не кидает в меня трусики и не просит подписать бережно распечатанные листочки. Я смотрю видео, где молодой парень бьет воду ножом, и на миллион просмотров этого видео - и праведная злость переполняет меня. Как же так?

Поэтому я принял решение сделать еще один шаг - и выпустить книгу. Всю свою жизнь, сколько я себя помню, я пытался написать книгу - не рассказ, не эссе, не размышление - а именно книгу. Повесть. Роман. С множеством сюжетных линий и персонажей. Минимум как Лев Толстой. Но каждый раз, начиная писать что-то длиннее трех страниц - я устаю. Персонажи теряют свой настрой. Линия сюжета скукоживается. Кроме того я понял кое-что про себя, как писателя - я могу писать только о том, где я был. Только о том, что я видел - а выдумывать мне не хватает ума и фантазии. Поэтому рассказы - короткие, сжатые, все с моим

*участием. Они смешные, жестокие, страшные - разные. Все
какие есть - все у вас в руках сейчас.*

*Так вот мое самовлюбленное и уязвленное эго перешло на
новый уровень, и я решился на издание- и вот тогда, я уверен,
поклонники и поклонницы и не дадут мне больше спокойной
жизни.*

*В качестве последнего абзаца к этому предисловию я хочу
сказать спасибо Дарье Воронцовой и Антону Гулякину, без
которых этой книги бы не было.*

Зарисовка о пиратах

Сижу я вот так вот иногда на подоконнике и смотрю на Смоленское кладбище. Оно такое – тихое, в общем-то, местечко. Люди там разные лежат, как я понимаю. Вот так сидишь и думаешь, как все в жизни плохо, кризис среднего возраста настал, долгов по уши, психика явно нарушена, половина друзей умерла, а вторая половина растворилась по дороге... и вот сидишь, весь покрытый страданиями, которые как плед обволакивают тебя. Ну и все уже, весь ты готовый к собственным похоронам, жить не хочется, не жить тоже не хочется, и все это превращается в мечтания о том, как все будут страдать, если ты пропадешь. Потом мечтаешь, что будут говорить – и прям сам в себя заново влюбился. А потом раз – и представил, как просто ты уехал куда-то «навсегда». Все отключил. И там бродил где-то десять лет. Желательно вдоль моря. И все уже такие тебя забыли, но ты им снишься. И они все тебя помнят, все о тебе непрерывно говорят, и так далее. И вот стук в дверь старого друга... он открывает. А там ТЫ. Весь обветренный, загорелый, молчаливый. И смотришь так на него пристально, он молчит, дети его выбегают: «Папа, папа, кто этот прекрасный и мужественный дядя?». А ты так пристально смотришь ему в глаза, словно даешь понять, что ты-то все помнишь и знаешь, что эти десять лет он тебя не искал по закоулкам вселенной и предал все ваши общие мечты, и уходишь, желательно, звеня шпорами. И друг такой, сквозь слезы понимания и отчаяния: «Это ОН...».

Ну а потом, понятное дело, к НЕЙ. К кому это – к НЕЙ – не имеет значения, они в каждый момент времени разные. Я имею в виду, что в каждый момент жизни ОНА может быть разной. И вот ты стоишь у нее во дворе, например. Все такой же мужественный, обветренный и просоленный ветрами. Может, ты пиратом был десять лет. Открывается дверь парадной. Она выходит с мужем и ребенком, например. Мир замирает. Не дождалась, понимают зрители (откуда

в мечтах берутся зрители непонятно, но они есть). Во дворе, естественно, кроме нас никого нет, это же фантазии, перекасти поле летит, солнце спадает и тень от шляпы закрывает твои глаза – да-да, это я в ковбойской шляпе, и это выглядит в Питере совершенно нормально. Короче, такой Крокодил Данди на выгуле. И вот она упирается в твою фигуру. А ты за десять лет, конечно же, только лучше стал. Прямо пресс видно, такой весь поджарый, как гончая, с ровным слоем маслянистого загара. Дыхание ей тут же сперло. Она смотрит, делает шаг навстречу, но не знает, как быть дальше! Все как в кино, в общем. Ну ты, понятное дело, смотришь, чуть презрительно, но с пониманием. И опять ребенок: «Мама, мама, кто это?». И тут уже муж ее новый, все поняв: «Эх, сынок... это же ОН». Она вся в слезах, но деваться-то некуда, муж/дети/ипотека. И вот ты уже шляпы коснулся двумя пальцами – отсалютовал, одними мужественными глазами улыбнулся и идешь. В полной тишине звенят шпоры.

И вот ты уже погряз в своих мечтах, взял в руки телефон посмотреть билеты в Сомали и погуглить, как записаться в пираты. А там старший сын в смс тебе сочинение на проверку прислал. Думаешь, ну вот проверю, и сразу билеты смотрю. Пока проверяешь, бывшая жена прислала счет на репетиторов и номера их карт. Пока деньги переводил, младшему сыну босоножки потребовались. Пока босоножки поблизости искал, оказалось, что завтра нужно зарплату выдать. Пока считал, сколько же завтра денег потребуется, чуешь – мусором из ведра завоняло. Пока мусор выносил, вспомнил, что обещал другу с переездом помочь. Пока договаривался с ним, забыл уже и про шпоры, и про шляпу, и про пиратов. Смотришь в историю поиска и думаешь, какого хера я искал Сомали сегодня, что за пираты?!!

Мочалка

Я, конечно, не Буковски, написать так не могу. Я также и не Маркес с его воспоминаниями о своих шлюшках. Но вчера я сидел в Сапсане, перелистывая миллион моих изданных и неизданных текстов. Читал их, просматривал, смеялся над ошибками и шероховатостями. И вдруг я понял, что в моих эссе есть все, что я люблю: депрессия, испытание, страдание, юмор, страх будущего. Много смерти и предательства, много идиотизма. А вот женщин нет. От слова совсем. Лишь в поздних уже очень несмело появляются женщины, которых я знал и любил. Имеет смысл вспоминать только тех, которые оставили рану на моем сердце. Их нужно увековечить на страницах этого эссе, на страницах моей жизни и памяти. И вот я сижу, заварив себе дерьмовый кофе на офисном столе, и, преодолевая собственную робость и смущение, пытаюсь вспомнить их. Вспомнить их улыбки, смех, вспомнить, как они смотрели на меня, когда были в меня влюблены, и как горели их глаза, когда я бесил и раздражал их, когда они хлопали дверью, уходя, а я оставался и зачастую больше никогда не видел их... И, вы знаете, я не смог. Я вспоминаю только самые яркие и смешные моменты. И именно о них я хочу поговорить.

Звали ее, предположим, Оксана. У меня просто ни разу в жизни не было Оксаны, поэтому я использую именно это имя. Мы с ней как-то не очень романтично познакомились, и я долго за ней ухлестывал, отправляя ей цветы, корзинки с едой и фруктами и, на самом деле, атакуя сообщениями. При этом современные технологии давали мне возможность все это делать, находясь в разных частях света, самолетах и поездах. Мне помогали социальные сети, в которых я мог посмотреть чем занята она, а она – чем занят я. В какой-то момент, несомненно прекрасный, она начала иногда появляться у меня дома и на тусовках среди моих и ее друзей, но так как возраст у нас уже на тот момент был «за тридцать» и решения вроде «мы пара», «она

моя девушка», «мы живем вместе» давались нам с трудом, мы оба делали вид, что просто друг с другом развлекаемся. Но все же она оставалась женщиной – ей требовалось несколько больше средств к существованию, чем мне. Я говорю о том, без чего не может женщина в чужой квартире: косметика, одежда, какие-то неведомые мне вещи в ванной... все это медленно и непреклонно атаковало мое жилье.

Но я, знаете ли, давно один живу. Квартира моя полна опасностей и моих друзей. Чайник, губка для мытья посуды, мочалка – всем им, живущим со мной много лет, я даю имена и безгранично им доверяю. Иногда во время мытья посуды я даже напеваю песенку про Эрику (так я называю свою губку). Стучая, очень нежно, по кнопке чайника, я всегда про себя желаю Антону (так зовут чайник) удачи. Но ближе всех мы, конечно, как вы понимаете, были с этой штукой, которой мылятся, – мочалка, да? Уже несколько лет она, оранжево-черная, неизменно ждала меня в душе. И мы с ней, прямо скажем, многое пережили.

И вот тут было явное недопонимание. Оксана ненавидела всех моих друзей. Она боялась касаться Эрики, потому что ей казалось, что та уже стала живой. Она постоянно говорила, что Антон слишком шумный, долгий и злой. На мои аргументы, что Антон уже стар и его нужно беречь, она просто отмахивалась с видом «боже, какая чушь». Верхом стал момент, когда Оксана, голая в постели, гибкая, красивая, сексуальная, укусила меня нежно за ухо и спросила: «Милый, давай выкинем мочалку?...». Поверьте, я очень легко завожусь в постели, но в тот момент вся кровь от жизненно важных мест прилила к мозгу. Я отстранил ее горячее тело и губы от себя и пристально посмотрел на нее своими диковатыми глазами, словно не узнавая. В ту ночь секса у меня с ней не было, хотя я очень этого хотел, но я не мог предать друзей. Она отвернулась, разозленная моей преданностью, и лежала, выпятив все свои сексуальные прелести. А я смотрел в потолок и думал о том, что, когда ее мурчащие коты ползали по мне в те редкие ночи, когда я у нее ночевал, я не предлагал выкинуть их в окно.

...я пришел домой поздно. И она впервые встречала меня дома, войдя в квартиру без меня. Я оставил ключи на охране, и их любезно передали Оксане. Я вернулся, окутанный головной болью, проблемами и нервами, а она ждала меня, подозрительно красивая, в вечернем платье, со своими кудрявыми рыжими волосами, которые мгновенно сводили меня с ума. Все это несколько настораживало, но моя интуиция быстро смолкла, когда я почувствовал запах ее волос, тела, губ. Я что-то ел, болтая с ней, и она была удивительно мила в тот вечер, на секунду упрятав подальше свой сарказм и шутки. Она целовала меня в спину, подавала чай, и я счастливо отдыхал от своих забот. Она даже не дала мне помыть посуду, хотя там была всего пара тарелок.

– Пойдем в душ вместе? – ненавязчиво тиская меня, жарко прошептала она мне в ухо.

Но понимаете, я весь день был в поездке, я не успел помыться после тренировки, мне было очень нехорошо при мысли, что вот я разденусь и она почувствует мой запах немытого и уставшего тела. И я, улизнув, нырнул в душевую кабинку один. Рука моя привычно потянулась к мочалке... и тут я почувствовал что-то не то. Смыв с лица мыло, я понял – мочалка была не того цвета. Не того размера. Не той, столь родной и любимой мной, консистенции. Это была не моя старая подруга, а какая неодушевленная тряпка, которая не смела касаться моего тела. Я оглядел ванную и понял, что вот это и есть предательство. Натянув полотенце на чресла, намыленный, я в ярости вбежал в кухню, и, не глядя на Оксану, метнулся к раковине. Эрики, моей любимой губки, не было. Вместо нее, сверкая белизной, валялось какое-то несусветное для меня современное говно для мытья тарелок.

– Саша, я не могла мыться, я не могла касаться этих твоих «друзей», – кричала на меня Оксана, когда я, полностью подавленный, сел мокрый на диван. – Понимаешь? Ну там же просто уже своя жизнь началась в ней, этой мочалке сто лет было, понимаешь?

– Четыре года, – тихо сказал я.

– Что четыре года? – она сбилась с крика.

Им было по четыре года обеим. Я их вместе купил в «Улыбке радуги» – так же тихо сказал я. Я обошел Оксану, дав ей взять меня за руку, вытащил из розетки чайник-Антон и ушел с ним в спальню.

Спрятав Антона подальше, я оделся и вернулся к Оксане. Сев перед ней, я взял ее за руки. Посмотрел в серо-зеленые глаза и спросил:

– Скажи мне. Ты вынесла их на помойку за домом или в другое место?

Любитель комфорта

«Я люблю комфорт», – с этими словами он победно огляделся по сторонам. Я молча сидел в углу, прикрыв веки. Незнакомая компания в незнакомом месте. Чтоб не сказать грубость, я молчал. Компания была «не моя». Странные шутки, много дружелюбных людей, девушки, алкоголь. Короче, оптимизм лился рекой, все как я не люблю. Оказался я в ней случайно. Очень близкий мне товарищ пригласил меня на свой праздник, и я не мог отказать, не обидев его. Но зная меня, он посадил меня среди самых мрачных с его точки зрения гостей, а я все равно смотрел на кухню, где в одиночестве сидел и наслаждался кормом его пес. Огромный питбуль явно чувствовал мою зависть и периодически скалился клыками в мою сторону.

Мне тут недавно сказали, что социопатия – это клиническая форма психопатии. Сказал это незнакомый мне дядя, с которым я сидел в одном ряду в самолете. Сказал, когда на жизнерадостный вопрос после приветствия «куда вы летите?» я молча надел наушники.

Компания мне не нравилась... Я уже потихоньку собирался уйти по-английски, когда все стали обсуждать путешествия. Отели. Пляжи. Архитектурные излишества. Рестораны в Париже. Клубы в Барселоне. «Я люблю комфорт, – сказал он, – чтобы завтрак в отеле приносили в номер, например». Он был в хорошей форме, этот любитель комфорта, с красивой девушкой. Он пил виски медленными скупыми глотками и очень громко говорил. Его девушка послушно кивала чрезмерно накрашенным личиком и тянула, как ребенок, через трубочку коктейль.

«Ты будешь завтракать?» – вопрос я слышу, но ответить пока не могу. Губы ссохлись от недостатка воды, в горле как будто наждачка, я с трудом собираю каплю слюны, сглатываю, чувствуя едкий привкус, и только потом сипло говорю: «Да». На меня сквозь щель в

спальнике смотрит помятое лицо моего товарища Руслана. На нем следами и вмятинами виден рельеф руки, на которой он спал. Холодно. Изморозь покрыла стены палатки, мы лежим в шапках, флисовых куртках. Сильный ветер трепал нас всю ночь, поспать нормально так и не удалось. Сегодня его очередь, поэтому он и спросил про завтрак. Я точно знаю, что он ждал моего отказа, ведь чтобы приготовить завтрак, нужно одеться, вылезти на ледник, накопать чистого снега, который потом долго растапливать на горелке, чтобы сварить кашу и чай. Он молча смотрит на меня. Лицо у него исключительно горское, с хищным орлиным носом, глубокими складками, грубоватое. С него можно лепить любой кавказский образ. Поняв, что я не передумаю, он также молча начинает одеваться. В двухместной палатке это длительная и сложная процедура, требующая немалой сноровки. Оставшись один, я смотрю в щель мембраны и вижу бескрайний сверкающий снег и лед. Пасмурная погода придает ландшафту мрачные и тоскливые формы, словно это Мордор из сказок Толкиена. Наваленные груды камней от селей и лавин, гигантская морена ледника кажутся бескрайними и мертвыми. Но я слышу шум подземных ручьев, крик ветра и скрежет серраков, прилипших к скалам. Я слышу дыхание гор вокруг себя, и в этом унылом одиночестве я задремываю, пока Руслан не возвращается с котелком, полным снега. Газ весело пляшет на горелке, мы медленно просыпаемся, и вот он уже весело кричит: «Вставай! Завтрак в номер подан!».

Это воспоминание захватило меня, и я прослушал вопрос девушки напротив. Она смотрит на меня, ожидая ответа, но я пропустил вопрос и не знаю, что сказать. Ее муж тоже смотрит на меня, и, видимо, у меня глуповатое выражение на лице. Они переглядываются. «Саша? – мой приятель зорко следит за моим поведением. – Тебя спросили, где тебе нравится отдыхать». Я киваю, как болванчик, и пытаюсь придумать ответ, за которым не последует дополнительный вопрос. Это значит, что мне нужно соврать. Я так долго придумываю

ответ, что заинтригованы уже все, кто сидит за столом. Любитель завтраков в постель тоже внимает.

– Европа, – говорю я. – Мне нравится Европа.

Ответ настолько неточен, что компания ждет продолжения. Тут мне на помощь приходит мой приятель.

– Он все врёт! Он постоянно ездит, но любит он горы, – и кивает на меня, как на кота, который впервые пописал в унитаз.

– О! Любишь чистый горный воздух? – любитель комфорта повсюду. – Хочешь дольше прожить?

Все смеются. Всем весело. Горы – это так мило. Вино, грог. Спа-процедуры. Они думают, я катаюсь на лыжах в Альпах и пью глинтвейн на террасе ресторана у подножья Маттерхорна, всасывая в себя «свежий, горный воздух».

Ветер сбил меня с ног. Порыв поднял с плато снег, и я, не удержавшись, падаю на спину. В последний момент я успеваю воткнуть палку между камнями, она на доли секунды задерживает мое падение, но тут же с треском ломается пополам. Я не упал. В реве урагана я смотрю на кусок палки в руках и в ярости отшвыриваю его в сторону. Теперь идти будет еще сложнее. Я достаю короткий ледоруб и ступаю дальше по следам напарника. Несмотря на то, что я к нему привязан, я не вижу его, снег превращает все вокруг меня в «молоко». Я смотрю на выющую под ногами веревку и чувствую легкое натяжение – знак того, что идти ближайшие десять метров безопасно. Я дышу коротко и часто, когда иду, и длинными глубокими вдохами, когда стою. На высоте почти пять километров кислорода совсем не так много, как все привыкли, и каждый шаг и вдох даются мне с трудом. Иногда кажется, что воздух просто кончился. Тело пытается забрать кислород отовсюду, идет огромная потеря жидкости, обезвоживание. Я очень хочу пить, но для этого нужно дернуть за веревку, подтянуть к себе напарника, снять рюкзак, перчатки, с риском об-

морозить пальцы попытаться достать термос. Это невозможно при таком ветре, и я, сделав жадный вдох, делаю следующий шаг. Когда я спущусь, мое лицо и тело станут на год старше. Этот год я отдам этой ночи и этим скалам.

...да. Хочу жить вечно, – я выдавливаю из себя улыбку, – вечно!

Все смеются. Почему-то смешно прозвучало, или я смешной. Мне вот кажется, я смешной. Людям часто со мной весело. Шум за столом возобновляется, слышится звон вилок, чоканье. Я снова начинаю готовить пути отхода, прицеливаясь на дверь в прихожую. Размышляю, удобно ли уйти, не попрощавшись. Понимаю, что просто встать и уйти не получится, никто так не делал, а туалет в другой стороне квартиры. А встать и попрощаться – значит, нарваться на многочисленные вопросы «почему так рано». Я точно помню, что любитель комфорта выходил курить, и решаю дождаться и выйти с ним, как будто я тоже курю. И свалить.

Все веселы и кажутся беззаботными, прикрывшись масками успеха и расточительства. Засунув свои тела в модные вещи, они ежедневно строят из себя кого-то другого. Нарисованные брови, выстриженные щетины с четкими контурами, промазанные кремами женские лица сверкают, как блин на солнце. Разговоры «за бизнес», кредиты и фуры. Мы все ровесники. Нам всем «за тридцать». И я не другой. Встав с утра, я надеваю маску, иногда даже сразу много масок. Счастье, радость, злость, уверенность – что угодно ситуации. В моем заплечном мешке множество личин.

Как актер японского театра Кабуки, я весь день ношу эти лица и лишь ночью, словно уставший исполнитель своей роли, я снимаю их и, оставаясь наедине с самим собой, становлюсь тем, кто я есть. Унылым и скучным социопатом. Но сейчас на мне маска дружелюбия. Во всяком случае, мне так кажется...

«Еб..е, еб..е...» – все время, что мы едем, водитель матерится. Причем делает это мерзко и грязно. Я уже давно включил музыку

в наушниках и отключился от попыток связать его речь в какую-то внятную нить. Вокруг темнота, машина мчится по перевалам и ущельям. Внутри меня только одно чувство – предвкушение нескольких дней полного одиночества, пока не приедут мои напарники. Три часа матерных причитаний и стонов изуродованной старостью девятки, и я слышу скрежет колес, когда такси скрывается за поворотом. Полнейшая тишина горного поселка, в котором живут пять тысяч человек. Я должен позвонить, что приехал, и меня встретят, проводят в дом, накормят.

Но я стою на обочине совершенно пустынной незнакомой дороги, у моих ног рюкзак и баул. Прохладный горный ветер ласково касается моего лица. Я закрываю глаза и поднимаю голову, подставляя лицо бризу. В невысоких домах вокруг почти не горит свет, где-то мычит полусонная корова. А я все не могу заставить себя позвонить я хочу стоять здесь ночь, день и снова ночь... Быть собой. Неумелым, мрачным гопником.

Рядом курят кальян. Курящий делает это с таким лицом, словно он отбил этот кальян у султана Брунея. Развалившись жирными телесами на диванчике, он покровительственно смотрит чуть пьяным взглядом по сторонам. Наткнувшись на мой озирающегося меня, он кивает и спрашивает: «Ты чего такой грустный?». Я молча и натянуто улыбаюсь, но этого ему мало, он грузно встает и наливает мне в стакан порцию водки. Я вежливо отказываюсь, проклиная себя за то, что пришел. Он наклоняется ко мне и тыкает в меня бокалом.

Я не пью, – глазами я пытаюсь найти приятеля, чтоб он избавил меня от своего назойливого гостя, но его нигде нет.

Толстяк грозно тыкает меня бокалом в грудь уже с явным намерением заставить меня выпить. Шутки про то, что я в завязке, сыплются со стороны, девушки звонко и пьяно смеются, рекомендуя толстяку влить в меня виски силой. Он высокий. Почти моего роста. Он тянет бокал уже прямо к моему лицу....

...эти люди. Совсем иные. Совсем другие. Те, кто поднимал меня, когда я скатился с насыпи. Которые вливали мне горячий чай, свой последний чай, в мой посиневший от холода рот. Те, кто не видел меня раньше, те, кто бросил все, и побежал ко мне обратно по снегу, увидев, как я катился почти без сознания. Я помню, как ласково поддерживали мою голову, чтобы я не подавился. Как мне не давали жадно глотать, чтобы я не обжегся. Те люди. Которые больше ни разу этого не вспомнили и сидели рядом уже в тепле базового лагеря. Как я притихший слушал рассказы этих людей о завоеванных ими вершинах. Как, смеясь, они говорили просто о том, о чем я не смею даже мечтать. Как они видели во мне равного, хотя это не так. А потом самый известный из них встал и пошел готовить ужин на газовой горелке, и, обернувшись, спросил, буду я чеснок в каше или отдельно.

Толстяк ткнул мне гранью стакана в рот под общий нетрезвый хохот. Он приближает свое лицо к моему почти в упор. Я чувствую едкий запах водки из стакана. Мгновенная злость от того, как далек этот человек от тех, среди кого я бы хотел провести свое время, от того, как далек этот потный, пьяный, неумный дурак от тех, кого я хотел бы видеть рядом, вырывается наружу, я отталкиваю руку со стаканом и коротко, без замаха, бью его лбом в нос. Он опрокидывается на жопу, кровь льется на рубашку и пол, все на ногах. Его окружают гости застолья, коряво пытаюсь поднять тушу на ноги, чтоб усадить на стул, на меня кричат женщины и зачем-то хватают за руки, хотя уже все закончилось. Толстяк бормочет что-то невразумительное и угрожающее о том, что меня найдут. Я в каком-то странном оцепенении смотрю на все это, не слыша ничего вокруг. Приятель, пригласивший меня, устало смотрит на меня через весь стол. Я чуть заметно, извиняясь, развожу руками и выхожу в прихожую...

Я не молодею. Не старею. Мой возраст – в самый раз. Самое время для переосмысления своего настоящего. Жизнь моя больше не состоит из маски успеха... Ребенком я много мечтал, как и все дети.

Быть рыцарем, героем, спасателем. И каждый следующий год я отдаляюсь от своих детских мечтаний. Быть, а не казаться... быть. Надев туфли, я выхожу на улицу, ни с кем не прощаясь.

Тьма абсолютна. Ничего нет. Я касаюсь кнопки налобного фонаря, и он выхватывает пучком света мир вокруг меня. Не холодно. Под задницу я положил пенку, сидеть хорошо, хоть и сижу я на голом камне скального выступа. Мои мысли гуляют где-то далеко, в руках большой термос. В нем лучший напиток, который я пил: сухофрукты, мед, лимон и кипяток с небольшой порцией заварки. Варить долго, пить горячим. Готовил не я, готовил в качестве подарка мой сосед по палатке, пятидесятилетний врач из Казани. Добродушный болтун, он долго отмеривал все ингредиенты и, несмотря на мои робкие отказы, влил в меня литр этого напитка и наполнил им мой термос. Дым из крышки качается передо мной, ветра нет. Полный штиль в горах – редкость, и я замираю, чтобы не потревожить это вселенское спокойствие. Миллионы тонн камня, снега и льда. Монументальность пейзажа заставляет меня преклониться. Моя жизнь, мысли – все это кажется таким мелким и смешным на фоне вечности. Я пытаюсь подумать хоть о чем-то конкретном, порассуждать, поговорить сам с собой. Подвести итоги. Но ничего не выходит, мозги не концентрируются ни на чем. Постепенно вся суета и проблемы оставляют меня. Я глубоко вдыхаю разреженный воздух высоты почти четыре километра. Ни огонька, ни шума, ничего. Аккуратно, чтобы не обжечься, я глотаю чай, нарушая окружившее меня величие своим хлопаньем. Из кармана я достаю «Сникерс» и начинаю грызть его вприкуску. Я почти плачу от радости, что я вот так вот, тут, один. Подо мной раскинулся Кавказский хребет. На вершинах пяти тысячников начинается разгораться рассвет, тьма уже не так беспросветна. Начинается новый день... Я чокаюсь крышкой от термоса со сникерсом – сегодня мне исполнился тридцать один год...

Через несколько часов, уже в ярком, искристом дне, я ввалюсь в кухню базового лагеря, где меня поздравят с днем рождения незна-

комые люди. Пожмут руки. Будут смеяться своим же шуткам. Отложат ранний выход в путь, чтобы в качестве исключения позавтракать сублимированной кашей вместе со мной. Я не знаю их имен. Я не помню, кто они. Но я улыбаюсь.

Я ем мерзкую кашу и улыбаюсь.

Я вспоминаю себя маленького....

Я вспоминаю снег. Я вспоминаю себя маленького. Вспоминаю яркое солнце и сверкающие на солнце, отражающемся от снега, зубы своих таких же сорванцов друзей. Мы смеемся непрерывно. Мы кидаемся гигантскими снежками, орем и носимся между собак и помоек друг за другом без страха. Мы смеемся до слез, и в моих глазах нет забот. Я знаю, что дома мама и папа. Меня не смущает отсутствие деликатесов и денег у семьи. Я счастлив...

Я вспоминаю своего отца и мать. Маленькая квартира на первом этаже у самого КПП – северный военный город был закрыт для обычных людей. Почему-то вспоминаю тот снег. Чистый-чистый. Хрустальный. Тогда у меня и зубы были белые, не то, что сейчас. Хотя я связываю это с тем, какое количество глоток я перегрыз за последние годы. Вот они и почернели. Я сам почернел, и зубы тоже.

Я бывал в сотнях ресторанов. Модных, дорогих, красивых и уродливых. Я пил кофе в тысяче мест. От кофеен Каира до уличных ларьков Нью-Йорка. Устало и бодро, на бегу и с чувством. Я люблю кофе, но вот я сижу тут, в шалмане, и чувствую покой, как и всегда. Дерьмо в стакане это – не кофе, мясо – это не кура. Все это суррогат. И моя жизнь напоминает суррогат. Словно вместо меня живет кто-то другой. А ведь многие, как бы тщеславно это ни звучало, позавидуют моей жизни. Я был в куче мест, где не бывал никто, но сейчас, в тридцать один год, эта мысль не греет меня. Выходя из аэропорта, вокзала, корабля в любом новом городе, я не чувствую радости. Я так привык к этому, что лишь вижу людей, места, события, познаю их и

пропускаю через себя, чтобы завтра стать таким же, как те, кто живет здесь. Все чаще мои мысли поработают меня. Все чаще мысли и желания поменять свою жизнь портят мое настроение и мои дни. Кто я? Кем я стал в тридцать один год? Ведь это немного, но что я сделал за это время? Я оборачиваюсь назад и не вижу статуй со своим именем и построенных мною городов. Не вижу ничего, что бы я создал, зато вижу множество того, что я разрушил. Любовь, дружбу, дела, которыми я жил. Оборачиваясь назад, я вижу призраков тех, кто, как я думал, всегда будут рядом. А сейчас я намеренно пытаюсь создать вакуум вокруг себя, чтобы не сойти с ума от мыслей о том, как много я смог просрать за всего лишь тридцать один год.

Много дней назад я открыл глаза в сумраке какой-то комнаты, один в голой и жесткой постели. В окне маячила луна, освещая эту комнату, и я с ужасом, покрываясь холодным потом, понял, что не знаю, где нахожусь. Что я не могу вспомнить, как я здесь оказался, зачем я тут. Резко сев на кровати, я не смог даже осознать, что это за город. Лишь через несколько долгих мгновений я вспомнил, что это Ростов-на-Дону, что я прилетел поздно вечером и утром мне нужно вставать, чтобы сеть на поезд в Краснодар. Не испытывая никакого счастья познания, я перестал видеть существенную разницу между криминальным Комптоном, в котором чудом меня не застрелили местные головорезы, и гомосексуальным Римом, в котором я часами пытался пройти по узким улочкам, слушая мерзкие крики несносных поборников однополый любви, которые почему-то выбрали именно эти дни для проведения своих парадов.

Я вспоминаю, как мы кричали, на бегу кидая друг в друга снежки. Я вспоминаю, что мы жили в угловом доме на самом краю городка, и вечером, когда город наполнялся суровыми черными мундирами, сотнями черных бушлатов идущих по домам офицеров, я прилипал к окну и ждал отца. Один из мундиров, который не свернет до нашей парадной, и будет моим отцом. Каждый мой день был на-

полнен смыслом. Каждый следующий день был открытием. Каждый друг был навсегда, а каждый враг – заклятый. И все имело смысл. Я помню все мои мечты, и где они сейчас? Я трезво и без прикрас могу взглянуть на свою жизнь, и где я сейчас? Как далеко увело меня от всего, о чем я мечтал? Где начались те незаметные мне развилки, которые привели меня туда, где я сейчас?

Комптон – это самый криминальный город в Америке. То самое страшное место во всех Соединенных Штатах. Больше тысячи убийств в год. Город разделен на банды между черными и латиносами. Полиция не заезжает в большую часть районов. Перебитые стекла. Город наводнен оружием и наркотиками. Мне кажется сейчас, что проще всего было бы просто стереть его с лица Земли. Все это я понял и прочитал потом, в Википедии. А сейчас я сидел пьяный, что редкость для меня, окруженный недобрыми взглядами окружающих меня головорезов, за барной стойкой «бикини бара». Даже в самом страшном сне я не мог представить себе такое место в ни в одном гадюшнике мира, коих я повидал немало. Грязная, мерзкая барная стойка. Два огромных, как в кино, негра на охране долго и молча сверлили меня глазами, прежде чем впустить внутрь. Обыскивая не в пример дотошнее, чем в аэропорту, они громко, не стесняясь, обсуждали, сколько я проживу в их городе. Радостно было только то, что я уже был пьян. В Америке не могут остановить машину просто так, поэтому, когда в Северном Голливуде я впал в депрессию и накачался виски с колой, и кто-то из случайных собеседников, в ответ на мои озлобленные возгласы сказал, что таким, как я, место в Комптоне, я, едва держась на ногах, сел в арендованный Шеви и поехал, путая съезды и постоянно сбиваясь с пути. И что я испытал? Чувство страха не заполонило меня, когда я опустился на стул у стойки и толстая барменша плеснула мне чего-то в стакан. Вокруг кружились в каком-то паралитическом припадке самые страхолюдные женщины, собранные со всего мира и засунутые в этот бар как «танцовщицы».

Каждый раз, когда какая-то из местных свиноматок опрокидывалась на шесте, я думал о том, что сейчас пилон просто согнется пополам. Мои неприятности начались после того, как одна из местных красоток предложила мне приват за двенадцать баксов. Смотреть можно, трогать нельзя. Она весила ровно втрое больше меня, и последний ее подбородок покоился на огромной, в три обхвата груди. Даже в самой своей страшной фантазии я не видел себя и ее в одной комнате. Поэтому я и спросил, кто кому будет платить: я ей или она мне. Сарказм не доведет тебя до хорошего, говорили мне. Именно эту фразу я вспомнил, когда меня выволокли на улицу и швырнули мордой в асфальт. Чуть попинав меня ногами для приличия и обозвав Снежком, меня галантно оставили отдыхать и чувствовать боль сквозь стремительно выветривающийся хмель. Я полз к машине, сплевывая грязь и песок, и не чувствовал ничего. Не чувствовал и не хотел ничего. Мой чистый разум отключился от всего происходящего и словно смотрел со стороны на этого жалкого, пьяного ублюдка, потерявшего остатки стремления к завтрашнему дню. Я понимал, и понимаю, что что-то не так и что я делаю что-то не так. Но эта мысль постоянно ускользает от меня в череде ежедневного быта и забот... та самая мысль. Как должно быть.

Я сижу дома и смотрю в стену. Зажатый на коленях ноутбук призывно светится – давай, пиши. А я не могу. Словно потратив все свои эмоции на собственные мысли, я сбивчиво объясняю себе, что происходит с моей жизнью. Тепло и уют больше не влекут меня. Мои мечты становятся все более приземленными. Чувствуя это, я понимаю, что живу не так, как хотел когда-то.

Я так часто слышал это выражение, что даже не могу себе представить, сколько раз. Наверное, миллион. Кто-то смеясь, кто-то всерьез, кто-то в рассказах говорил о том, как он переживал этот момент. У меня всегда был вопрос, когда приходит этот кризис? Как все это выглядит? Что нужно делать? Как правило, кроме невнятного

«сам поймешь» я ничего не мог услышать. И вот мне настало тридцать лет. А потом, как ни странно, тридцать один. И я потихоньку начал чувствовать некий дискомфорт в своей голове. В своей жизни. За последние пять лет она менялась множество раз. В ней появлялись и исчезали тысячи людей. Они все пропали втуне, потеряв меня, а скорее я потерял их. Я болел, кричал и даже пару раз плакал на могилах своих друзей. И все это время я непрерывно думал: что же я это делаю?

Именно так – что же это я такое делаю? Зачем я это делаю? Я просыпаюсь в самолетах и поездах, резко открываю глаза и чувствую – что-то не так. Что-то не так в моей жизни, в моей судьбе. Я смотрю на своих попутчиков, которые недоверчиво поглядывают на мое лицо, когда я смотрю на них в упор, и мне не понятно, зачем все это мне?

И вот сейчас, в многочасовом перелете, я понимаю – наступил самый тревожный момент всей моей жизни. Сейчас я как никогда готов совершить глупость. И как никогда при этом я не далек от того, чтобы хоть что-то поменять в своей жизни. Я словно встал на рельсы, которые должны были привезти меня к моей мечте, но вот пара рельс повела меня в другую сторону, все дальше и дальше, и я вижу на параллельной дороге все то, к чему так хотел прийти, кричу, но рельсы уже не отпускают, лишь отдаляя меня. И я знаю, что года возьмут свое, и я просто перестану видеть где-то в далекой параллели свои детские и юношеские фантазии и стану сварливым и черствым. Я уже сейчас чувствую, как это гниение недовольства жизнью поражает меня.

Мы поднимались девять часов, и мои спутники устало валяются у палаток базового лагеря. Стоны, крики и мат перемешиваются с тихим ветром, насвистывающим свою мелодию между скал. Я не с ними, просто меня попросили их довести до лагеря, поэтому я, аккуратно ступая на камни, иду на окраину, где видны последние палат-

ки, и сажусь на небольшом уступе. Счастливо сняв рюкзак, я наливаю себе из термоса чай и долго смотрю по сторонам, погружаясь в абсолютное счастье своих мыслей. Уже в который раз я задаю себе вопрос: зачем я хожу сюда? Вообще в любые горы? Зачем? Подвиг – нет. Испытание? Тем более нет. Я давно знаю ответ, но редко признаюсь в нем самому себе. Потому что здесь я счастлив. Потому что я позорно и постыдно бегу от своей ежедневной жизни, не думая ни о чем и ни о ком из тех, кто меня там ждет. Накинув капюшон, я стараюсь притвориться камнем, чтобы никто не нарушил мои минуты уединения и покоя. Ветер и снег выдувают из меня страх завтрашнего дня и своего будущего.

Я тихонько сижу и мечтаю, что все, к чему я так не хочу возвращаться, – всего лишь дурной сон.

Про Толика

Это будет странное эссе. Мне тяжело и страшно писать его. Этим эссе я признаюсь в собственной неполноценности, ограниченности и высокомерии. В том, что я глупец, самонадеянный, самоуверенный, закомплексованный дурак. И отвечая себе на вопрос, зачем я это пишу, я сознаю, что это публичная молитва самому себе. Собственной неполноценности. Вообще это интересное свойство: я не могу говорить с людьми о своих проблемах, зато я могу вот так писать о том, что ранит мою душу, мое сердце. Я слышу, как люди говорят о том, какой я мудака и подлец, и лишь надменно ухмыляюсь. Но потом я сажусь ночью в кресло и думаю, как же так?

В последней школе, в которой я учился (а всего этих школ было пять или шесть), в моем классе был один парень, самый что ни на есть обычный. Звали его, предположим, Толик. Так вот этот самый Толик не отличался ничем от манекена. Я, в свойственной мне ехидной манере называл его мистер Серость. Толик был никакой. Он был не просто средний – когда я входил в класс, в котором был только Толик, мне казалось, что в классе никого нет. Он сидел не далеко и не близко. Он был чуть полноват и хил. Это был просто Толик. А я был – не просто я, как мне казалось. Я был высокий, драчливый, нравился девушкам. Я огрызался учителям и писал в своих сочинениях воззвания к революции... А Толик писал о другом – он писал о любви к природе. Писал с глупыми ошибками о том, как он хочет просто жить, улыбаться и семью. Представляете? В тринадцать лет он писал о том, что очень хочет дочь. Я так уверен в том, что он говорил об этом в своих сочинениях, потому что я, насмешливо перечитывая их вслух, издевался над ним в команде таких же малолетних подонков. Толик сидел в углу и не плакал, а как-то очень грустно улыбался, не глядя в мои полные ярости и злорадства глаза.

Я неумело трахался со сверстницами, подробно рассказывая о своих любовных победах друзьям. Мне всегда казалось, что я окружен друзьями - верными и надежными. Мы подолгу сидели по углам разных дворов, мы дрались, мы жили, как нам казалось. А Толик? Он аккуратно учился, он проводил свои дни и перемены в компании таких же безликих неудачников, а мы ходили, закованные в черно-оранжевые бомберы, расталкивая их плечами. Я вспоминаю это, и мне словно поливают сердце ядом, я вспоминаю его лицо и глаза в этот момент, полные несчастья, я вспоминаю, и слезы копятся в моих глазах, а ведь я не сентиментален. Вовсе нет...

Я поступил в институт, в целую кучу институтов. Я был горд и счастлив, и мне казалось, что никто кроме меня не изменит мир. Я дрался с милицией на концертах Алисы, я резал себе лицо в приступах бессмысленной жалости к своей жизни, и мне все это время казалось, что я жил. Жил полной жизнью юноши и мужчины. А Толик? Толик с третьего раза поступил в институт каких-то металлов. Иногда он писал мне, пытаясь услышать от меня хоть что-то человеческое, но для меня он всегда был мистер Серость. Для меня не было никакого Толика – просто пустое место. Ведь я был я. Человек, который изменит мир.

Я терял друзей, которые не были друзьями. Я ругался с отцом, не разговаривал с ним годами из-за собственной гордости и уверенности в себе. Я спал со всеми, с кем мог спать, и ненавидел всех, кто не хотел быть как я, тех, кто считал меня идиотом, – я ненавидел их всех. И все те, кто когда-то любил меня, растворились на моем пути. А Толик? Толик улыбался с фотографий своей чистой, не замаранной сарказмом и ехидством улыбкой. Он не старался быть кем-то – он был собой.

А я был не собой, а тем, кем хотел, чтоб меня видели другие. Я гнал за признанием, деньгами, сексом, я не обращал внимания ни на кого. Я учился, работал, жил. Жил непрерывно, полной жизнью –

как мне казалось, только так и можно было жить. Я был воином, рыцарем, ебанным мушкетером свободы. Я мечтал все разрушить, стать террористом, кем угодно, только не провалиться в массу серости, как Толик. Я собирал анархистов, я ходил на ортодоксальные собрания сектантов, со мной было невозможно разговаривать, дружить, жить.

Когда я разошелся с первой женой и перестал жить со своим сыном, у Толика родилась дочь. Невероятная в своей милоте, она была так прекрасна, что я, не сдержавшись, написал ему об этом. И тут же забыл. А он запомнил. Он писал мне о том, как он счастлив. Он писал мне о том, как скучает по мне и «тем временам» в школе. Он звал меня на все ежегодные собрания класса, а я не ходил на них, я был слишком крут для этого. Для этих никчемных неудачников.

Я создавал и разрушал свои бизнесы, терял все и снова находил. Я болел от нервов, курил и пил. Я находил себя в странных местах и городах по всему миру. Я чернел душой и становился невозможен в дружбе от своих высоких моральных принципов. Я винил людей за мелкие проступки, напропалую предавая их чувства. В моих глазах жила ненависть ко всему. Я гнил внутри как тряпка от всего этого, но при этом мне казалось, что я прекрасен. Мне казалось, что я уже прошел великий путь, но это лишь начало. Я видел себя на этой дороге один, окутанный броней своих комплексов, не видя, что я никто.

Толик стоял рядом со своей женой, которая смотрела на него как на божество, глазами полными любви. Рядом с ним стояла его дочь, держа его за руку, а на руках в свертке он держал еще одну – новорожденную. Толик счастливо и глуповато улыбался, а старшая дочка сосредоточенно впиалась в кукурузу, кажущуюся огромной у ее маленького личика. Я ухмылялся презрительно, хотя в душе моей царил безумие. Толик был мистер Серость, а кем был в тот момент я? Я шарahalся, накачиваясь виски по пустой квартире, брошенный своими женщинами. Мой старший сын приезжал ко мне на выходные, мой младший сын не говорил (и, как выяснилось потом, и не стал

говорить, окружающие говорили за моей спиной, что это наказание мне за мои грехи). А Толик кормил дочь кукурузой.

Я потерял одну семью и разрушил вторую. Я ходил в горы в поисках адреналина, лазал по скалам и пытался выковать из своего тела Брюса Ли. Я боролся, дрался, работал, забывая каждый свой день делами и проблемами, чтобы не возвращаться в холодную пустую квартиру. Каждый год Толик звонил мне два-три раза и слушал мое молчание, рассказывая о том, как он скучает по школе и по мне. Как он завидует моей яркой жизни. О том, что он работает инженером. И почему-то он не казался мне мистером Серостью. Я уже казался себе мистером Говно.

Моего младшего сына признали инвалидом, и я замкнулся в себе, проклиная всех и все на свете от бессильной ярости и невозможности что-то изменить. Я бежал от своих бед и проблем в бесконечных командировках, поездках и делах. Я накручивал себе все больше и больше бестолковых дел, чтобы у меня не было времени оглядеться по сторонам и увидеть, чего стоит моя жизнь. И когда в тридцать лет мне стало некому позвонить вечером, я позвонил Толику. Впервые в жизни. Впервые. Глубокой ночью, накачавшись кофе, не успокоившись после пробежки, в слезах от жалости к себе я позвонил Толику и не смог говорить с ним. А он, словно чувствуя это, говорил сам, без остановки, вспоминая прошлое и думая о будущем, говорил наивно и мило, а я чернел внутри от того, что я такой нытик и слабак. Я не мог понять, что моей силой сейчас было бы выпустить из себя этот гной, скопившийся за тридцать лет, и хоть раз в жизни выплеснуть его наружу, а не сливать внутрь себя. Я повесил трубку, не прощаясь, и уснул тогда в одежде.

Скоро мне тридцать четыре. Все чаще на свои дни рождения я ухожу в горы один, потому что не готов переносить этот праздник среди людей. Но не так давно Толик позвал меня на день рождения к себе. Я хорошо помню тот день, я сидел в машине, уткнувшись го-

ловой в руль от усталости и думая о том, что я хочу сейчас либо напиться, либо секса. Я перебирал в голове возможные варианты этого пятничного вечера и тут он позвонил и спросил, не хотел бы я приехать на его тридцатитрехлетие. И я приехал. Был стол, накрытый его женой, и много его друзей. По квартире носились трое его детей – младший сын все время спотыкался и орал, а сестры смеялись над ним. Все, кто был на этом празднике, незримо были похожи на Толика. Улыбчивые, добрые, тихие – они смотрели на меня без упрека, хотя я сидел и отмалчивался, не вступая в разговоры. Я смотрел по сторонам. Не ел. И не мог поверить, что все вот так. Я знал, что меня ждет сегодня, и там не было ни грамма того, что я чувствовал в доме Толика. В какой-то момент его младшая трехлетняя дочь залезла ко мне на колени и, роняя крошки, стала жевать печенье, пристально глядя мне в глаза, иногда трогая меня за лицо, и смеялась, когда я щетиной щекотал ее ладошки. И Толик радостно смеялся, искренне веря, что именно в этом и есть счастье.

Рука у Толика была крепкая, широкая и теплая. Он проводил меня до машины, выгуливая дочку, которая напоследок, измазав меня едой, долго тискала мои небритые щеки. Толик заставил меня пообещать ей, что я еще приеду. И я пообещал, глядя в настойчивые серые глаза его дочери.

«Саша, ты гандон, а не характер сложный»

Измятая простыня стала моим флагом. Никогда не заправляемая кровать, развороченная и брошенная – вот символ моего одиночества. С кем бы я в ней ни спал, я все равно остаюсь в ней один. Ода одиночеству не в моих рассказах, не в душевной неустроенности она именно здесь. В смятых простынях моей спальни. Частенько и подолгу ворочаюсь в постели, размазывая свою усталость по кровати, пытаюсь приманить сон, и, когда он не приходит, когда дневное напряжение не дает мне уснуть, тогда я выхожу на балкон, прижимаюсь лбом к холодному стеклу и смотрю на улицу. Редкие проносящиеся машины подсвечивают Смоленское кладбище прямо напротив моего балкона, я высматриваю в полубреду фигуры призраков между крестами, вспоминая мутантов из фильма «Пикник на обочине». Так много слилось в голове к тридцати трем годам в моей жизни. Одиночество, сыновья, мимолетные влюбленности в женщин и нежелание с ними жить, секс, работа, долги и проблемы формируют великолепный коктейль моей жизни. Работа отнимает большую часть моей жизни, и к возрасту Христа начинаешь ценить те редкие моменты, когда работы нет. Когда сверло беспокойства и невроза не проделывает дырку в моем виске, и я отвлекаюсь настолько сильно, что забываю о нем. Я так долго пытался написать это эссе, что каждый раз садясь за него, я обескураженно смотрел на этот текст, совершенно забыв, о чем хотел написать. Все сливается для меня в одну гигантскую мысль, которая почему-то напоминает мне витраж в храме, через который бьет свет. И ты уже не видишь ни самой картины, ни солнца, а только разноцветный поток, бьющий в глаза. Знаете, мне, как человеку непримиримому, ощущение покоя дается очень тяжело. И поэтому у меня есть закоулок памяти, в котором я храню свои самые уютные воспоминания. И когда мне плохо, когда я не могу уснуть, когда мир стеной встает против меня, я окунаюсь в это

прохладное для меня озеро и выуживаю лучшие из них. Я оборачиваюсь в темноту комнаты и вижу призраков. Они окружают меня каждую ночь и нашептывают, кем мне быть.

«У меня есть мечта...» – прочел я в тысячный раз. В стотысячный раз я перечитал речь Лютера Кинга. В миллионный раз я перечитал эту фразу – «У меня есть мечта». А у меня она есть, подумал я, и закрыл браузер. Свет ноутбука отражался в темноте в окне, а я старался максимально оттянуть момент наступления сна, я не хотел, чтобы наступило завтра, я боялся. Каждый мой день стал близнецом вчерашнего, каждый мой день стал единоутробным братом завтрашнего. Я включился в бесконечную гонку за яркой жизнью – а казалось, что она все блекла, стираясь. Казалось, что уже нет той границы на рассвете между ночью и днем, а все превращается в бесконечные предрассветные сумерки без надежды. «У меня есть мечта» – нашептывал я себе, спускаясь на лифте в паркинг, чтобы добраться на своей машине до аэропорта, садясь в самолет, в полудреме посадки во Внуково.

Первой, кого я увидел, сойдя с аэроэкспресса на Киевском вокзале, была именно она. Я не хочу называть ее имя, хотя бы потому, что это воспоминание несомненно причиняет мне боль. Поэтому это будет просто она. Я был влюблен в нее до безобразия. Я чувствовал к ней физическую зависимость. Если я не думал о ней, значит, я спал, зная, что она спит рядом. Если я был один, то я не мог концентрироваться на окружающем меня мире и хотел к ней. Нас все время разделяло огромное расстояние, и меня это просто бесило. Поэтому сейчас, увидев ее зеленоватые глаза под челкой темных волос, я, расталкивая прохожих, метнулся к этим глазам, радостно вспыхнувшим, когда она меня узнала. Главным ее качеством, тем которое сводило меня с ума, была ее невероятная женственность, которая проявлялась в гибкости, страсти, в мягкой кошачьей походке и этих самых глазах школьницы-отличницы с плескающимися в ее омуте чертями. Она

льнула ко мне, и сразу же я казался себе мужественным героем. Она целовала меня, и щенячий восторг ребенка вспыхивал во мне.

Я вспоминаю, как она впивалась в меня, сидя сверху, а я гладил ее мягкое, удивительно упругое молодое тело. Я вспоминаю, как ей хотелось еще и еще, снова и снова. Как она, едва войдя в снятые номера отелей, квартиры и дома, начинала раздевать меня, что-то нашептывая сбившимся от страсти дыханием. И я не мог оторваться от нее. Первая в моей жизни женщина, от которой я не мог отойти, когда был с ней, которую я хотел чувствовать каждую секунду. Не знаю, почему так было... потому что мы подолгу не виделись, потому что мы с ней никогда не жили вместе, потому что я влюбился в нее? Не знаю. Я читал ей полусонной «Вспоминая моих несчастных шлюшек» Маркеса, и она улыбалась, показывая свои белые зубки, лежа у меня на груди. Мы виделись пару раз в месяц по три-четыре дня, и я жил этими днями. Я ревновал ее ко всем, не знакомя ее ни с кем, а она не показывала меня своей семье и друзьям. Она смеялась, связывала меня в постели и приводила своих подруг, зная, что я принадлежу только ей. Я сходил с ума, прижимая к себе ее раскаленное возбуждением тело. Я жил этими ночами и ожиданием их. Я не мог смотреть с ней кино, потому что мы все время касались друг друга. Мы почти не говорили о том, что нас ждет. Завтра, послезавтра, когда-нибудь. А потом вдруг выяснилось, что говорили... Ведь это не эссе о счастливой любви. Вообще, честно говоря, до сегодняшнего дня я никогда не писал о ней вот так. Посыпая солью рану. Ведь лишь те из женщин имеют смысл, которые оставляют на сердце рану. Те, которых вспоминаешь каждый день. Те, с кем ты каждый день сравниваешь своих мимолетных любовниц и женщин, которые идут с тобой по одному пути. Эта рана заживает, но она всегда живая. Вот и сейчас, вспоминая, я тыкаю в нее своими грязными пальцами, ковыряясь в подсознании и воспоминаниях.

Она была младше меня на пять лет, но была женщиной до мозга костей. Она чувствовала, когда я злился, когда я впадал в депрес-

сии, когда мне нужно было быть одному, и молчала. Ничего из этого я не ценил – все это казалось мне совершенно нормальным, а потом оказалось, что это не так. Спустя годы я понимал, что таких как она я пока не встречал. Что женщины, окружающие меня, всегда ждали, что я изменюсь, а я, отрешенно наблюдая за ними, понимал – нет.

Расстояния не отдаляли нас, но в какой-то момент я вдруг почувствовал, что уже не испытываю того восторга от нее. Я с самовлюбленной радостью вдруг подумал, что она перестала быть моими наркотиками. Что я могу уже не писать ей. Что я могу уже не ждать вечером ее фотографий из душа с игриво играющими ножками. Что я могу не отвечать ей сразу «я скучаю», а могу совсем не отвечать. Мои демоны – хотя скорее собственная гордость и глупость – вдруг смогли убедить меня в том, что я этакая смесь одинокого рейнджера и медведя-шатуна. За тысячи километров от меня она чувствовала: что-то пошло не так. Она аккуратно старалась понять, что произошло, но не могла этого сделать. А потом... «Саша, я выхожу замуж». А я презрительно усмехнулся, написав ей что-то вроде: «Рад за тебя. Удачи».

...она вышла замуж и вычеркнула меня из своей жизни и памяти. И я пытался потом уже, осознав собственную тупость, порадоваться за нее, но не смог. Когда я вспоминаю ее, мне кажется, что я наливаю в стакан одновременно ненависть, раздражение и признание того факта, что, если она позовет, я все брошу и приеду. Плач ситуации в том, что она не позовет. А я, поиграв в мужество и героизм, спрятался, как покусанный щенок, притворяясь, что все так и должно быть.

Женщины в один голос говорят, что я омерзителен. И если совсем недавно я лишь парировал, что у меня сложный характер, то недавно, когда моя стародавняя знакомая, красивая и умная девушка сказала: «Нет, Саша. У тебя не сложный характер. Ты просто гандон. И ведешь себя с женщинами, как гандон», я даже не обиделся. Ведь так и есть. Пока что – так и есть. И пора бы уже прекращать объяснять все сложным характером.

Скамейка была мокрой, грязной, абсолютно затерянной в парке на Никитской. Я сидел в сквере, держась за голову руками, весь покрытый мелкими колючими каплями дождя, кутаясь в куцую кожаную куртку, я ежился, чтобы холодная вода не стекала мне по голой спине под футболкой. Я смотрел, как она пьет кофе за стеклом огромной витрины кафе, улыбаясь кому-то мне невидимому. Улыбаясь так, как мне всего год назад. Касаясь кого-то невидимого рукой. А я смотрел, играя желваками, и больше всего хотел войти, сломать этому невидимому нос своим лбом, заливаясь его кровью, и в таком виде вот и доказать ей, что она выбрала не того. Но вспоминая собственное чувство омерзения от своих поступков, от игры в хладнокровного одиночку, я понимаю: «Саша, ты просто гандон». Поэтому я сплюнул и пошел в сторону метро.

И я не вспомню этот вечер

– Ахахаха, – она прямо аж давилась смехом. – Ты смешной. Давно так не смеялась!

Она призывно смотрит на меня темными глазами из-под постоянно падающей на глаза челки. «Женщину нужно все время смешить, иначе она заскучает и уйдет». Кажется, это из Покровского, но я могу ошибаться. Эту истину я усвоил навсегда. Поэтому, чередуя свои на грани приличия шутки с саркастичными замечаниями, я прекрасно держу на своем лице маску веселого молодого парня чуть за тридцать. Я улыбаюсь, доливая ей вино, и ковыряю вилкой пресный салат.

Мы сидим в модном московском ресторане, и я окружен своими близнецами. Парни молоды и подтянуты. Девушки в вечерних платьях, на высоких каблуках. У всех расширенные от удовольствия собственной значимости зрачки. Все белозубо смеются, пьют жадными глотками. Меня окружают запахи женской туалетной воды, добренной феромонами, я чуть возбужден и местом, и ситуацией. А еще больше – глубоким декольте своей спутницы, которая без стеснения демонстрирует отсутствие нижнего белья, что меня завораживает. Она уже сильно выпила, смех ее все громче, но он теряется в общем гуле ресторана. Глазки у нее стали уже совсем масляными. Она уже касается края платья, делая свое декольте все более вызывающим. Внезапно что-то перещелкивает, и я вижу себя со стороны. Уже не такого молодого, одинокого, уставшего себя. Вымучивающего из-под своего камуфляжа радости смешные шутки. Я ли это? Кризис осознанности обвалился на меня, как гранитная плита питерской набережной.

Улыбка остается натянутой на мое лицо., но я уже не слышу ее. Я вдруг понимаю, что знаю, чем кончится эта ночь. Я представляю с

утра ее в своем номере отеля, уже без платья, с размазанной по лицу косметикой. Конечно, возможно, наверное, все не так. Но именно этот образ запаха пьяного секса и пота, скомканных простыней, разброшенной вокруг одежды, все это убивает сексуальность момента. Она касается моей руки, видимо, лицо мое помрачнело. Я улыбаюсь и, извинившись, иду в туалет.

Раз за разом обмывая себе лицо холодной водой, я смотрю на свое отражение в гигантском чуть затемненном зеркале. Лицо, сбросив маску, становится уставшим и некрасивым. Щетина кажется не элементом стиля, а простой неряшливостью. Круги под глазами, высушенные губы, морщины на лбу, а мне всего тридцать два.

Музыка грохочет, смех все громче, вечер переходит в стадию, когда девушки уже сбрасывают с себя туфельки, а кавалеры закатывают рукава рубашек и переходят к активной стадии ухаживания. Злость заполняет меня как яд гадюки. Я закипаю от того, что мне все это надоело, забыв, что я сам пришел сюда. Сам привел эту девчонку, склеив ее за день до этого в аэропорту. Я застрял в Москве вместо того, чтобы быть с сыновьями. Я вспоминаю лица детей, легко вызывая их в памяти и понимаю, что сейчас я бы уже спал в соседней от них комнате. Эта мысль самоуничтожения приводит меня в самую настоящую ярость. Я сплевываю в раковину, сжеживаю «блять» вслух. Рядом со мной высокого роста парень лет тридцати пяти аккуратно расчесывает пробор на голове. Со стороны он выглядит как халдей царской России. «Чего изволите?». На нем рубашка навывпуск, и, мне кажется, для полноты образа сельского запевалы не хватает баяна. Он уже некоторое время, видимо, наблюдает за моим лицом, застывшим на его отражении, и подмигивает мне.

– Прихватило, старик? – он снова подмигивает мне. – Освежишься?

Он делает характерное движение ноздрями, словно снюхивая дорожку.

– Нет, – я продолжаю смотреть на него, – нет, спасибо. Мир против наркотиков.

Он жизнерадостно гогочет, не отрываясь от расчески и выверяя пробор чуть ли не по миллиметрам. Злость на самого себя накатывает волнами, гнетет меня. Я понимаю, что сейчас сорвусь. Я знаю, чем это закончится. Знаю, что сейчас это выплеснется в виде неоправданной грубости на окружающий меня мир. Только в злости я вижу себя настоящим. Отрешенным. Все это уныние не для меня, решаю я, и в момент, когда он приближает лицо к зеркалу максимально близко, продолжая насиловать свой пробор, я сильно толкаю его в затылок, приложив лбом прямо в зеркало, которое тут же покрывается паутиной трещин. Осколки вываливаются в раковину. Он сползает на колени и, смешно ковыляя ногами, пытается подняться. Кровь льется по лбу, заливая ему глаза, и в этот момент в туалет влетает охрана. Видимо, где-то камера. Меня начинают бить.

Я продираю глаза и понимаю, что упираюсь лбом в стекло мчащегося автомобиля. В кармане разрывается телефон, я как эпилептик собираю с подбородка слюну и, промаргиваясь, смотрю в окно. Бескрайняя пустыня Долины Смерти окружает нас. Монотонно желтый слепящий пейзаж, где не за что зацепиться взглядом, бескрайний, с шипящим яростным зноем солнцем. Я чувствую ее взгляд украдкой. Машину она ведет уверенно, это я уже понял, и она смотрит на меня, чуть скосив взгляд. Я чувствую, что она улыбается этой своей дразнящей улыбкой, чуть вздернув нетронутые изъясном губы. Я не могу скрыть восторга от мысли о том, что вот я сплю в машине, мчащейся на Восток, с ней. Я мог бы завилать хвостом, но я же мужчина. Я долго креплюсь, но проходит секунда, я уже утыкаюсь ей в ухо, в шею, отрываю ее от руля. Она смеется тем самым смехом, который я никогда не смогу описать словами. Она целует меня, когда я подставляю щеки, губы, затылок. Я слышу запах ее духов, чего-то легкого, и мне ничего не нужно больше, я отпускаю все свои беды и обиды.

Откинувшись на кресло, я беру ее за руку, небрежно лежащую на переключателе передач.

– Ты храпишь, ты знаешь? – она продолжает смотреть вперед, но ее пальцы ласково гладят мою ладонь.

– Провокация, – тут же отвечаю я, – я не храплю никогда. Доказательства есть?

Она не отвечает, улыбаясь уже каким-то своим мыслям, а я смотрю на нежный профиль и не могу сдержаться от чувства эйфории. От осознания того, как это она, такая прекрасная, выбрала меня, вот такого, какой есть. Влюбленность захлестывает меня, я касаюсь губами ее пальцев и надолго замираю вот так, успокоившись, чувствуя нежную кожу ее запястья на щетине. Кутаясь в эту ладонь, как в плед.

Вы спросите, что это? Зачем? Потому что я сам, когда пишу это, вспоминаю. И сердце мое сжимается от этих воспоминаний. Ведь совсем скоро моя убудочная натура все изгадит. Совсем скоро я все испорчу. И обратно я поеду уже один. Ведь это дар – портить жизнь окружающим меня людям, тем, кто пытался дарить мне любовь и тепло, которые я воспринимаю как должное. Привыкаю к ним. Сплеываю и ухожу в другую дверь. Не от жажды уйти, а от собственного скотства.

Я был совсем пьян. Я ползал по комнате вонючей гостиницы и ревел, как раненый мул. Я кричал, но в потоках слез и ругательств не было слышно ничего членораздельного, кроме «Умер! Он умер!!!». Кровь текла носом, я ползал по осколкам бокала, который я разбил, швырнув в стену. Кровь и слезы смешивались на полу, и я валялся в этом, пытаясь добраться до стоящей на низком столике бутылки. «Пока ты есть, есть мир. А когда тебя не будет, то не будет и мира» – говорил мне отец, когда я маленький начал бояться смерти. И вот нет для него, для моего друга, для моей крови, мира не стало. Он умер,

умер внезапно, быстро, так, что я не успел взглянуть в его глаза. И я выл, Боже, как я выл. Скорбь моя вылилась в ярость, ненависть и боль. Этот коктейль вырвался из меня, превратив в дикое, словно раненое животное. «Вы все! Вы все должны умереть вместо него!» – выкрикивал я, когда в номер, открыв его своим ключом, вошел портье в сопровождении охранника. Я помню их глаза, удивленные, сочувствующие, обескураженные. Ведь это я, в черной сорочке с каменным лицом, всего два часа как молча оплатил номер. И вот, как червь, в собственном говне и крови, я на четвереньках ползаю по полу... из грязи в князи? Нет. Из говна в помои. В помои.

Могила ухоженная. Я смотрю в камень. Не видя. И плачу, как девчонка. От бессилия... ведь для него мира уже нет, но в этом мире остался я.

Я пишу это, упившись кофе, проведя тридцать пять часов без сна. Побывав в четырех городах за двое суток и в сотне мест. Я просто пишу это, и сдавленный ком мешает мне сглотнуть от воспоминаний тысяч сделанных гадостей и глупостей.

Но я выплюсь. Саркастичная ухмылка вернется на место. Суррогатное ощущение собственной значимости накроет меня. И я не вспомню этот вечер.

Камень и я

Странный вечер. И текст странный.

– Вот говно.

Я смотрел на разбитое лобовое стекло своей машины. Не было ощущения обиды, только злость, причем не за себя, не за деньги и время – чего уж их теперь жалеть. Жалко было хорошо сделанную чужую работу, ведь люди морочились с этой машиной. Долго ее делали, смотрели со стороны, и тут какой-то ублюдок взял в руки камень и воткнул его в мое стекло. Оно покрылось паутиной трещин, и камень пробил многослойный сверкающий триплекс. У меня почему-то не было других ассоциаций, кроме как надругательства над женщиной. Уж не знаю, что за фантазия, но именно так я видел сейчас машину: словно кто-то взял и грязно трахнул ее, вытерев потом руки об подол платья. Вот говно.

Я смачно сплюнул сквозь зубы на землю, вызвав явное содрогание у проходящей мимо пасторальной семейки. Отец семейства, молодой парень, явно хотел сделать замечание, но, уперевшись взглядом в мое окаменевшее от злости лицо, он смутился и ускорил шаг. Сейчас мне невероятно хотелось закурить, хотелось вытащить из внутреннего кармана куртки пачку сигарет, неторопливо выбить одну, всунуть ее в угол рта и глубоко затянуться, почувствовав укол никотина в легкие. Ощущение настолько яркое, что я лезу во внутренний карман, который, естественно, пуст. Я бросил курить много лет назад, и с тех пор каждый день я мечтаю о сигарете. Но нет, теперь я ЗОЖ. Теперь каждый день я таскаю свое уставшее тело на какие-то совершенно дикие саморазрушению тренировки. Я перестал упиваться до рвоты в клубах, гоняться за телками, драться с какими-то чертями в обносках на темных улицах. Нет, теперь я совсем другой. Я ношу легкую щетину, брею голову и выгляжу дорого – такая работа. Я должен

выглядеть не таким, какой я есть, а так, чтоб хостес ресторана быстро находил мне столик. Так, чтобы мои оппоненты во время диалогов не чувствовали тревоги от потянутой моей футболки и торчащего ножа. Все давно уже не так. Я снова сплевываю и пытаюсь понять, что делать. Можно ли ехать на этой машине? Или это запрещено?

Непрерывно матерясь, я выковыриваю камень из стекла, осколки валяются пылью в салон, и я понимаю, что сейчас буду тереться жопой о стеклянную пыль. Дырка осталась здоровенная. Какое-то время я держу в руках камень, растерянно соображая, как поступить, и в итоге кладу его зачем-то в машину на сидение рядом с собой. Аккуратно сев на водительское кресло, я какое-то время тупо смотрю на камень, который лежит справа. У меня стойкое ощущение, что камень смотрит перед собой в разбитое им же стекло и, сжав губы, ждет, пока мы поедем. Я пару раз, не имея на то ни одного объяснения, хлопаю камень сверху, как товарища. Завожу машину и, глядя в дыру в стекле, обращаясь к камню говорю:

– Поехали, Джонатан. Нам пора.

Джонатан молчит, сжав свои каменные губы. Я тронулся с места, думая, что день обещает быть странноватым.

Одиночество сокрушает меня. Причем не само по себе, а как явление. Что это значит? Это значит, что иногда, появляясь в Питере ночью, выходя из аэропорта под стонущих в наушниках БИ-2, я понимаю, что сейчас я окажусь в совершенно пустой своей квартире. На самом деле, «своей» – это преувеличение. Я, от безденежья, фанат шеринговой экономики, поэтому я переступлю невысокий порог чьей-то квартиры, в которой я живу сейчас.

Квартиры, в которой неделями и месяцами хранятся мои вещи, и вот это – тот самый момент. Когда ты переступаешь порожек и ищешь рукой выключатель, загорается свет и вылизанная пока меня не было уборщицей квартира, сверкает пустотой. Каждый раз я в

припадке иррациональной жалости к себе облокачиваюсь на дверь и тупо смотрю перед собой. И что, вы думаете, я вижу? Я захожу в «Икею». Я захожу в эти бесконечные арендованные квартиры и нахожу рукой выключатель, раковину и туалет, потому что все они выглядят как каталог сраной «Икеи». В почти любой стране. В почти любом гостиничном номере. Повсюду. Повсюду я вижу одно и то же – свое собственное бесконечное нытье. Я натываюсь на зеркало и старюсь побыстрее закрыть его, потому что я больше не могу смотреть на свое унылое и усталое лицо, затраханное жизнью, ситуацией, и прочим... с каждым днем все сильнее. Я силюсь продемонстрировать всему миру, что мне все равно. Я пытаюсь доказать, что мне комфортно существование в одиночестве. Что наушники, книги и телефон заменяют мне социальную среду, но все это не так. И именно в тот самый момент, когда я нажимаю на выключатель света в той самой чужой квартире, с моего лица сползает маска, а я уныло сползаю по двери. Сползаю, предвкушая вечер перед ноутбуком в попытках как-то развлечь себя...

Не обращая внимания на удивленные взгляды окружающих, я со свистом загоняю машину на парковку Казанской площади. Невысокий узбек с лицом без возраста совершенно равнодушно принимает столик и кивает. Я отхожу на пару шагов, но тут вспоминаю про камень на сидении. Меня одолевает странное ощущение предательства, и, поколебавшись, я возвращаюсь, беру камень под мышку и иду в один из самых модных ресторанов города. Первое, что я встречаю в нем – сиськи. Я просто не знаю, как выразить иначе свое восприятие, но на трех администраторках-девушках, со сверкающими зубами, в вечерних платьях с декольте до трусиков я вижу окружающие меня сиськи. Вполне возможно, что следует выразиться иначе, но я действительно не могу оторваться от ощущения, что больше ничего сейчас передо мной нет. Избавившись от этого ощущения, я фокусируюсь на лице менеджера и вижу недоуменный взгляд, направленный на камень, который все еще у меня, прижатый локтем.

– Это мой друг, – совершенно серьезно говорю я, – нас должны ждать.

По колыханию груди вокруг, я понимаю, что все это воспринято как шутка, но что поделать. Мало кто видит раздраженно сжатые губы Джонатана. «Нужно собраться» – говорю я себе как мантру, пока меня ведут по бесконечному ресторану, отделанному как псевдодорогие английские клубы. Запах прожаренных стейков, строгие фартуки официантов и приглушенная музыка. И посреди этого великолепия я несу под мышкой камень, которым час назад кто-то разбил мне стекло. Осознав абсурдность, я начал ржать. Хостес испуганно обернулась, но я уже мгновенно успокоился и шел с видом человека, рядом с которым кто-то пернул. Сурово глянув на эту расфуфыренную девчонку, я с нескрываемой нежностью положил камень на кожаное кресло и пожал руки двум хлыщам, которые и забили мне встречу в этом ресторане...

Денек и правда был странноватый. Я уселся с грохотом на соседний от Джонатана стул.

– Ну что? – я улыбнулся. – Начнем?

И мы начали....

Мерзко было. Что тогда, что сейчас.

...скамейка была просто ледяная. Несмотря на довольно теплые последние деньки, эта самая скамейка стояла в постоянной тени. Но нам было наплевать, и мы трещали, отмораживая себе юношеские простаты, на ней непрерывно, на каждой перемене. То был прекрасный одиннадцатый класс, когда нам уже без проблем продавали и водку, и портвейн, и сигареты, а девочки уже перестали быть для нас принцессами и стали объектом сексуального вожделения. Мы прогуливали какой-то урок. Я это помню отчетливо. Мы сидели в своих черных бомберах втроем – тогда такое время было, все нормальные парни носили черные пилоты с оранжевой нутрянкой. Мы сплевыва-

ли каждую секунду, матерились и говорили, сжеживая слова. Именно так в нашем, ну, в моем точно, понимании вели себя мелкие гангстеры. Мы считали себя именно такими. Скамейка стояла прямо напротив входа в школу, вокруг паслись такие же черти в черных пилотах, а мы вполголоса обсуждали свои первые сексуальные успехи. Шестнадцать лет. Во мне было столько гормона, что можно было заправить им самолет на Лос-Анджелес и обратно... Не могу сказать, что мы говорили друг другу правду, но врали мы точно очень красочно о том, как успешно мы ведем свою эротическую жизнь. Рядом с нами сидела какая-то возрастная тетка. Точнее это тогда она казалась возрастной. Лет сорока. Пожухлая, помятая тетка сидела на краешке скамейки рядом и громко возмущенно сопела, а мы продолжали нервировать ее матюгами и рассказами о потере девственности, но уже через минуту стало ясно чего она ждала – из парадной вышел мужик лет пятидесяти, крепкий, с уверенным, чуть опухшим лицом. Толстое пузо, здоровенные руки, нависающий над всем этим подбородок. Тетка тут же запричитала, показывая на нас пальцем, использовала слова «ублюдки», «пошлятина», «мерзость». Мужик, недолго думая, навис над нами тремя и спросил, надавать ли нам, молодым говнюкам, по соплям.

Сейчас вспоминая ту историю, я задаюсь вопросом: неужели он не понимал, где находится и что делает? Он не был пьян, и, самое главное, он не был прав. Тот факт, что эта курица подслушивала наши разговоры – довольно странный аргумент. Краина города, гетто Просвещения, школа, которая славилась своими кровавыми драками во время дискотек.

Мы посмотрели на него снизу-вверх, и кто-то из нас, не я, даже не глядя на остальных, ударил мужика по яйцам. Прямо в кукошки, не целясь. Очень сильно. Раздался звук выпускаемого из шины воздуха, и мужик осел, хватая ртом воздух. Дальше все разом. Крики, переходящие в ультразвук этой тетки, суета прохожих. Подскочив на

ноги, мы зачем-то бессмысленно жестоко били ногами тело, а потом разбежались ссыкливо, как только услышали взрослые крики. Мы не были детьми. Мы были подонками и подростками. Такая глупость...

Разговор шел уже час. Они сидели напротив меня, потягивая кофе, а я совершенно разнузданно растекся по креслу, почти ни хера не понимая. Парни были из какой-то полунаучной лаборатории, пришли рассказать о своем проекте, невероятном проекте раскрутки своего нового продукта, какой-то лампы. Честно скажу, что я даже примерно не понимал, как эта лампа может помочь людям, но лицо мое было предельно внимательным. Я отличный собеседник. Периодически я благосклонно, но не очень явно поглядывал на сидящий рядом камень, скрытый от посторонних глаз скатертью. Они были как близнецы – в одинаковых рубашках, модных блейзерах, пили кофе и смузи. И на два голоса, контральто, пели мне и пели, и пели.... И тут мой мозг вновь сыграл со мной очередную злую шутку. Я сосредоточил взгляд на них, заставив глазами их недоуменно замолчать. Потом я неспешно выложил камень, положил его прямо на скатерть между нами и спросил, глядя прямо на него:

– Что ты об этом думаешь, Джонатан?

За столом повисла пауза. Я был настолько серьезен, что ни у кого даже не возникло мысли, что я шучу. Я долго и пристально смотрел на камень, а потом перевел диковатый, но полный сосредоточения взгляд на собеседников. Пауза была такой тягучей, что я, напугав обоих, даже протянул руку, подумав, что упрусь в какую-то тугую пленку. Все вздрогнули. Я глянул на Джонатана – как он там?

– Саша, вы в порядке? – один все же нарушил паузу. Я уперся в него кинжальным взглядом, меня уже понесло.

– Я в полном порядке. Лампа отличная. Идея классная, – я загибал пальцы, – но без партнера я решения не принимаю.

Джонатан сосредоточенно молчал. Я аккуратно почесывал камень сверху по голове, как по лысине. Джонатан молчал. И я молчал.

И они молчали, придурки с лампой...

Странный был тот день. Уж очень.

...мы с ней познакомились случайно. Она выглядела так невзрачно, что я даже не обратил на нее внимания, что я даже не разглядел в ней женщину, не увидел очарования ее глаз и сексуальности. Компания сидела в каком-то московском ресторане. Я сильно уставший, затюканный работой и проблемами, сидел в углу стола, глядя перед собой. Прикидывая, когда можно будет уйти, никого не обидев. Я даже не расслышал сперва в шуме смеха ее голос. Она, сидя справа от меня, коснулась моего локтя и показала на бутылку вина, кивнув на свой бокал. Я механически налил ей, и, убирая бутылку, уткнулся в ее прямой взгляд. Я как будто споткнулся на бегу. Словно в меня плеснули ледяной водой. Огромные, невероятные зеленые глаза, я помню их каждый день. Это ощущение, когда они, чуть подернутые дымкой огромных ресниц, смотрели на меня в упор. И вот именно тогда я понял – сердце встало. Она улыбнулась чуть презрительно, глядя на мою оторопь, зная свою силу, и отвернулась... А я остался смотреть на нее – это был тот самый «книжный» момент, когда я хотел уже только ее. Не хотел есть, не хотел пить, не хотел откликаться на свое имя, я хотел только ее. Это был тот самый удивительный жизненный момент, такая карма, когда стечение обстоятельств явно было против меня. Я был уставший, больной, поломанный на тренировках, кричал, когда вставал и садился. Я единственный был в футболке, и мне прямо ощущалось, что я плохо пахну – так оно, возможно, и было... Таким я и запомнил тот вечер, в странном тумане. Все, что я видел, была только она... Влюбился ли я в нее в тот момент? Не знаю. Но вот годы идут, а перед моими глазами ее лицо. С той самой вздернутой верхней губой... А уж сколько лет прошло.

Вечная нОгота, или Как я орфографию учил

Эта история – это даже не история, это наша реальность. Даже не так – это прямо-таки моя реальность, которая меня сокрушила. Нанесла, так сказать, удар.

Вчера вечером я, укутанный говном и яростью своих эмоций, моего стандартного состояния вечером, полностью погруженный в свои заботы, долги и невнятные проблемы бизнеса, вошел в квартиру и поступил совершенно обычно для себя. Сбросил сумки и сразу стал переодеваться в «домашнее». Это значит, что я снял с себя все, кроме старых красных штанов, в которых моя бывшая девушка вела уроки по аэробике. Штаны сваливались с меня, удерживаясь только на косточках таза или если у меня начиналась эрекция. Раздевшись полностью я, как и любой мужчина, попрыгал перед зеркалом, будучи полностью уверенным в своей красоте. Выдавил прыщ на сиське и поулыбался сам себе. Все как обычно. Непрерывно подтягивая на себе спадающие штаны, я с нарастающим чувством голода приготовился пожрать. К сожалению, мои бытовые скиллы таковы, что я совершенно не способен готовить что-то съедобное. Поэтому единственное блюдо, которое я могу приготовить, – это яичница- помойка. Выглядит она как говно, но на вкус она как говно только в пятидесяти процентах случаев. Приготовить ее можно, сваливая все что есть в холодильнике на сковородку. Нагреть до готовности и съесть. В сегодняшней были сосиски, мазь от геморроя, яйца, хлеб и прочее. И в этот раз яичный бог подвел меня, поэтому мало того, что выглядело все это в тарелке действительно как помойка, так и на вкус было так себе. Поэтому я включил сериал «Силиконовая долина» и стал давиться всем этим набором белков и витаминов. Почесываясь, попахивая потом рабочего дня, я практически голый сидел на кухне и туповато смотрел перед собой в монитор, периодически засовывая в рот эту странную яичную кашу.

Была уже полночь, когда я, упившись черным пуэром и напихавшись яичницей, смешанной с хлебом, начал клевать носом. Я плохо сплю, поэтому выжидаю всегда до последнего, когда сознание покинет меня. Собственно, именно в тот момент, когда я, сексуально двигая волосатой своей жопой, сбросил с себя штанишки и завалился в постель, уткнувшись в телефон, и произошло главное событие этого дня. Я уже положил телефон, рухнул на подушку и начал коровьими глазами разглядывать свои длинноволосые ноги в ожидании отключки, когда телефон немилосердно завибрировал. Я чертыхнулся, что забыл включить авиарежим, и взглянул на экран.

«Катерина Пулково» было написано на экране. Пару недель назад в одном из своих бесконечных перелетов я наткнулся взглядом на потрясающе красивую девчонку, и мы, мило болтая, подружились. Потом мы еще два-три раза встречались в Питере и разок в Москве, но дальше намеков дело не заходило по причине спешности встреч и общего нашего с ней веселья.

«Я ногая», – было написано в чате вотсапа. Сперва я просто долго смотрел в телефон. Я просто сперва даже не понял, какого хера написано на моем экране – «ногая»? Я большой фанат секса по смс, и она была адски красивая, но что же значит «ногая»? Просто вечер был, и я отупел, но тут до меня доперло. Я сразу представил себе, как она сидит голая (а может быть, кстати, и нет), и вот вдруг она вспомнила меня, такого молодого, и решила развлечься, и, конечно же, я совсем не против... Но она «ногая». Голая. Обнаженная. И совершенно. Невероятно. Блять, до охеревания неграмотная. Ногая. Я попытался представить ее, с хрустальной кожей, высокой грудью, проводящей себе длинными красными ногтями по шее... я даже зажмурился, но тут поверх этой порно-картинки как печатью упало - «НОГАЯ». Просто «НОгая».

Я подумал о том, что нужно срочно записать ее «ногая Екатерина». И в данной ситуации это будет выглядеть, как фамилия.

«Как вообще можно написать – нога?» – думал я.

«Ты тут?» – возникло следующее сообщение. Я не представлял, что ответить. Эрекции с нОгой не предвиделось. Хотелось написать «я тоже ногой», но тогда вполне могло так получиться, что она подумает лишнее на тему моих ног. Длинных, загорелых, волосатых ног. Как же так можно, айфон разве не исправляет? «Ты тут?» тревожно напоминало мне о том, что она там. Нога. Лежит и ждет нашей виртуально-сексуальной игры. А я не могу. Моя врожденная ненависть к неграмотности, практически нацизм – все это не дало мне возбудиться. Совсем. Даже несмотря на ее «ноготу». Нога. Может быть, она имела в виду что-то другое? Типа «у меня что-то с ногой». Или... Вдруг озарила меня великолепная идея: может, она хочет сказать, что рядом с ней лежит Ногайна, змея Волан-де-Морта. Или там правильно было Нагайна?

«Ты тут?» – внезапно упала фотография. В чате возникла аппетитная часть ногого тела. Она не возбуждала. Мысль о ее «ноготе» не давала мне разглядеть наготы. Кто фашист? Я фашист? Нет. Я нацист от грамматики? Не смешите меня. Я просто лежу ногой. В постели. Ногой. Я. Призывная фотография голой женской попки висела неотвеченной в чате с ногой Екатериной. Я на секунду представил, что мы лежим оба голые, и тогда в ее мире я и она будем лежать ногие вдвоем. То есть это будет наша общая ногота...

Так сексуально. Аж мочи нет. Пользователь «Екатерина Пулково» печатает... Я ждал. Пристально смотрел в экран. Как же долго она печатала. «Тебе не нравится?» – появилось на экране. Я задумался, опять зажмурившись. Голое женское тело мелькнуло передо мной, ее прекрасное ногое тело. И моя пиписька работать снова отказалась. Я многократно повторил в голове слово «ногота». Зачем-то. Стало только хуже. Змея Ногайна, мои волосатые ноги... все слилось для меня в один дикий образ. Тогда я не выдержал. Я поднял вверх свои волосатые ноги и сфотографировал их, а потом отправил в чат, выключил

телефон и лег на подушку. Долго я не мог уснуть. Совсем. Я ни о чем не думал. Даже не думал о сексе. О ноготе. Ни о чем. Просто лежал. Утром я с любопытством смотрел на свой телефон, прежде чем его включить. Что же там такое может быть. В чате было лишь одно сообщение в конце. От Екатерины Пулково.

«Ты что, идЕот?».

Бабкина победа, или Враг не пройдет

Море ласкает мне ступни. Такая заезженная метафора, но я не могу обойти ее. Мотаясь между небоскребами, одноэтажной Калифорнией, мрачным Питером, я внезапно оказался на море. Синева поглощает меня, грохот многокилометрового прибоя оглушает, и теплая накатывающая вода ласкает мои ступни. Еще семь часов назад я увлеченно работал в душном офисе, и вот я здесь. Стою в одних шортах и улыбаюсь глуповатой улыбкой счастливого идиота – море. Вот оно. Я наклоняюсь, набираю в ладони соленую воду и умываю лицо, словно пытаюсь смыть с себя горести и радости, переродиться, стать на несколько дней не злорадным ублюдком, а нормальным человеком. Капли мгновенно высыхают под палящим солнцем, и я запрокидываю небритое лицо, подставляя его жару, мгновенно слепну от яркости и вспоминаю, как это – не торопиться. Не бежать. Жить вот так мгновением. Пытаюсь и не могу: мой мозг тревожится и переживает, что я отупею, непрерывно подкидывает пищу для переживаний. Но я улыбаюсь – море, вот оно. Как ребенок.

«...террор! Только террор!» – выступающий воздевает руки над собой в довольно комичном театральном жесте провинциального актера и победно оглядывает аудиторию, в которой уныло зевают человек двадцать. Видимо, будущих террористов. Я сижу за колонной, стараясь не отвечивать на этом псевдосекретном собрании современных анархистов. Все это выглядит смешно и уныло. Много лет я изучаю терроризм, я был на тысячах лекций проповедников этой войны, которых привозили на тяжелых, чавкающих дверями Мерседесах, а потом в дорогих отелях они же сидели в лобби с потрясающими шлюхами, угощая их шампанским. Этот кружок юных революционеров носил какое-то уже мною забытое, неудобоваримое название из множества слов. Тщетно попытавшись понять семантику, я сдался и просто сел слушать выступления. Выступающие, все как один

в черном, тощие от недоедания, одетые в дешевые пиджаки, говорили об одном и том же. Затянутые призывы к свержению власти, смерти системы и построению на ее месте нового и, видимо, лучшего сира. Кто будет строить не сообщалось, но, видимо, они. Так сказать, выступающие. Было невероятно скучно, и я пришел только потому, что хотел подготовить материал для очередной статьи, но с самого начала понял, что ничего не выйдет. Группа неучей и бездарей, прикрывающих свою глупость и нежелание работать тем, что они не способны существовать в этой системе координат. Выливающие свою едкую ацетоновую ненависть со сцены дешевых ДК на таких же неудачников в виде потуг неврастеников восстать против той самой пресловутой системы. Самым страшным террористическим актом с их стороны стало насрать перед приемной ФСБ ночью. А системе просто плевать на них. Она их не замечает. Я прикрываю глаза, устало тру их, смотрю по сторонам в поисках хоть какой-то движухи... И натыкаюсь взглядом на нее. Она тихонько, по-ученически выпрямившись, смотрит на сцену, вздернув верхнюю губу в презрительной усмешке, чуть перебирая ремешок черной сумки длинными тонкими белыми пальцами. Я почему-то на много лет запомнил именно эти пальцы – такие мягкие, нежные. Именно этот момент будоражил меня и мои фантазии почти десять лет. Вот тот самый первый миг, когда я увидел ее. «Что она тут делает?» – была моя первая мысль, но тут она моргнула, и, повернувшись, наткнулась на меня, с отвисшей челюстью и явно очень глупым лицом...

Отель был невероятно скучный. В этот раз я поехал без своего прекрасного старшего сына и принял стратегическое решение поехать в отель «только для взрослых», куда не пускают с детьми. Турагент, давно зная меня, с сомнением сказала: «Саша, но там же разврат!», чем на сто процентов убедила меня в том, что надо ехать прямо сейчас. Сутки до вылета я готовился к разврату морально, совершенно не представляя себе, как это будет выглядеть. Но фантазии

о полуголых молодых одалисках, сигающих в бассейн не оставляли мой воспаленный разум. В общем-то, все так и оказалось, за некоторым количеством исключений: мне тридцать два, и я был самый молодой на десять квадратных миль вокруг, причем следующему «молодчику» было уже пятьдесят пять как минимум. В девять вечера отель и окружающие его кафе и пляжи вымирали настолько, что в этой кладбищенской тишине себя некомфортно чувствовал бы даже Дракула. Престарелые одалиски ласково кивали мне, нещадно подставляя свои рыхлые тела солнцу. Выглядело это как пастбище доброжелательных морских котиков. Семейные пары от пятидесяти пяти лет явно не были готовы к разврату, а если и были, то меня не приглашали. Дав волю бурной фантазии, я представил себе, как эти старушки и старички голые с разгона ныряют своими обширными телами в бассейн, задорно хохоча, и целуются под водой. Эта фантазия преследует меня до сих пор в кошмарах. Угрюмо походив вокруг пустого бассейна, я пробежался вдоль пляжа, осознав, что я самый юный не только в отеле, но и вообще, видимо, во всей Греции...

Вообще я возраст уважаю – меня так папа воспитал. Но вот конкретно именно эта старушенция... Уж простите меня, не могу подобрать другого слова, именно старушенция. Я даже слово «бабушка» не могу по отношению к ней употребить, бабушка – это святое. Это вкус молока, это чувство заботы и безграничной нежности и любви, это что-то очень теплое, родное. А это была именно злобная, крикливая старуха, то ли полька, то ли чешка с омерзительным каркающим голосом, которым она гоняла по всему отелю своего несчастного мужа с грустными собачьими глазами, в которых пофигизм и покорность судьбе были смешаны в равной пропорции. Смешать и не взбалтывать. Он мазал ее жирную спину гелями и кремами, массажировал ей ноги и даже, кажется, пытался подогреть бассейн своим дыханием. Вот именно эта старуха Шапокляк в теле Шрека и жила в соседнем номере. Каждый вечер с десяти до одиннадцати она выходила

на смежный балкон, закрытый полупрозрачной вставкой от моего, и час крикливо говорила с кем-то по телефону с большим преобладанием шипящих. Если бы это можно было записать на диктофон, то я бы пугал этой записью детей, ну или подносил к стаканам, чтоб они взрывались. Первые два дня я, сжав зубы, терпел, надевая наушники, но она прямо-таки орала со своего балкона. Я не понимал, зачем ей телефон, ее явно слышали в Польше и так. Омерзительный тембр голоса был таков, что мне не помогали ни наушники, ни надетая на голову подушка – ничего. Полагаю, что даже если бы в этот момент нас бомбили, то я бы слышал этот мерзкий скрежещущий голос, как будто ножом скребут прямо по слуховому нерву. Я понял, что вот это и есть он – разврат. Честно продержавшись первый и второй день, на середине третьего ее разговора я вышел и постучал в стекло балкона. На секунду возникла пауза, а потом, напугав меня, через него свесилось ее обрюзгшее и злобное лицо. Я понял, что Шрек и Старуха Шапокляк не заслужили сравнения с этим идолищем. Поглядев на меня секунду, она совершенно спокойно продолжила орать свои фашистские приказания в трубку. Я так и представил ее в мундире СС на вот этом балконе, вскидывающей правую руку восторженной толпе. Поборов врожденную трусость, я решил, что врага бьют его же оружием. Я достал телефон, прижал его к уху и как резаный заголосил на весь этот дом престарелых, как будто говорю по телефону. Я орал невероятные гадости и пошлости, как будто говорю с девушкой, томимой сексуальным желанием, я переходил с русского на английский и наоборот, я покупал и продавал акции неизвестных компаний, восторженно распекая несуществующего собеседника и орал: «ПРОДАВАЙТЕ ВСЕ, СУКИ». В какой-то момент я понял, что ору все это в полнейшей восторженной тишине. Престарелые жители отеля забились по углам в ужасе, думая, что русский окончательно ебнулся от тоски и одиночества. Я злорадно захихикал и прислушался. На соседнем балконе стояла тишина ожидания. Ужаса и страха. Утром следующего дня старушенция за завтраком долго и угрюмо смотре-

ла мне в глаза, видимо пытаюсь, как Дарт Вейдер, убить меня телепатией. Я стойко выдержал и презрительно и демонстративно даже сплюнул в салфетку. Она склонилась к мужу и гавкающе выдала ему приказание. Думаю, это было что-то вроде «иди и убей русского, потом я сама его освежую». Несчастный старик с взглядом спаниеля посмотрел на меня и подмигнул тем глазом, который не видела его жена... отдых начинал мне нравиться.

...я голый, весь исцарапанный скалами, лежал у нее на животе.

– Тебе не тяжело?

– Нет, мальчик, лежи, все хорошо, – она задумчиво водит пальцами по моему лицу, по закрытым глазам, едва касаясь меня. Я старше на восемь лет, но она называла меня так с первого дня нашего знакомства на том самом сборище новоявленных анархистов-революционеров. Она так и сказала: «Все вы мальчишки. Злые воинственные мальчишки». Сказала после того, как я неуклюже спросил ее после знакомства, не хочет ли она попить со мной кофе, и она легко, словно ждала этого согласилась. Я вспоминаю, как она насмешливо смотрела, как я пыжился перед ней, как показывал свои статьи, как я пытался произвести на нее впечатление. Смотрела на меня своими огромными насмешливыми зелеными глазами, иногда пригубливая свой кофе, и потом каждый раз медленно облизывая от молока верхнюю губу как сытая кошка. Это было просто дико сексуально, и я был уверен, что она нарочно дразнит меня, и злился, что попадаюсь как школяр на эту удочку. Потом уже я понял, что горячность ее нрава и тела просто не держались внутри и вырывались именно в таких жестах, словах и взглядах. Она взглянула тогда на часы, и мы поднялись уходить, я протянул руку, на которую она посмотрела с усмешкой и изумлением, и вдруг гибко прижалась ко мне на секунду, обдав едва уловимым запахом духов, и поцеловала куда-то в подбородок. Я оторопел, а она рассмеялась, так и оставив меня с дурацкой улыбкой в том кафе.

– Расскажи мне, где ты был? Почему ты весь исцарапан? – она начинает гладить мои плечи и грудь, вода по длинным и глубоким царапинам, уже подсохшим и выглядящими уже не так страшно, как было тогда, когда мы по одному валялись с маршрута, разбивая локти и колени, разрывая на себе куртки и майки, а потом уже кожу и мышцы.

И я послушно рассказываю все как было, не преувеличивая и не преуменьшая, как прошли последние десять дней нашего скального выезда, рассказываю в красках и длинно – я знаю, что она любит это. Руки ее все это время гладят меня, и я в какой-то момент начинаю заводиться, но она, мгновенно почувствовав это, убирает их и стучит мне по носу. Я покорно продолжаю свой рассказ о палатках, о том, как было холодно и страшно в третью ночь, и половина из нас развернулась и ушла обратно. Рассказываю, как я неправильно привязался и сорвался первый, подставив всех остальных под удар. Я бестрепетно описываю ей, как меня парализовал ужас, когда я летел, тыкаясь, и кричал. Как мы шли и варили быстрорастворимую лапшу на остановках. Я рассказываю ей, стараясь припомнить все мелочи, потому что знаю, что ей этого хочется. Она слушает меня молча, я не вижу ее лица, но чувствую переживания в ее дыхании, в биении сердца под тонкой и нежной кожей, в том, как напрягаются на мне ее пальцы и руки.

– Все рассказал? – она переворачивается и наклоняется ко мне так, что ее волосы щекочут мне лицо и губы. – Или что-то утаил?

– Все рассказал, – с закрытыми глазами говорю я, – честно.

– Еще пойдешь? – она старается говорить спокойно и равнодушно, но я слышу ее тревогу, и меня это радует.

– Пойду, – ровным голосом отвечаю я. – Не скоро, но пойду.

– Ну и дурак, – она звонко целует меня в губы и поднимается. – Мальчишка ты. Подвига тебе не хватает.

Я молчу, не открывая глаз. Я слышу, как она выскользнула из-под простыни и ходит по комнате, я слышу, как бурлит моя собственная кровь, я слышу свой разум, я слышу свои чувства, замершие от восторга, что вот я сейчас здесь и с ней, что сейчас она выпьет воды и вернется ко мне. И окутанный этим ощущением я заснул...

Бег успокаивает меня. Я набираю скорость и бегу, не глядя по сторонам. Я гоню свои мысли и ощущения, пытаюсь сосредоточиться на работе мышц и дыхания, пытаюсь отрешиться от своих дел. Мне нужно это сейчас. Хотел, чтобы было тяжело, чтобы я задыхался и не мог сосредоточиться на своих мыслях. Я здесь пятый день, и за пять дней я не говорил ни с кем, только по телефону. Я упиваюсь своим одиночеством и уже забыл о том, что ехал в «разврат для взрослых». Мне уже никто не нужен, я, глубоко засунув руки, копаюсь в своем сознании, как хирург препарировую свой собственный мозг, чтобы разложить все по полочкам, понять, где я нахожусь, и диагноз неутешителен. Завышенная самооценка, высокомерие, сарказм, который как панцирь прикрывает застарелые комплексы неполноценности. Чувство наслаждения одиночеством, которое непрерывно переходит в депрессию, с которой я непрерывно сосуществую, и страх, что кто-то наконец-то увидит за всем этим напуганного взрослой жизнью мальчика. Друзья, растворившиеся во времени, превратившиеся в ничего не значащие вопросы о том, как дела раз в месяц. Женщины, которые приходят к тебе просто так, скрасить вечер или ночь. И эти бесконечно длинные, полные тревоги дни и чувство страха и нежелание остановиться хоть на секунду в своем беге, чтобы этот самый страх не догнал меня, заставив наконец-то честно признать происходящее. Я бегу еще быстрее, тело, подготовленное годами тренировок, послушно делает то, что должно, подчиняясь. Я бегу длинными, показушными шагами, полуголый и почти черный от загара, даже в момент этой отрешенности думающий о том, как меня видят окружающие. Социум, который я так яростно ненавижу, боясь признать, что мне

нужно одобрение окружающего мира, и злость на себя самого за это. Злость, которая выливается в едкие замечания и саркастичные выпады, демонстративную язвительность. Я сжимаю зубы и бегу, бегу и бегу. Сам от себя. Точно зная, что именно от себя-то мне и не убежать.

Палатка стоит прямо на леднике. Я шел и устал неожиданно, вдруг. Апатия обрушилась на меня, как будто обухом ударили. Быстро поставив палатку, я влез в нее, укутался в пуховик и разжег горелку прямо внутри, хотя так делать нельзя. Я прислонился к рюкзаку и полулежа смотрел за медленно кипящей водой, растопленным снегом. Я очень счастлив. Я не знаю почему, но именно так и есть. Меня окружают невысокие пока еще горы и скалы, огромное плато, на котором я остановился, бескрайняя поляна льда и снега, изогнутая серраками и нагромождениями камней. Двухнедельная щетина ужасно чешется под нашейной повязкой, и я яростно длинными нестриженными ногтями расчесываю себе подбородок. Вода закипает, и я выключаю горелку, и с этим движением словно выключаются все звуки мира. Я замираю, боясь шелохнуться. Замираю, впервые в жизни почувствовав, что, возможно, мир именно в этой тишине, а не в бесконечной суете. Я замираю, сдерживая даже дыхание, и на секунду даже испугавшись, что, может быть, это я перестал слышать, а не мир выключил звук. Но вот зашептал ветер между скал, скрипнул подо мной спальник, я вздрогнул и залил горячую воду в пластиковую коробку быстрорастворимой лапши. Пару минут нужно подождать, и я снова, облокотившись на рюкзак, мечтательно улыбаюсь – впереди еще четыре дня, и вряд ли я встречу кого-то на своем пути. За все это время я не видел ни единого следа людей и верю, что так и будет. Я успел подумать обо всем за последние дни, принять массу решений, а последние сутки мой мозг словно отключил меня от раздражителей, и я думал о мелочах. О еде, о следующем шаге. Я подолгу вслух говорил со своим давним вымышленным другом Стиви и смеялся сам над собой, представляя, как глупо выгляжу. Я утопал

в наслаждении каждым шагом по льду и снегу, я не чувствовал вес рюкзака, я просто шел ни для чего. Просто чтобы идти, зная, что там, куда ты идешь, никто не ждет с вопросами и советами, что сейчас есть только ты сам, что это зарево заката – только твое, и тебе нечем его сфотографировать или записать в сториз, что есть только ты. Вот именно сейчас. Что тебе некого обманывать своей одеждой и манерами, что тебе не нужно выглядеть хуже или лучше, чем ты есть. И хочется кричать – да, я тут один, только для самого себя, потому что я – это и есть сейчас мир, а мир – и есть я. Энергия течет в меня, как в пустой сосуд, я наливаюсь звенящей силой и чистотой мысли и открываю глаза, когда солнце уже зашло, и я сижу в палатке в полутьме сумерек. Я надеваю налобный фонарь, щелкаю, и веселый синеватый свет освещает оранжевые стены палатки. Я ощущаю жар и запах лапши, чувствую, как слюна заполняет мой рот. Пора ужинать и спать. Завтра снова идти.

Хоронить всегда тяжело

Он сидел уверенный передо мной. Такой же наголо бритый, высокий и гораздо более симпатичный. Он разглагольствовал из всех сил. Он обсуждал женщин, девушек и телок. Он цедил слова уверенно, но иногда, сбиваясь от ощущения собственного небесного великолепия, начинал захлебываясь рассказывать, как сильно и кого он имел, трахал и в каких местах. Он называл места, вкусно описывая свои и ее ощущения, он поигрывал мышцами и говорил непрерывно. А я сидел рядом и смотрел на него во все глаза – это был образец истинного самца человека, не созданного ни для чего, кроме дикой и безудержной ебли. Я представлял его в специальной конюшне рядом с племенными жеребцами, выращенными только для улучшения рода. И смущало меня не то, что он помнит всех этих своих бесконечных баб, а то, что в жизни своей он помнит только это. Но не какую-то конкретную женщину, а всех их разом вместе... Как просто одушевленную биомассу, в которую он счастливо пихал свой член. И вдруг я отключился и стал вспоминать. Вообще у меня редкий дар отключаться от дебилов, окунаться в свой собственный «Омут памяти Дамблдора» и не видеть ничего вокруг себя, не слышать никого вокруг себя. В том числе и вот таких самовлюбленных ублюдков. Я не Буковски и не могу написать книгу о своих женщинах... но некоторых вспоминаю. Я вспоминаю их всегда счастливо, тех нескольких из них, кто поменял мою жизнь, кто окутал меня как пледом одеялом своей заботы и ласки. Мое сердце сладко замирает, когда сознание уютно подсказывает, подкладывает мне их лица и улыбки.

Прикрывая свои многочисленные комплексы и страхи маской брутальности и агрессивностью, я живу так, как привык за много лет. Непрерывно я пытаюсь казаться не тем, кто я есть на самом деле. А я слабый. Я непрерывно помню о том, что я слабый. Что я опускаю руки, что я не могу заставить себя признаться себе в ошибках,

что я скачу на мертвых лошадях... И самое поганое – что я не могу удержать своих женщин. В ожидании тридцати трех лет я прихожу в пустой и неуютный дом. Я всегда, каждый день, каждый, понимаете, день делаю это одинаково. Я закрываю за собой дверь, опираюсь на нее и сбрасываю с себя рюкзак, сбрасываю, не наклоняясь, обувь... Заученными до автоматизма движениями. Я вижу себя со стороны пустыми в конце дня глазами. Вот он, главный момент дня на самом деле, когда вся моя уверенность вышла из меня, как будто в шарике сделали едва заметную дырку и меня спустило. Только не хватает шипения выходящего воздуха. Я сяду на высокий стул и долго буду так тупо и бессмысленно сидеть, пытаюсь собраться в кучу. Потом я, может быть, что-то съем, не разогрев... И упрусь в книгу. Любую, лишь бы не думать, просто читать, стараясь отвлечься...

А ведь все было иначе.

Запах дурманит. Запах свежеспиленного, свежесрубленного дерева, еще сочащегося соком. Запах сосновых шишек и хвои, сбивающий своей чуть цитрусовой сладостью с ног. Если закрыть глаза, то можно представить себя в лесу, укутанном сумерками тени деревьев... Но глаза были открыты, и я шел мимо пяти свежеструганных, грубых гробов. Низкий ангар рядом с кладбищем. Я вошел, пригнувшись, чтобы не разбить себе голову, и медленно, отстукивая каблуками модных бровов, пошел вдоль гробов, этой последней юдоли мертвеца. Все гробы пустые, сделаны на коленке, с длинными заусенцами, некрашенные, поэтому их волшебный запах столь сильно и контрастирует с тем, как они выглядят. Я знал, куда иду. Знал, что увижу. Мои эмоции мертвы, я загнал их в самую глубину своего сердца и мозга, чтобы не прорвались слезы ярости бессилия, обиды. И только этот запах, он чуть-чуть сбивает меня с толку, заставляет думать о чем-то домашнем, о доме из сруба, о камине... Я открыл глаза и уперся глазами в гробы. Крышки стояли, опершись на них, и внутри зияла пустота, очень странно манящая. Какое-то ощущение незапол-

ненности возникало при виде этого пустого гроба. Я даже наклонился над одним из них и провел внутри рукой, так бессмысленно, но за чем-то сделал это. Пустота. Но ненадолго. Пять гробов. Пять человек. Каждого из которых я знал, слышал, чувствовал много лет. Сейчас, вот прямо скоро, пройдет лишь пара часов, и я услышу снаружи гул мотора старого грузовика, кряхтение и шаги человека, какого-то неизвестного мне еще человека, который войдет, молча посмотрит на меня, и мы будем делать, то, что не должны. Складывать этих до невероятия близких мне людей, заполняя пустоту струганных ящичков. Слезы сдавливают мне горло, но глаза сухие, я не могу заставить себя заплакать, хотя уверен, что стало бы легче. Я лишь крепче сжимаю зубы, сажусь на дерматиновый полуразвалившийся стул и закрываю глаза. И только на долю секунды реальность происходящего падает на меня. Тут пять гробов. Пять. Каждый из них совсем скоро, буквально через полдня будут заколачивать, упруго вбивая гвозди в края. Каждый удар – я это знаю, я уже чувствовал это, я уже проходил это – каждый из них будет отдаваться в моем сердце, как боль в застарелом шраме. Каждый этот удар будет гвоздем в понимании, что никто из этих пятерых НИКОГДА больше не увидит меня. Не так. Я никогда не увижу ни одного из них, и все, все, что я хотел сказать каждому из них, что я хранил и берег, все это останется нерастраченным при мне навсегда. Вся та любовь, которую я хотел отдать им, она сгниет, как яблоко во мне, она предназначалась им пятерым. Равными долями, каждому из них. Ничего не будет. Ведь для них уже нет мира, в котором остался я. Я сижу, уперевшись руками, тыльными сторонами ладоней в глаза, и впервые за много лет не сдерживаюсь, и слезы катятся через мои веки, пальцы, обжигая меня и капая на пол. Я беззвучно рыдаю, шипя и сдерживаясь, чтобы не закричать. Мне кажется, что этот крик облегчит мне боль, злость и ярость на все живое, на Бога, который отобрал у меня этих людей. Я беззвучно рыдаю и скрежещу зубами на весь ангар, стирая эмаль коронок в труху. Я беззвучно рыдаю от боли и страха, что тех, кого я так любил, все меньше, и они

уходят, и мне кажется, что уходят они не из мира, а от меня, именно от меня. Я все плачу и не могу остановиться, бессильно уже опустив руки между колен, и слезы просто скатываются на пол. Я слышу шум мотора грузовика, и мое одиночество тревоги ломается по швам, как зеркало. Я утираю сопли и соленые капли на лице рукавом водолазки и надеваю на себя привычное высокомерно-агрессивное выражение лица, как маску. Прямо поверх скорби и слез.

Я еще не успел войти, а она уже бросилась мне на шею. Это ее редкий дар – всегда быть дома раньше меня. Я ни разу не сказал ей, что мне это важно – приехать и не ждать ее, но она это откуда-то знает. И я жду этого, что вот я выйду из лифта и сразу почувствую запах еды, тепла, дома. Что она запрыгнет на меня, и я почувствую свежий запах ее волос, молодого чистого тела и улыбнусь, обмякну, укутанный ею самой. И каждый раз это было просто невероятно. Я называл ее Кошка. С первого дня нашего знакомства. Она двигалась, переступала, ходила вызывающе мягко и сексуально, чуть презрительно, уверенная в своей привлекательности. И я попался на это, как щенок. Как малолетний щенок, хотя она была гораздо младше меня. Я легко приподнимал ее, взяв за талию так, чтоб она нависала надо мной, хватаясь за мое лицо руками, кусая меня в губы. Я рвался домой, избегая вечерних встреч и дел, работы и товарищей. Иногда мы куда-то ходили, и тогда я тщательно одевался, чтобы она видела рядом меня в рубашке, которые ей так нравились, я знал. Она всегда выглядела хорошо, умело обнажая то, что нужно, оставляя место фантазии, она это делала так, как настоящая женщина, делала так врожденно, а я, привыкший к кедам, джинсам и мятым футболкам, подолгу стоял у шкафа, выбирая, что надеть. Я никого не подпускал к ней даже близко, я молча и с бешенством смотрел за липкими взглядами ей вслед. А она наслаждалась моей ревностью и своей властью надо мной. Она смеялась небольшими белыми зубами, целовала меня гибко, не стесняясь ни людей, ни мест, всем давая понять, с кем она пришла... Меня

это заводило, и я подолгу любил ее, вернувшись домой, прижимая к себе ее раскрепощенное тело. И потом подолгу не мог оторваться от нее разгоряченной, молча и тихо слушая ее сбитое дыхание. Ей нравилось гладить меня по спине, медленно, до щекотки водя узкой ладонью сверху вниз, и я покорно лежал и терпел, хихикая. Я не мог поверить, что все это моя реальность, моя жизнь, что вот она рядом. Тут. Со мной.

Двое погибли сразу. Они были семьей, муж и жена. Смешливые оба, как брат с сестрой, уже много лет женатые, они непрерывно стебали друг друга едко и с сарказмом и первые же смеялись. Они бешено ссорились прямо при нас, заставляя нас по одному уходить из комнаты, пряча глаза, и грубо занимались сексом в туалетах ресторанов – просто потому, что хотели друг друга. Они, они, он.... Это она забирала меня, разбитого горем, из засранного города центральной полосы. У них я жил, пока ремонтировал квартиру, и становился объектом их бесконечных шуток. Я помнил их лица. Я отпечатал их в себе, как следы на засохшей глине, как бюсты древних богов из Эрмитажа. Я бы мог говорить с ними, закрыв глаза, и потом подолгу говорил. Я помнил очень ярко, как они пытались познакомить меня с разными своими подругами, чтобы наладить мою личную жизнь. Как я спал с некоторыми из них и потом выслушивал от них проклятия и обиженное сопение. Я помнил, помнил, помнил все до последнего, до последней щербинки на ее зубах. Как он бегал вокруг нее, отобрав гамбургер на Васильевском острове, а я яростно гудел, чтобы они сели в машину. Я помнил. Гигантский камень ударил его в спину, сломав ребра и позвоночник, и он слетел с тропы, а она, пытаясь задержать падение, схватила его и, не успев даже крикнуть, полетела за ним, кувыряясь. Так они погибли. Смешиваясь в одно целое, мертвое, страшное. Так мне рассказали. Уже потом, спустя много дней, когда смогли вытащить из пропасти то, что осталось. Именно так смешиваясь в одно целое, мертвое, страшное. Именно так – то, что

от них осталось. Остальные трое пропали без вести. Никто не знает, замерзли они на горе, сорвались, заблудились и погибли. Никто. Я верю до сих пор, что смерть их не была мучительна. Что они заснули, укутанные снегом, и их обволокло негой забвения. Я знаю, каково это, я так засыпал, но меня нашли. А их нет. Гробов пять. А тело фактически одно. Смешанное из двух. Но именно я заказал пять гробов. Чтобы вколотили гвозди. Чтобы я знал – они ушли, и дверь за ними закрылась навсегда. Чтобы мне было куда прийти. Чтобы, чтобы, чтобы. Чтобы помнили.

...он показывает нам фотографию. Я не смотрю, но краем глаза вижу на экране телефона голую, с глазами на выкате, красивую, совершенно порнушную девку. Она стоит, наклонившись вперед и прикусив верхнюю губу, и держит себя за грудь, едва прикрывая соски. Полоска волос между ног, бледские глаза, покатые бедра – именно таких я вижу в порно-роликах. Он забирает телефон и любовно поглаживает экран – бьюсь об заклад, у него уже встал, и меня это пугает. Такому вот «альфа-самцу» главное не давать повода вцепиться своими сексуальными историями. Я прижимаю к губам и щеке стакан с ледяной водой. Очень жарко и душно. Сквозь призму стекла мир кажется расплывчатым, странным, нечетким. Почему-то посреди этого королевства кривых зеркал я представляю одну женщину. Встреченную мною на другом конце мира. С трудом я понимал, зачем ему все это. Зачем он все это рассказывает. Зачем?

«Кошке и Котенку» – написал я на открытке. Я долго собирался на свадьбу, тщательно проверял манжеты и запонки. Выглаженная с вечера белоснежная сорочка, черный, шитый по мне костюм и узкий галстук висели на специальных плечиках. Я не спал всю ночь, нервничал, принял снотворное и забылся на несколько часов, и все это время мне снились они оба. Он в горах рядом со мной, косолапый, ворчливый. И она... Она снилась мне всегда одинаково почему-то. В постели, уткнувшись меня себе в шею. Во сне я все силился оторваться

от нее, посмотреть в ее огромные глаза, но она крепко, но нежно держала меня за затылок. Очнувшись утром, я чувствовал себя разбитым и не собранным. Я уже знал, что не поеду в ресторан, на банкет, не поеду на церемонию, я знал, что перехвачу их обоих до всего, у этого странного «зала торжеств», что я обниму ее и его, что я не буду создавать им трудности. Я все это знал, проиграв это в своей голове тысячу раз. Я представлял это по шагам, по секундам, видя в воображении ее и его смущение. Ведь она была моей. Ведь это я ее привел к нему. Ведь это я все сам разрушил, и она в отчаянии искала утешение. И нашла. Нашла в его доме, в его постели, в его медвежьем благодушии и покорности ей. И вот спустя годы переживаний, его и ее слов прощения, я, чертыхаясь, завязываю галстук на их свадьбу. «Кошке и Котенку» – написал я на открытке. Но не подарил. Не смог. Не оценил свою любовь к каждому из них. И свою непрекращающуюся ненависть к самому себе, перемешанную в коктейль радости, что они наконец-то счастливы, и уверенность, в конечном счете ложную, что с сегодняшнего дня я потеряю их обоих. Они оба оказались умнее и лучше меня. Я все так же любил ее и так же не мог жить без его компании, и они смогли сделать так, чтобы я был рядом. Я помню, как она входила в ЗАГС, стройная и тоненькая, как девочка, а он, на ее фоне огромный, бережно поддерживал ее за локоть. Чуть поглаживал по спине, обернутой в белые кружева платья невесты. А я стоял позади, дрожа от странного озноба в летнем зное. В сшитом на меня пиджаке. В руках я держал конверт с открыткой. В тот вечер они звонили непрерывно, но я так не и не взял. Не хватило храбрости. Я убрал открытку во внутренний карман пиджака, который больше никогда не надел.

Кладбище пусто в ночи. Я перелез через забор, прислушался, включил налобный фонарь и пошел по явной тропинке. Я был тут сегодня с утра, стоял в ожидании, пока закончится служба, но пробиться к могиле так и не смог. До поздней ночи паломничество друзей и врагов не кончалось, и я ждал, пока охрана не выгнала всех. Поспав

пару часов в машине, я надел фонарь, и, не снимая черного пальто, пробрался внутрь. Легко ориентируясь, я иду, и в голове моей уже не первый день ничего нет. Мозг, видимо, понял, что мир в опасности, и просто отключил меня от воспоминаний и способности мыслить. Я продолжал есть, пить, говорить, но делал это как машина. Не понимая. Я перестал спать совсем, часами сидя у окна.

Могила свежая. Сегодняшняя. Вот и гроб видно под землей. Плохо присыпали. Я достаю из пальто конверт с открыткой: там написано «Кошке и котенку». Вытаскиваю открытку. Засунув руку глубоко в землю, упираюсь в дерево и опускаю кусок плотного картона на крышку гроба. Я не чувствую ни страха, ни боли. Я встаю, несколько минут стою пугалом и, аккуратно отряхивая рукава кашемира, иду обратно.

Все вы – суррогаты

«Кто счастлив в одиночестве – тот дикий зверь».

Это эссе – плод моей фантазии, которая была сильно впечатлена прочитанной в течение дня книгой. Фантазии, которая находится под влиянием очередной моей депрессии. Мое настроение меняется чаще, чем погода в горах. И я уже давно не борюсь с этим. Просто иногда, забиваясь в угол своих выдуманных проблем и несчастий, я понимаю – нужно сейчас быть одному, чтобы не пролить свою желчь на окружающих.

Это эссе – плод моих наблюдений и страхов. Это эссе – пенка на кофе. Я словно знаю, что могу обойтись и без нее, но вот она тут. Вот она, на черной кофейной глади, и через секунду я вытру ее тыльной стороной ладони с небритых губ, но вкус-то остался, верно? Люди и ситуации, которых я упомяну в нем, вымышленные или нет. Но вы-то об этом никогда не узнаете. Я никогда не понимал этого в фильмах – «любые совпадения случайны». Так вот тут не так. Любые совпадения неслучайны. И даже хуже.

Суррогат. Вот, что окружает меня. Суррогатная дружба, суррогатная любовь, суррогатная еда, суррогатное веселье и тоска. Я жму руки каждый день, обнимаю кого-то, улыбаюсь зубами. Тоже, кстати, суррогатными. И все это ненастоящее. Не знаю почему, но мне очень нравится это слово – «суррогат». В нем есть что-то непримиримо-жесткое, суровое. Сказал, как плюнул. Суррогат. Эта сдвоенная «р» – очень сексуально. Даже сейчас, когда я пишу этот текст, я повторяю его про себя много раз. Я оборачиваюсь по сторонам в полутемной квартире и пробую это слово на вкус раз за разом. Суррогат – что-то ненастоящее, заменитель, то, чего нет на самом деле. Вот оно – то, чего на самом деле нет. То, что стало заменять мне все остальное.

...я лежу на боку и смотрю в темноте на ее голую светлую спину. Совсем незагорелая, тонкая спина отчетливо видна в темноте спальни. Русые волосы скатываются на подушку, я чувствую ее дыхание, едва заметное во сне. Окна раскрыты, хотя я знаю, что тогда кровать видно, как на ладони, из корпуса дома напротив. Но ночь непроглядная, луна скрыта облаками, и мне нравится, что нет штор. Мне не нравится, что она уснула. Это глупо, я не для этого привел девушку сюда, в свой дом. В моих глазах нет нежности, и я легко толкаю ее ладонью. Она всхрапывает во сне, и этот звук настолько сильно не вяжется с этим телом, что мне становится смешно. Я сдавленно и глупо хихикаю и продолжаю теревить ее. Сквозь веки я вижу, как мечется ее глазное яблоко, и она открывает глаза, туповато глядя на меня. Я голый выскальзываю из-под одеяла и показываю ей на тумбочку, где свалена ее одежда, поверх которой лежит три купюры по пять тысяч. Я киваю на это и наклоняюсь за полотенцем. В ее глазах нет удивления или обиды. В них нет ничего настоящего. Не стесняясь, она вскакивает, словно и не спала, улыбается и втискивается в узкие стринги, одевается за минуту. И вот уже, что-то невинно щебеча, она целомудренно жмет мне руку и выходит из квартиры. Суррогатная ночь с суррогатной женщиной. Вот и все, что я получил за свои деньги. Я смотрю на смятую, замызганную постель, прислушиваюсь к своим ощущениям, и они омерзительны. Я судорожно начинаю скатывать простыню, которая пахнет, как мне кажется, невымытым телом, наволочку, скидывая все это прямо на пол и в какой-то момент обессиленно сажусь рядом, понимая глупость и отчаяние своего поступка. Понимая бессмысленность этого ненастоящего секса, ненастоящей нежности и в приступе глупой, не оправдывающей ничего ярости скрежещу зубами, стирая эмаль. Все было не так, как я хотел, чтобы это было. Не было скрытого смысла и вина. Не было флирта. Я словно взял в аренду робота. Которого я и трахнул, глядя в его закатывающиеся по программе глаза и заученные кряхтения.

Ах, как это глупо. Ах, какой подонок. Все не так. Успокоившись, я засну, и утром только отсутствие наличных напомнит мне об этом. О суррогатной ночи в суррогатном мире. Разве когда-то давно, в прошлой жизни, бегая по теплотрассе, мог я представить, что все будет так? Что я буду, глупо ухмыляясь, заигрывать с шлюхами в барах? Глядя сальными глазками на их открытую грудь, я буду рассказывать, как я хорош. А ведь я – всего лишь суррогат. Ха-ха. Лишь потом, под утро, наявивая круги по парку, я понимаю, насколько я стал ненастоящим. Что слой за слоем я намазываю на себя порции лжи, подстраиваясь под окружающую меня реальность. Холодный воздух приводит меня в чувство, и я в секунду трезво оцениваю – я ненастоящий. Даже для себя.

Зеркало врет. Оно показывает мне меня, но на самом деле это не я. Это робот-машина, модель Т-2000, которая легко подстраивается под любую ситуацию. Какую эмоцию вам угодно видеть? Мужество? Пожалуйста. Брутальность? Нет проблем. Вам бы хотелось больше юмора? Просто задайте нужную программу. Вы крупный клиент? Тогда вы можете рассчитывать на любую эмоцию. Как змей, предлагающий яблоко Еве, я могу свернуться в любое ничтожество. Думаете, вы другие? Не смешите меня.

Брат. Братюня. Братишка. Так мы называем друг друга. Мы же друзья. Мы почти как братья. Да чего уж там, мы братья. Одна кровь, один кошелек, одна жизнь. Мы обедаем вместе, завтракаем вместе, ходим по барам и ресторанам. Иногда, очень редко, мы вместе даже ездим отдыхать. Это уникально. Такая братская любовь среди друзей. Главным качеством этой ситуации является то, что это стопроцентный суррогат. О да... Мы нужны друг другу, когда нам не с кем поесть. Мы нужны друг другу, когда мы хотим повыебываться. Мы нужны друг другу, чтобы обсудить знакомых и друзей, и все чаще считаем их, а часто и друг друга, идиотами. Я вдруг вижу нас со стороны. Где угодно. Отлично запрограммированные роботы. Вовремя пошутить,

вовремя посмеяться, в нужное время приударить за приличной девушкой. Мы называем цифры оборота своих компаний, и все это не ведет ни к чему. Мы клянемся друг другу в верности, зная наперед, что мы лжем. Хотя, может, и нет. Ведь это я суррогат, может быть, все остальные кристально честны в своих эмоциях со мной. Я выхожу из своего тела и смотрю на нас за столом. Взрослые, крепкие парни, мы все даже чем-то похожи. Мы корчим из себя кого-то, стараясь быть похожими на кого-то, сами не зная, на кого. А я вижу расфуфыренных, злых, часто неумных детей. Суррогатов своего настоящего.

Тридцать два года мы знаем друг друга. Дольше я знаю только своих родителей. Мы были как одно целое. Словно один человек. И что потом? Потом мы превратились в призраки друг друга в социальных сетях. Наша дружба превратилась в поздравления с днем рождения. Каждый год. Каждый год в тысячах чатов я копирую сообщения с поздравлениями и при этом чувствую себя на удивление глупо. Ведь мы все знаем, что никому это не нужно. Что мои поздравления не нужны тем, кому я их шлю. Но вот вдруг спустя столько лет он пишет мне. Пишет мне, суррогату, своему бывшему другу. Что же там? О нет, все нормально. Он тоже суррогат. Спустя десять лет общения в чате он решил попросить в долг. Как скелет Йорика я ухмыляюсь в монитор и просто не отвечаю. Раз дружба ненастоящая, то и отвечать необязательно. Это так просто. Закрыв окно, и друга нет.

Она повсюду, эта двойная Р. Я не устаю повторять: суррогаты. Все вокруг суррогаты. Все вокруг. Псевдомясо, выращенная в инкубаторе свекла, гигантская ненастоящая картошка. И я среди всего этого парника. На мне сотни слоев бессмысленных эмоций, на мне как загар тонны чувств, которые я готов отдать по любому требованию реальности. Я мечусь по квартире, как дикий зверь в поисках осмысленности поступков своих. В поисках настоящих воспоминаний. В поисках реальности. Я улыбаюсь. Улыбаюсь во весь рот. Улыбка – ложь. Зубы – не мои. Все, что на моем лице – суррогат. Я чувствую

себя... никем. Девочка из игры престолов, помните ее? Арья Старк. Которая должна была стать никем. Так вот, мы все в этом храме двуличия. Все до единого.

Травка легкая. Я скуриваю косяк напополам с местным юродивым бродягой. Зброшенный квартал Лос-Анджелеса. Я познакомился с ним от безысходности одиночества. Заговорил, чтобы хоть с кем-то заговорить. Мы уже давно сидим на ступеньках, он бурчит что-то под нос. Я затуманенным рассудком смотрю на вьющийся дым. Тяжелая черная рука ложится мне на плечо, мой компаньон сверкает зубами на черном лице. Он одобрительно сдавликает мне плечо. Мол, не парься, брат. Все пройдет. Я умиротворенно киваю – все не так уж и плохо. Все хорошо.

Просто тошно иногда.

Мой сын не скажет мне «папа»

Солнечные дети. Это словосочетание никогда для меня ничего не значило. Совсем. Дауны, аутисты – я видел таких детей, которые лишены части разума, но я никогда не связывал этих детей с собой. Смотрел на них на улице, стараясь побыстрее отвернуться от внимательных и глуповатых глаз, неловких их движений, капающей иногда слюны. Раздражало ли это меня, молодого и здорового? Нет. Я не относился к этому как к чему-то... не знаю, заразному что ли. Я просто наблюдал за этим, и когда мой старший сын подрос, я запрещал ему, как и все родители, показывать пальцем. «Он болеет», – говорил я, отвечая на вопросы ребенка. И глядя на родителей этих детей, не отпускающих ни на секунду руку ребенка, который не может ориентироваться, не может понять, что и где происходит, я видел в них усталость и боль. Почти всегда. Усталость и боль.

Моему младшему сыну Павлу восемь лет. Мы с женой давно разошлись, но каждые выходные Паша проводит выходные у меня. Он высокий, стройный и очень крепкий парень. Он много кушает, много бегает, много прыгает. У него невероятные, огромные голубые глаза, которые всегда изумленно широко раскрыты. Он ласков, невероятно добр. Как щенок. Иногда он в пять утра залезает в мою постель и прижимается ко мне носом, дергает меня, пока я не проснусь и не обращу на него внимание. Пока я не пойму, что вот он, мой сынок, что он проснулся, и его нужно покормить.

Мой младший сын Павел еще ни разу не сказал «мама» или «папа». Потому что он не говорит. Еще ни разу я не читал ему книжку, потому что он не понимает. Еще никогда он не спросил меня: «Что это, пап?». Потому что мой сын Павел – не такой, как все. Совсем.

Пока ему не исполнилось два года, мы были уверены, что все нормально. Что ребенок растет, правда, слишком быстро. Он вовремя

пополз, вовремя сел, вовремя пошел. Он быстро бегал, много кушал, своевременно болел и выздоравливал. А потом... а потом стало ясно, что что-то не так. Он издавал странные звуки и почти не понимал, когда к нему обращаются. Он не сидел на месте, не мог спокойно уснуть, и почти год мы пытались понять, что происходит. Врачи, врачи, врачи... Я, честно говоря, думал, что он глухой, но, как оказалось, есть специальное исследование, сложное и дорогое, которое доказало, что он прекрасно слышит.

Все это время я медленно сходил с ума. Я все никак не мог понять, абстрагируясь от всего, как это так? Что это за такая болезнь, когда ничего нельзя сделать? Ведь двадцать первый век. Все чаще я обнаруживал, что еду в больницу, точно зная, что нам ничем не помогут. Точно зная, что врачи будут равнодушно смотреть в его светлые глаза, советовать препараты, от которых он постоянно находился в полусне... и невнятно бормотать что-то, что я не мог перевести ни на один нормальный язык. А однажды, в специальном центре на Чапыгина врач сказала мне, что я должен быть готов к тому, что он никогда не заговорит. Не станет нормальным. Не станет как все. Когда МРТ показало органические повреждения мозга, я долго представлял себе, что это ошибка, что все будет хорошо. Я до сих пор себе иногда это представляю.

Мой младший сын...

И вот уже я стал тем самым родителем с болью в глазах. Вот мы уже разошлись с моей женой. И вот, гуляя по дворам, я все чаще выбираю закрытые, откуда мой сын не может убежать. Где он меньше может сломать. Ведь у него странная, многосложная болезнь. Его усидчивость меньше пяти секунд. Не говорит, не понимает, но очень разрушителен. Бог дал ему взамен мозгов и сообразительности огромную силу и аппетит. И не дал инстинкта самосохранения. Он может броситься на собаку и выбежать на дорогу. Он может укусить меня, если хочет есть. Он может накакать в кровать и размазать это по сте-

нам. А может уснуть, прижавшись ко мне, поцеловав меня в щеку, как взрослый. Мой младший сын Павел огромен и очень силен. Вырываясь от меня на просторах торговых центров, он мчится как ветер, сшибая все на своем пути, выхватывая у изумленных прохожих еду.

Я слышу вслед крики, но не обращаю внимания на них, ведь я должен поймать его. Иногда он мой сын. Иногда, когда в пять утра он прыгает по столу, разбрасывая кукурузные хлопья и дико смеясь, я вижу в нем животное. Я вижу безумие в его глазах. И тогда мне становится страшно от мысли, что будет, когда он станет размером, как я. Что станет, когда он сможет толчком отправлять меня на землю. Что станет тогда?

Моему младшему сыну Павлу восемь лет, и я никогда не просил помощи. Ни я, ни его мама. Это наша карма. Нам не нужно собирать деньги и одежду. Нам не нужно возить его в Америку. Потому что все в один голос говорят: это навсегда. С каждым днем Паша понимает все больше, он реже какается и писается, он понимает, что ему нужно сесть за стол, чтобы его кормили. Но при этом вдруг он превращается в кого-то другого, разбрасывая вещи, смеясь, измазывая стены и окна грязью, когда я ношусь за ним по квартире, не успевая скрыть следы разрушений.

Мой младший сын, восьмилетний Павел, требует постоянного внимания. Ведь он может съесть гвоздь, он может засунуть в нос монету, шерсть, волосы или говно. Он может броситься под машину. Он может все, чего не приемлет общество. «Держите крепче его, папаша», – часто слышу я, когда мой сын может хватает другого ребенка, когда он тащит бутерброд с чужой тарелки или писает посреди улицы. Раньше я сдерживался, я ждал, что вот-вот он станет как все. Больше не сдерживаюсь. Я вскипаю за секунду, с ненавистью набрасываюсь на мамочек и папочек, которые высказывают мне претензии. Это неправильно, но напомним, это мой младший сын Павел.

Мой младший сын Павел, пробегая мимо уличного кафе, схватил картошину у мужчины, который сидел с девушкой. И помчался на скорости звука дальше, крича от счастья и спотыкаясь. У него проблемы с моторикой из-за недоразвитости мозга, что не мешает ему носиться. Мужчина крикнул вслед пробегающему мне, чтобы я следил за своим диким ребенком. В тот день на помощь я вызвал няню, которая помчалась дальше, а я неторопливо вернулся назад. К кафе. Они оба внимательно смотрели на меня, уже поняв, что с ребенком что-то не так. Мужчина, точнее парень лет двадцати трех, попытался что-то мне сказать, но я взял остатки картошки и с силой засунул ему в рот, стараясь запихнуть их все глубже под крики девушки и официанта. Я думал о том, что у меня не дикий ребенок. Что никто не имеет права оскорблять его, даже если он этого не понимает. Никто.

Мой младший сын Павел очень любит своего брата Андрея и с удовольствием играет с ним. В простые игры, когда нужно тащить его по полу или прыгать на диване. Но его брат быстро устает от этого – играть с Павлом довольно скучно. А помогать с ним довольно тяжело, поэтому рассчитывать я могу только на себя.

Мой младший сын Павел никогда не скажет мне «папа». Я думаю об этом каждый день. Четыре дня в неделю мой сын Павел проводит в интернате, а потом выходные либо у меня, либо у своей матери. В интернате он выглядит самым крепким и здоровым, ибо у него нет никаких физических отклонений, присущих даунам и аутистам. Для меня это страшный диссонанс, но я привык. Я долго винил в этом мир, себя, его мать, но сейчас я просто смирился. Я просто живу с этим. Слушая тупоголовые советы, читая статьи и равнодушно отвечая на вопросы «как он?». Равнодушно, потому что на самом деле людям плевать, как он. Они должны, вот они и спрашивают. Никто потом не спрашивает: «Саш, может, помочь? Привезешь в выходные?».

И я не виню их в этом, это тоже карма. И она только моя.

Сейчас, когда я пишу это эссе, которое я готовил много лет, готовил себя к нему, я не могу сказать, что я спокоен. Меня переворачивало много лет от мысли что как же так?! Как же мой сын, МОЙ, от здорового меня, получился таким? Но сейчас я смирился достаточно, чтобы написать это. И меня очень успокоил один врач, который сказал мне, что мой сын Павел живет в своем мире. Который, видимо, сильно отличается от моего. И вполне возможно, что его мир лучше, чем мой.

Мой младший сын Павел не такой, как все.

Я живу с этим. И он живет с этим. Разница в том, что он не знал и не знает другой жизни. А я, часто глядя на его дикие выходки, не могу сдерживать бессмысленной злости на мир, себя, кого угодно, потому что он такой.

«Цветы для Элджернона» и «Все-таки наш ребенок». Я на грани того, чтобы заплакать. Так точно авторы этих книг описали все то, что сейчас попытался донести вам я.

Нестабильность

Дым. Дым идет прямо из-под земли, по асфальту, через люки. Он вьется посреди мутного смога, который восхищает меня. Тысячи лиц окружают меня: добрых, злых, черных и белых. Тут же на углу кто-то проповедует, на другом углу собирают деньги на конец света, кто-то дергает меня за рукав, и я вижу согбенного старика-негра, он злобно смотрит мне в глаза и с диким лающим акцентом спрашивает что-то...

Нью-Йорк сжимает меня в своих объятиях, как нелюбимого ребенка. Я чувствую это каждой своей клеткой. Запах хот-догов смешивается с запахом газов и модниц Манхэттена, и я чувствую себя так, словно я вернулся домой. Знаете, есть женщины, глядя на которых ты понимаешь, что хочешь ее. Хочешь быть с ней прямо сейчас, не сходя с места. Вот так я чувствую себя в этом городе. Я стряхиваю грязную черную руку с плеча и, накинув на спину рюкзак, иду по Пятой авеню, впитывая в себя город.

Соседу в самолете лет пятьдесят. Толстый, с множеством подбородков, он вдруг решил поговорить со мной. Он рассказывает мне про Нью-Йорк, в котором часто бывал. Он едет к сыну в Джерси на месяц и рассказывает об опасностях «большого яблока». Ночью не ходи – ограбят. Будь аккуратен с полицией. Город полон криминала. Повсюду черные с оружием. Все очень дорого. Повсюду враги.

Я улыбаюсь. Мне нечего ответить. Я лечу в Штаты в десятый раз, просто до этого мой путь лежал через Калифорнию. Заткнув уши наушниками, чтобы не слышать этих причитаний, я смотрю в окно и уже вижу в иллюминаторе заходящего на посадку самолета Гудзон.

Я давно не использую слово «путешествие». Я давно не путешествую. Я надеваю на себя рюкзак, который почти всегда собран,

и сажусь в машину, которая везет меня в аэропорт. Я наслаждаюсь ощущением пути. Независимо от того, сколько времени я проведу в дороге. Будет это двухчасовой полет в Казань или двенадцатичасовой в Лос-Анджелес. Будет это Прага, Таллин, Терскол – я буду улыбаться. Как только я выхожу за порог своей пустой квартиры, моя жизнь сразу становится проще. Люди окружают меня, и они всегда разные. Глядя на них, как они едят, смеются, плачут, я познаю мир. Я сижу с храпящими соседями или сплю в палатке с близким другом в горах, и я знаю, что именно так я познаю мир. Женщины улыбаются мне, мужчины жмут мне руку. Многих из них я больше никогда не увижу, и это не важно. Я уже знаю тайну – люди откровенны только с тем, кого больше никогда не увидят. А я не бываю откровенен ни с кем. Поэтому с незнакомцами я всегда очень внимательный слушатель. Мой дом там, где шляпа. Не так давно я решил это для себя окончательно. Где нахожусь я – там и мой дом. Только так можно спокойно переносить мои передвижения, наслаждаться ими. Только так.

Первый удар я пропустил, и он сразу сбил меня с ног. Они подошли ко мне в Бронксе, когда я вышел с тренировки, и первый сразу ударил меня в лицо. Кулак у него был черный, как и он сам, и размерами походил на мою голову. Я успел только опустить голову и принял все в лоб. Несмотря на это, я поплыл и упал на колени, инстинктивно подняв руки и закрыв лицо. Правда, стоит признать, что меня больше не били. Парни выхватили рюкзак и побежали, моментально скрывшись в подворотне. Вечер уже опустился на город. Я с трудом поднялся и сожалением подумал о рюкзаке. Я купил его в Питере и очень ценил. Самое ценное, что в нем было, – это грязная после тренировки форма и отельное полотенце. На крыльце рядом сидел совсем седой негр, который несомненно видел все произошедшее. Он улыбается полупустым беззубым ртом и салютует мне пластиковым стаканчиком. Пошатываясь, я встаю и иду в сторону круглосуточного метро. Уставший и злой, уже у метро я встретил эту девчонку. Вы-

сокая, почти с меня ростом, с ярко выраженной ирландской кровью, рыжими волосами, падающими на плечи. Несмотря на совершенно наплевательское отношение к одежде в Штатах, она выглядела потрясающе. Короткая юбка, длинные ноги, обутые в высокие, до колен сапоги на каблуке. Легкая куртка тонкой кожи не скрывала небольшой высокой груди, обтянутой водолазкой. Она мило хмурясь поглядывала на меня, а потом вдруг подошла, оставив на секунду свою компанию и, облизнув палец, вытерла мне лоб. Она что-то очень быстро говорила, но я не понимал, и тогда она показала свою руку и мою кровь на ней. Видимо, тот парень поцарапал мне лоб. Я смущенно убеждал ее, что все окей, но она настояла, чтобы я наклонился, и она уже платком вытерла кровь мне со лба. А я не мог оторваться от зеленых глаз, от яркости белых зубов. От того, как она мило морщится, от строгого голоса, когда она попросила наклониться...

Самолет тряхнуло, и я очнулся от короткой дремоты. Вокруг темнота салона межконтинентального рейса Москва – Лос-Анджелес. Я сижу у аварийного выхода огромного самолета, протираю глаза и как обычно спросонья не понимаю, что происходит. Рядом сидит и посапывает возрастной дядька, не моргая смотрит в экран монитора сидения впереди. Я прихожу в себя и открываю шторку иллюминатора. Видимо, мы уже пересекаем границу полушарий, и я вижу разгорающееся на границе горизонта зарево рассвета Восточного полушария. Я очень люблю летать. Я очень люблю движение. И лишь недавно я осознал, что я бегу от самого себя. Не так давно, сидя в самолете местного рейса, я разговорился с соседкой – «одноразовым другом», как говорил Тайлер Дерден. Я рассказывал ей, как люблю свои путешествия, и она вдруг спросила меня, не кажется ли мне, что я убегая от своих проблем? Я улыбнулся и не стал спорить. А потом задумался. Кто я? Я перешагнул порог тридцати лет. Я потерял свою семью, своих женщин и своих друзей, не всех, но большинство. Я живу, скрупулезно отсчитывая свои дни, один за другим. Я в ужасе

от того, что мои они станут одинаковыми, в ужасе... и я понял вдруг, что я убегаю от этого самого ужаса. Что я перестаю чувствовать свою «нужность». И не желая покоряться, я бегу от этого ощущения. У меня ничего нет. Я захожу в съемную квартиру, сажусь на чужой диван. Я надеваю футболку, хотя хочу надеть рубашку. Я кручусь на турнике, хотя зачастую хочу упарываться в ночном клубе. Правильно ли это? Не уверен. В сотый раз сажусь в самолет, в сотый раз прохожу контроль, и в эти моменты, не отрываясь от телефона, я чувствую свою невероятную нужность. А так ли это? Помогаю ли я людям? Нравлюсь ли им? О нет, все мои силы за тридцать два года я потратил на то, чтобы им не нравится. И это уже почти я сам. Поверх каждого моего «я» надето множество масок. За ними не видно, кто я. За ними не видно, зачем я. За ним не видно ничего, и уже я сам не вижу. Кем я стал? Прикрывшись нерушимой броней сарказма, своих бесконечных усмешек и комплексов, я медленно и уверенно превращаюсь в того, кем хочу себя видеть, но зачастую не хочу им быть. В редкого ублюдка, который не считается с чужим мнением, с чужими чувствами и чужими эмоциями. Горжусь ли я этим? Вовсе нет. Лишь сейчас, оценивая множество своих действий, я понимаю, что нет. Что далеко не так я хотел бы встречать свои тридцать три года.

Грудь у нее была большая. Она едва умещалась в узкое, подчеркивающее ее фигуру платье. Я постоянно отвлекаюсь и теряю нить разговора. Есть такой тип вызывающе сексуальных женщин, которые всеми силами пытаются подчеркнуть свою сексуальность. Томная речь, вздернутая бровь, красные губы. Я сижу через стол и жадно ем жирные спагетти. Она чуть надменно, это тоже черта многих женщин, смотрит на меня. И тут она начинает говорить о том, что «вот тут недавно я случайно обмолвилась, что с тобой встречаюсь сегодня...». Я насторожился. И тут она рассказывает мне, невинно попивая кофе, о том, как всполошились ее друзья, увидев, с кем это она собралась встретиться. И рассказали ей о редком ублюдке, предателе и

подонке. О том, что со мной нельзя даже сидеть в одной комнате, ибо воздух ее будет отравлен испускаемые мною ядами. Она смотрит на меня с большим интересом. И, видя, что я никак не реагирую, продолжает рассказывать о том, какой я гнусный парень. Что я бросил обоих детей, жен, друзей и нельзя верить ни одному моему слову. Я жду, пока она перейдет к тяжким преступлениям, но пока обходится просто потоками вылитого мне на уши говна. Она с удовольствием перечисляет все мои «достижения», прямо-таки наслаждаясь процессом. Я слизываю последние остатки макарон с ложки и только тогда поднимаю на нее глаза. «Все правда, – говорю я, – что же ты тогда тут делаешь?». Она пристально смотрит на меня, и, понимая, что я ничего не отрицаю, она наклоняется так, чтобы мне было больше некуда смотреть, кроме как на ее грудь, и сообщает мне, что хочет все проверить сама. Я улыбаюсь. Она улыбается. Теперь, после того как я сделал зубы, я делаю это чаще. Хотя мои черные и кривые зубы подчеркивали образ именно «ублюдка»...

Я стою в центре Нью-Йорка. Таймс-сквер. Все полыхает огнями реклам. Вокруг кричат, ругаются, любят на десятках языков. Я стою один в центре города и по совету Бодрова закрываю глаза. Втягивая ноздрями запах выхлопных газов, пиццы, подземного пара... Я слышу голоса, слышу крики, слышу разную музыку, чувствую, как меня толкают плечами, суетно пытаюсь оттолкнуть в сторону от центра дороги. Я представляю этот город в своем сознании весь целиком, раскинувшийся на десятки километров.словно Вавилон этот город принял всех, кого смог. И продолжает принимать. И я со всеми своими комплексами, с манией величия, понимаю очень четко.

Если прямо сейчас я исчезну отсюда, для мира ничего не изменится.

Я вдыхаю смесь всего этого чувства и, поправив рюкзак, включаюсь в ритм и торопливо бегу на встречу. Я уже почти опоздал.

Моя победа над загнивающим Западом

Это короткий рассказ о том, как я боролся с загнивающим Западом. Как я сражался с врагами нашей страны и русофобами. Рассказ о том, как я ценой собственной жизни защищал свои права в совершенно чуждой для меня обстановке. О том, как я не посрамил свою честь и честь своего народа.

Ну, я уже достаточно вас возбудил? Разжег интерес в ваших глазах? Это хорошо, потому что ничего мужественнее вы не слышали и никогда не услышите. Подвиги Гагарина и Железняк встанут в один ряд с моим. Тот факт, что мне еще не дали Орден Мужества – лишь небольшая оплошность нашей власти, и скоро я взойду на трон героизма в полном блеске. Дабы вы полностью могли ощутить мое величие, я буду полностью описывать свои мысли в этом эссе. Ровно так, как я их и думал.

Мизансцена была такова. Я провел четыре дня в Пало-Альто, пытаюсь своим красноречием и угрозами выбить деньги для одного из своих проектов у разного рода толстосумов, фондов и ангелов в Силиконовой долине. За эти дни я познал всю прелесть Северной Калифорнии, которая зимой очень напоминает Питер: снег, солнце, дождь и говно льются с неба в разных пропорциях. Проблемы со сном, нервы, постоянные попытки убедить всех, что со мной можно иметь дело сделали меня еще большим неврастеником, чем я есть. К концу четвертого дня я был уже как кактус, который выпустил все шипы, смазанные самым смертельным из существующих ядов, который с них просто стекал, как сок по коре березы. Исходом четвертого дня стал двухчасовой переезд в Сан-Франциско из Сан-Хосе и полуторачасовое ожидание парня, который «будет через пять минут», чтобы отдать арендованную у него машину. Когда моя ярость уже стала вытекать зеленоватой слюной изо рта и странноватого вида и запаха

индийский водитель высадил меня в аэропорту, я мечтал только об одном – телепортироваться домой или просто лечь на ступенях аэропорта города Окленд и умереть.

Вы же не знаете, наверное... Если в американском городе, любом страном городе, живет больше трех человек в двух домах, то там есть международный аэропорт. То есть ты можешь убраться за лошадю, привязать ее у стойла и улететь в Барселону трансатлантическим рейсом. Я – из цивилизованной страны, и когда мне говорят «международный аэропорт», я представляю себе «Дьюти Фри», сувенирные лавки, множество ресторанов и толпы красивых людей в ожидании своего рейса. Женщин, выстукивающих каблуками по полированному кафелю. Мужчин в деловых костюмах, продающих по телефону акции.

Сказать вам, что из этого было в аэропорту города Окленд? Ничего. Этот аэропорт представлял из себя две стойки регистрации, унылую негритянку на проверке багажа, а также там оказался самый вонючий в мире «Старбакс» и один газетный киоск. Я – человек любящий, внимательный и умеющий выполнять просьбы. Поэтому сувениры я купить всем забыл и не захотел, отложив это на магазины в аэропорту – в них всегда полно всякого бессмысленного, что можно привезти и, натянув на себя умильную улыбку, подарить товарищам и девчонкам. Я исходил весь терминал, но не нашел ничего, кроме «Окленд Ньюс». И тут взгляд мой пал на огромную горку, сделанную из консервных банок. Я просто сперва подумал, что это для того, чтобы показать, что они там, в Окленде, все очень стильные. Приглядевшись, я понял – это же чаудер! Это же, мать его, чаудер из Сан-Франциско, консервированный!!! Я же нигде и никогда не смогу купить его, кроме как здесь. Что может быть лучше в подарок, чем банка супа, на которой написано «Только в Сан-Франциско»? Именно так я собирался говорить всем тем, кому я привезу этот суп, глядя в их полные благодарности и восхищения глаза. Радостно схватив две

банки, я заплатил двадцать долларов, предварительно подозрительно поинтересовавшись, а не отберут ли у меня эти банки на пересадке. Как истинный путешественник, я летаю только с ручной кладью, умудряясь засунуть туда багаж на две недели вперед, поэтому я понимал, что если на пересадке меня выпустят из транзитной зоны, то жидкий суп могут и отобрать. Есть такое правило по провозу жидкостей в самолетах. Мало ли, а вдруг это вовсе не суп, а жидкий яд, страшная чума, которую я везу из Окленда в Петербург, потому что у нас тут своего не хватает? А поскольку прямых перелетов (кто бы мог подумать?) Окленд – Петербург не бывает, то после первого десятичасового перелета меня ждали прекрасные четыре часа ожидания в аэропорту Лондона. А потом несомненно замечательные четыре часа перелета до Питера. Ах...

Не буду описывать вам перелет в Лондон, скажу только, что меня не покормили, потому что «у нас, сэр, кормят только тех, кто сообщил заранее что будет обедать, блять, не меньше, чем за пять лет до перелета, и приехал и лично в Окленде оплатил свой обед и привез для этого обеда все ингредиенты, и нет, я не могу налить Вам даже кофе, у нас на Вас порошка не заложено, и радуйся, сучонок бледнолицый, что я вообще тебе воды дала уже два раза, хоть и не положено». Примерно такой я услышал ответ на вопрос, когда меня, малыша такого милого, будут кормить. Кроме того, я всегда сажусь у окна, не потому, что мне так красивенько, а потому, что мне удобно упереться в него головой и спать. Так вот, в самолете Норвежских авиалиний иллюминатор не закрывался шторкой, поэтому, когда начался рассвет, я понял, что происходит с вампирами, попадающими на солнце. Моя кожа, кости и мышцы горели, словно в адском пламени, поджаренные линзой иллюминатора.

Поэтому, когда я вышел в аэропорту Гатвик, Лондон, я хотел уже не умереть. Я хотел убивать. Я готов был захватить любой самолет, который привезет меня домой. Пройдя все требуемые процеду-

ры, постояв в очередях, я понял, что меня обманули, и из транзитной зоны меня-таки вытолкнули. Мало того, дружелюбные англичане выдали мне транзитную визу на сутки. Через минуту я стоял в гигантском и бестолковом южном терминале Гатвика, пытаюсь понять, куда мне идти дальше. Выяснилось, что идти мне до поезда, потом на нем ехать до терминала North. Вы спросите, зачем такие детали? О, поверьте, это важно. Вы должны понимать мое состояние в ключевой момент этой истории. Мой желудок уже пожирал сам себя, но в терминале North, кроме тысяч стоек регистрации, было только одно кафе. Кофе в нем стоил столько, что я решил: пусть лучше мой желудок сожрет меня, чем я раскошелюсь на булочку и бурду, которую англичане выдают за кофе.

Ровно через сорок пять секунд я понял, что забыл про суп. Мой прекрасный рюкзак с надписью «Reebok. Crossfit» уехал в отдел «дополнительный досмотр», и вот тут-то, дорогой читатель, и начинается мужество. Я был на пределе раздражения и усталости. Передо мной стояла вальяжная толстая и немолодая тетка – у нас такие обычно стоят у рыночных прилавков, их зовут Галя, и они кричат тебе вслед: «Молодой человек, вам сало не надо???». Эту звали Ники. Так было написано у нее на бейдже. Она пробурчала какое-то приветствие, швырнула мой любимый рюкзак на холодный алюминий стола и, чуть не порвав молнию, стала вываливать все на стол. Вещи, обувь, ноут... вот очередь дошла до банок с супом и зубной пасты. Она стрельнула в меня взглядом таможенника, которая спалила Пабло Эскобара с тонной кокаина на борту. И вот она уже швырнула мою зубную пасту и суп, который я провез через полмира, в свою вонючую английскую помойку. В моей голове промелькнули тысячи картин англичан, предававших нас и не открывающих второй фронт. Картинки Крымских войн. Десанты английского флота. Вся моя ненависть сконцентрировалась на этой полуседой старуховатой сучке. Это выражение «старуховатая сучка» стоит понимать как «женщина средних лет, которая

уже превратилась в старуху Шапокляк со старческими замашками и мерзким ворчанием».

И я понял – враг не пройдет. На изысканном английском я сказал:

– Верните мне мой суп.

– Вы с ним дальше не пройдете, – не глядя на меня, сказала тетка, поправив форменную рубашку с несвежим воротничком.

– Следующий!

Я не сдвинулся с места.

– Верните мне мой суп, – сквозь зубы, чтобы не расплескать яд, повторил я.

Тетка немного опешила. Это все же была Англия, а не Россия, и послать меня на хер при всем явном желании она не могла.

– Сэр, – отчетливо проговорила она, – вам нельзя идти дальше с этим супом. Это запрещено законом!

– Но ведь Вы могли предупредить меня, а не кидать мой драгоценный суп в помойку, правда? – не отрывая от нее взгляда, я решил применить козырь. – Вы ведь понимаете, что этот суп – моя собственность?

Шутки с собственностью в Англии плохи. Тетка насторожилась. С ненавистью посмотрела на меня.

– Сэр. Вы не пройдете дальше с этими банками, – она презрительно показала на помойку, – проходите дальше и не задерживайте.

Народ в Англии вежливый. Очередь уже скопилась, многие поглядывали нетерпеливо. Я не двинулся с места. И выдал козырь.

– Тогда отдайте мне обратно мои банки, и я не полечу никуда, – я все еще смотрел на нее взглядом змеи. – Верните мне все назад.

Она онемела. Очередь онемела тоже. Я позволил себе презрительную ухмылку и повторил:

– Верните, верните, а я вернусь обратно в терминал.

– Сэр, – она выбрала другую тактику, стараясь говорить нежно как с дебилом, – вы правда не сможете улететь с супом. Это запрещено.

– Мэм, – я заговорил вкрадчиво, – верните мне мой суп. Или мои двадцать долларов. И я никуда не полечу со своим супом. А вернусь обратно в терминал. Мэм, – повторил я в конце для особого эффекта.

Очередь начинала проявлять беспокойство. Я победно огляделся. Тетка растерянно глядела на меня с ненавистью, проклиная про себя, я так и читал это в ее глазах. Она что-то буркнула в рацию, и через минуту рядом с нами появился огромный негр с погонами на форменном жилете. Показывая на меня глазами, она рассказала ему нашу с ней историю на ухо, по большей части используя шипящие. Двигая неправдоподобно белыми на фоне черной кожи глазами, офицер глубоким голосом повторил мне, что в самолет я с супом не попаду. Я сделал поглубже вдох и сообщил, используя максимально простые слова, что никто не может выкидывать мои банки. Я платил за них, а не вы. Если мне нельзя войти с ними дальше, то я вернусь в терминал. **НО Я ВЕРНУСЬ, СУКИ ВЫ СРАНЬЕ, и ты, и ЭТА ШЛЮХА СТАРАЯ, ТОЛЬКО СО СВОИМ СУПОМ И ЗУБНОЙ ПАСТОЙ!!!**

Повисла пауза. Дыхание у всех замерло. Негр смотрел на меня в упор. Мне казалось, что его рука тянется к кобуре. «Шлюха старая» с надеждой смотрела на него.

– И что вы будете делать с ним... – он сделал паузу, подбирая слова, – в терминале?

– Сэр, – я был любезен, – я съем его. А потом почищу зубы пол-

ным тюбиком зубной пасты. Которую вы вернете мне прямо сейчас.

Я не двигался с места. Никто не двигался с места. Весь мир замер вокруг моего супа. Я видел, что в мусорном баке валяется куча всякого говна, грязи, мусора и даже, кажется, кровавых тампонов. Я с удовольствием думал о том, как старушенция полезет туда, морщась от желания проблеваться и мерзости. Это будет самый прекрасный момент моей жизни, думал я.

– Мы не можем вернуть вам суп, сэр, – негр принял решение. – Да, это ваш суп, но если мы сейчас отдадим его вам, вы можете отравиться от его соприкосновения с мусором...и обвинить в этом нас.

Это было настолько гениально, что я чуть сам не влез в помойку за своим супом. Я уже представил себя отравленным английской таможней, как в деле Скрипалей. Сдерживая радость, я спросил:

– И что же мы будем делать? Ведь без супа я не уйду.

Негр молчал. Это была битва взглядов, как битва Хабиба против Макгрегора. И я победил. Я просто сокрушил его.

– Служба безопасности аэропорта, – он выговаривал каждое слово будто через боль, – приносит вам извинения за свою ошибку.

Честно говоря, мне очень хотелось сказать, чтобы он засунул свои извинения себе в черную жопу и вернул мне мой суп, который я бы победно вынес оттуда и выкинул в первую же помойку демонстративно на их глазах. Но я подумал, что это будет неспортивно, ведь я уже победил. Он уже не просит пощады. К чему дальнейшие истерики? Я посмотрел на него и на нее взглядом «как же меня задела ваша тупость, но сегодня я прощу ее вам» и, презрительно закинув за спину рюкзак, ушел.

Здесь стоило бы сказать что-то важное об этом. Дать вам понять, как сильно все это было со стороны. Но я скромно промолчу.

Шестидолларовый кофе

«Шесть долларов, сэр», – улыбается официант с лицом гея. Я молча расплачиваюсь. «Кофе у Арона». Центр Лос-Анджелеса. Беверли-Хиллз.

«Брат, если ты хочешь нормального кофе, тебе надо туда, я отвечаю», – глубоко посаженные глазки моего еврейского приятеля-проходимца бегают из стороны в сторону, как будто он толкает мне кокс. «Там нитро-кофе. Просто нитро».

Самое модное слово в Америке сейчас – «органик». Его клеят на любой продукт, начиная от навоза и заканчивая нефтью. Продукты все – «органик». Вчера я купил галлон «органик» молока и после первого же глотка вылил его весь в раковину – оно воняло пластиком.

«Кофе у Арона» на поверку – забегаловка с огромными кофемашинами и хипстером в еврейской ермолке на голове за стойкой. У него длинные подкрученные усы, клетчатая рубашка и, я уверен, красные носки. Обслуживание неспешное – чтут себя. Самый дешевый кофе стоит шесть баксов, что дорого даже для Америки. Но раз уж я здесь...

Да, миддл сайз, без сахара, спасибо, хорошо, из России – все как обычно. Масса бессмысленных вопросов и никакой нужды отвечать на них. Наконец-то, подозрительно быстро, я получаю пластиковый стаканчик с «органик» кофе. Делаю глоток. И жесткое чувство обиды накрывает меня. Я пью совершенно стандартный для Америки омерзительный кофе, напоминающий помои. Открыв крышку, я вижу в стакане волос. Сраный волос из его сраных усов. В голове моей что-то перещелкивает, и я вкатываюсь обратно в кафе. Ланч закончился, вокруг никого.

– Тут волос, сэр, – я протягиваю ему стакан и говорю, с трудом

сдерживая ярость, – чей-то волос.

– И хотите сказать, он мой? – этот мудень, нацепивший кипу, совершенно серьезно смотрит на меня. На меня, бреющего голову каждые четыре дня. На безбородого меня. – Вы уверены?

– Да, – в моих глазах плещется гнев, но он, уверенный в своей правоте, почти смеется надо мной. – Я полагаю, да.

Он смотрит на меня в упор. И улыбается. Я чувствую себя глупо, я точно знаю, что, если бы на моем месте был американец, вопроса бы не возникло. И от этой мысли меня перекрывает, я перегибаюсь через стойку и хватая его за длинный ус. Он инстинктивно отшатывается, вскрикивает от боли и начинает шарить руками по стойке.

– Да, сука сраная, это твой волос, – шиплю я ему с диким своим русским акцентом, – твой ебанный волос, блять, ты понял? – в английском варианте это, на самом деле, набор «фак» и «щит», но в целом я уверен, что он меня понял.

– Да, сэр, да – он судорожно тянется к кофе и наливает мне в стакан.

– Спасибо – я поворачиваюсь и слышу, как он шипит что-то вроде «фашист».

А какой я фашист. У меня полсемьи Давыдовичи. У меня сестра в еврейской общине Москвы работает. Поэтому я швыряю кофе ему в наглуую рожу, и вы знаете что?

Еврейский Бог спас его и кипяток не раскрылся.

Испугавшись, что он вызовет копов, и я останусь в этом гадюшнике навсегда, я сообщаю ему, что если что, то я сфотографировал и его волос, и его кофе, и легко отправлю это в санэпидемстанцию.

Этот кофе я тоже вылил. Уж больно вкус дерьмовый.

«Бдыщ, бдыщ...»

Я провел на пляже Санта-Моники, не вылезая, пять дней. Цветом я стал напоминать местных латиносов, которые уже заговаривали со мной на испанском. Я подолгу гулял вдоль линии прибоя, бегал, пренебрегая защитой от солнца. Кончилось все тем, что на небритом, почти черном лице ярко красным пятном светился обгоревший нос и сияли белки глаз. Когда я улыбался, окружающие видели мои изуродованные, местами почти черные зубы, как у престарелого волка – следы сурового северного детства. С ушей, обгоревших до крайности, отваливалась кусочками кожа.

В аэропорт Лос-Анджелеса я ввалился, одетый в камуфляжные штаны и футболку, на которой была нарисована свинья. Вкупе с обрисованным выше лицом – зрелище незабываемое.

Я летел бизнес-классом впервые. Поменяв накопленные мили и распрощавшись в Лос-Анджелесе с Алексеем Ковалевым, который остался читать лекции, я улетел домой на три дня раньше. Вышколенный персонал бизнес-ложи при виде меня судорожно сглотнул. Развалившись на огромном кожаном кресле, я бросил под ноги кожаный альпинистский баул и положил на него ноги. Пахнущая свежей хвоей официантка пугливо поинтересовалась, что я буду пить, и облегченно ушла за виски.

Лениво отдирая от ушей остатки кожи и расковыривая в кровь нос, я задумчиво стряхивал все это на толстый и дорогой ковер лаунжа. Персонал так же задумчиво смотрел на табло в ожидании моего рейса.

Окруженный мегатоннами заботы персонала, который старательно избегал смотреть на мое лицо и улыбку, я рухнул в огромное кресло бизнес-класса. Долго готовясь к такому перелету морально, я обещал себе вести себя уверенно, как Джеймс Бонд. Давая всем по-

нять, что бизнес-класс для меня унылая обыденность. Но... уже через секунду я, восторженно нажимая десятки кнопочек, делал вид, что стреляю ногами, поднимая нижнюю дугу кресла. Поймав на себе изумленные взгляды попутчиков, я успокоился и сделал каменное лицо.

С попутчиками мне никогда не везло – с чего бы, да? Но тут... тут вошла она. Она! С большой буквы. Высокая, стройная, с чуть раскосыми длинными глазами на лице профессиональной модели. Я непроизвольно начал откусывать засохшие губы. Она самоуверенно, слегка надменно прошла два ряда и остановилась рядом со мной. Нетерпеливо ерзая, я уже предвкушал одиннадцатичасовой перелет рядом с такой красоткой – длиннющие ноги в юбке, чуть расстегнутая провокационно белая рубашка. Она сверилась с билетом и уперлась в меня изумрудными глазами. Я приветливо улыбнулся. Приветливо с моей точки зрения. Растянутые пересохшие губы на черном лице – это очень приветливо. Она остановилась взглядом на моем красивом носе и изумленно посмотрела на уши. Я все это игнорировал, уверенный в своей животной харизме и природной сексуальности.

Сев, она повернулась и совершенно искренне улыбнулась мне. Я радужно осклабился в ответ. Нажав кнопку вызова стюардессы, она также мило и пристально смотрела на меня, продолжая улыбаться. «Хорошо, что я знаю английский», – подумал я.

Именно на английском она попросила стюардессу пересадить ее. «Пожалуйста, куда угодно!» – акцентировала она. Посмотрела на меня, и в глазах ее плескался страх.

Я угрюмо сидел один в ряду. В тишине и полумраке бизнес-класса слышались странные звуки: «бдыщ, бдыщ»...

Это я, сложив пальцы пистолетом, стрелял в спинку кресла этой буржуазной западной девчонки. Только когда я свернул журнал «Аэрофлота» в базуку и приготовился пустить ракету, меня очень вежливо попросили «играть» потише... люди спят.

Мексиканский конфликт

«Приключения начинаются» – подумал я и в ту же секунду заснул.

Проснулся я словно и не спал, как будто моргнул, но по стоящему солнцу я понял - утро. Я проспал не меньше девяти часов, что для меня цифра невероятная. Некрепко стоя на ногах, я пополз в душ и обнаружил, что в этом доме, куда меня любезно затащило приложение по аренде жилья в Калифорнии, нет горячей воды. Я уныло пописал, поплевал в унитаз и сделал вид, что обмылся. Оказалось, что в солнечном Лос-Анджелесе вода из холодного крана не менее ледяная чем в родном Питере. С тоской подумав о том, что последний раз я мылся сутки назад, я вернулся в спальню. Удивительный разум спланировал этот дом, часть которого я снял. Прихожая превращалась в гостиную, неумолимо перетекающую в мизерную кухню, которая плавно становилась спальней, а потом туалетом. Видимо, архитектор предположил, что зайдя в дом, ты сперва смотришь телек, на ходу жрешь, влетаешь на кровать и потом уже идешь какать и мыться. В целом мне было плевать, поэтому я оделся и начал думать о завтраке по местному времени и по совместительству позднему ужину по московскому. Организм, как и всегда после таких перелетов, первые пару дня пребывает в полнейшем ступоре и отказывается понимать, что происходит, постоянно в самый неожиданный момент дня выбрасывая желания поесть и поспать.

– Страховка? – толстый негр в прокате машин смотрит на меня с усталой формальной улыбкой. – Вы же не резидент США?

Нет, спасибо. Эту песню я проходил. Страховка в прокате будет стоить дороже, чем аренда самой машины на три недели

– Уверены? – он делает скорбное лицо. – Если что-то случится,

это будет очень дорого!

– Уверен, – я не улыбаюсь. – Я летел двадцать часов и потом стоял час в очереди на паспортном контроле и час тут, в прокате. Совершенно уверен, сэр.

– Окей, – за десять секунд он печатает договор и кидает на стол.
– Ваша машина любая во втором ряду парковки.

В прошлый раз я исполнил свою мечту и взял в прокат Мустанг. Красный, естественно. Конечно же, кабриолет. Ровно через полчаса я пожалел об этом. После того, как я открыл крышу, мой лоб мгновенно покрылся испариной и грязью. Закрыв крышу, я осознал все несовершенство местного автопрома. Пластик и двигатель гремели так, что казалось, будто я в небольшом самолете. Кроме того, что еще более важно, никто на меня не смотрел. Половина машин вокруг были Мустанги.

Поэтому в этот раз я взял дешевый Шевроле Круз, вбил в навигацию адрес и поехал на место жительства, в Западный Голливуд. Центр жизни Лос-Анджелеса. В описании дома было написано, что есть гараж прямо у дома. Это важно, ибо с парковкой страшная засада, а неправильно поставив машину, ты гарантируешь себе сто-долларовый штраф к утру. Была, правда там приписка: гараж очень маленький, будьте аккуратны. Подъехав к приземистой конструкции, которая и была моим домом на десять дней, я нашел ворота гаража. Открыл. И понял, что это идеальное место для парковки велосипеда или мотороллера, но не машины. Рядом два мексиканца загоняли старый Ниссан Патруль в точно такой же гараж. Филигранно поставив машину, они змеями выползли из нее и приветливо помахали руками. Я кивнул, и чтобы не уронить честь российских водителей, лихо влетел в этот парковочный слот. Что-то глухо стукнуло, и я понял, что уткнулся в стену задним бампером. При этом подобраться к нему я не смог. Просто не мог протиснуться. Плюнув, я выскреб с

заднего сиденья рюкзак, закрыл этот чудесный гробик, и, найдя ключи под цветочным горшком, вошел в эту странно спланированную квартиру...

...я понял, что меня окружают сплошные латиносы. В округе не было ни одного белого. Перуанцы, уругвайцы, мексиканцы... и я. Это был какой-то странный район Голливуда. Поев странной еды в ресторане, где на английском не говорил никто, кроме меня, я вернулся в дом. Глухой удар в стенку гаража вновь оповестил меня, что я припарковался. Как я заметил, выгоняя Круз, стенка была обита мягким поролоном, специально для таких мастеров парковки. Как мои соседи загоняли огромные джипы – для меня загадка по сей день. Стоит отметить, что я приезжал и ставил машину первые три дня дважды каждый день. Рано утром я ехал на пробежку на океан, возвращался, бился бампером, потом ехал в офис и вечером снова бился бампером.

Чтобы вы поняли происходящее дальше, я расскажу вам про сам дом. Это приземистое одноэтажное сооружение было разделено на две части. В одной, меньшей, боролся за существование я. А во второй жила огромная мексиканская семья. Человек восемь как минимум, включая младенцев. Очень тихие и спокойные люди, они здоровались и не говорили мне ни слова. И вот именно к их половине и примыкали гаражики.

Вечером третьего дня я решил заехать в гараж задом и побыстрее, поэтому удар в стену у меня получился на совесть. Дом содрогнулся. Закинув за спину спортивную сумку, я вылез из Круза и в доме начал думать, что можно приготовить из литра молока и хлеба. Мои способности в готовке таковы, что мне проще умереть от голода, чем сделать яичницу. Не придумав ничего нового, я нашел пачку хлопьев четырехмесячной давности и приготовился ждать, пока они в молоке приготовятся в что-то съедобное. В этот момент в дверь позвонили. Я подавился кофе и опасливо подошел ко входу. За окном маячил глава семейства с сыном. Почуввав неладное, я приоткрыл дверь и грозно по-

смотрел на них. Они улыбнулись. Я нет. Тогда они начали очень бегло и с сильным акцентом что-то мне рассказывать, сопровождая свою речь яркой мимикой и жестикуляцией. Когда в конце предложения отец резко хлопнул в ладоши сказал: «БУМ!». Я вздрогнул. Они выжидающе смотрели на меня. Я почему-то вдруг осознал, что на мне только трусы, и захотел что-нибудь на себя надеть. Пауза затягивалась. Я продолжал пристально смотреть на старшего, а он уже начал тревожно поглядывать на сына. Очнувшись, я попросил повторить все тоже самое помедленнее.

И тут я понял. Осознал. Дело в том, что мой гараж примыкал стеной к их кухне. И последние три дня, когда его семья садилась ужинать, примерно в одно и то же время раздавался сильный удар в стену. Он говорил, что в целом-то все понятно. Но сегодня удар был особенно силен, и дети начали плакать. И младший спросил, что будет, если дядя пробьет машиной стену. Сын сказал, что если я так хочу попасть к ним домой, то я смело могу зайти через дверь. Не через стену. Они вежливо предложили краснеющему мне бесплатные услуги по парковке автомобиля. Пристыженный я клятвенно пообещал им, что буду предельно аккуратен. Долго извинялся. Мы разошлись, приободренные друг другом.

Ранним утром следующего дня я предельно аккуратно выгнал машину из гаража, помахал в окно семейству, которое всей толпой завтракало и помахало мне в ответ. Старший из мексиканцев показал на стену гаража и поднял большой палец. Типа все теперь схвачено. Я чинно кивнул. Я уже собирался уехать как вдруг понял, что сумку я оставил на полу в парковочном слоте. Я вернулся в полутемный гаражик, подхватил своими сильными руками сумку, и тут... и тут я увидел в полутьме на полу гадюку – их тут часто показывают по телеку. Черновато-маслянистое тело ее изгибалось прямо по центру. Ошарашенный я сделал несколько резких движений и понял, что падаю спиной вперед. Мое тело (весом в восемьдесят пять килограм-

мов) вместе с сумкой с разгона влетело в обитую поролоном стену. Ударившись сразу всем, чем можно, я вскочил и тут же рухнул обратно в стену, потому что потолок в этой части гаража был ниже моего роста, и, ударившись об него головой, я на не устоял на ногах.

...в глазах потемнело от боли. Я возился на полу, понимая, что вот прямо сейчас гадюка вцепится мне в ногу. И в этот момент в гараже вспыхнул свет. Как он включается до сего момента я не знал – я светил телефоном. На фоне раскрытых ворот на меня изумленно смотрела вся мексиканская семья. Их удивлению не было предела. Они поочередно смотрели на меня и на стоящую на улице мою машину, явно сомневаясь в моей адекватности. Станный русский пообещал не врезаться в стену машиной, но при этом решил биться в нее головой с разгона. Я пытался прохрипеть что-то типа «осторожно, змея», но в этот момент при свете понял, что на полу просто валяется палка. Меня подняли на ногу и ощупали лоб. Покудахтав на беглом испанском, принесли лед и приложили к наливающейся шишке. Все загорелые и белозубые мексиканцы уже не сдерживали улыбок и в голос смеялись надо мной...

Весть разнеслась по кварталу за сутки. Два дня жители соседних домов приходили смотреть, как я паркуюсь. Девочки носили мне пиццу и приглашали ужинать с ними. Старший мексиканец пришел через задний двор, и мы раскурили огромный косяк травы, после которого я проспал как сурок двенадцать часов подряд. Мне все улыбались и показывали пальцем на лоб. Я смущался.

Утром, перед вылетом, я зашел к ним и принес здоровенный чан лазаньи, купленной в хорошем испанском магазине в Голливуде. Восемь мексиканцев и я девятый ели ее прямо из чана. Старшие дети оставили мне свои странички в Фейсбуке, а младший сын, который приходил каждый вечер щупать мою шишку, даже расплакался, что дядя уезжает. Отъезжая от дома, я видел их всех, машущих мне в зеркало заднего вида.

Попутчики сраные

Аэрофлот, бог современных авиакommunikаций России, явно как-то по-своему подбирает вылеты. Но кто-то наверху, ведающий выбором попутчиков, явно наслаждается, глядя на меня в некоторых моих перелетах. Я пишу этот текст, сидя в аварийном ряду рейса Санкт-Петербург – Москва, которым я летал в этом году уже раз тридцать. Стюардессы кивают мне, как старому приятелю, пилоты приглашают порулить, а сотрудники досмотра игнорируют провоз тяжелого вооружения. В общем, часто я тут. Каждый раз, выезжая в аэропорт, я гадаю, кого пошлет судьба мне в соседей. И ладно, если соседу лететь со мной в Москву полтора часа, а если девять в Майами? Совсем другой коленкор, как говорил мне дедушка. В этом эссе я хочу вспомнить самых ярких своих попутчиков.

Рейс в Минеральные воды вылетает из Питера в семь утра. Собрав свои пожитки и нещадно зевая, я уже в пять утра был на ногах и пытался осознать себя в реальности. Досмотр, контроль и проход в самолет пролетели для меня в полудреме. Я прошел к своему месту у окна и обнаружил там невероятных размеров толстуху весом в полтонны, сидящую на моем месте. Она сложила свои подбородки на необъятную грудь и сообщила с горским акцентом, что умоляет меня сесть рядом. Не с краю, а рядом. Потому что с краю сядет ее муж, страдающий недержанием. Муж стоял рядом, глядя на меня преданными собачьими глазами. Я проклял свои врожденные замашки рыцаря и сел посередине. Часть подбородков толстухи сразу же примостилась мне на плечо. Пахло от нее едой и потом. Я представил себе трехчасовой перелет и закатил глаза внутрь черепа. Минут через двадцать я с удовольствием наблюдал, как толстуха откинула столик кресла впереди. Точнее, нажала кнопку, столик опустился на три миллиметра и уперся ей в живот, на который она сложила поднос с едой. Муж ее спал, откинув ноги, и в туалет ни разу не ото-

шел. Я почувствовал себя обманутым и преданным. Посерев лицом от ярости, я закрыл глаза, прикинувшись спящим, и... И через секунду заверещал голосом умирающего в огне енота. Муж от ужаса чуть не ударился в прыжке головой о потолок самолета. Толстуха опрокинула на себя вермишель с мясом, которые доедала за мужем. Я орал, прикидываясь спящим, пока не подбежала стюардесса. Меня «разбудили». Я хлопал невинно глазами и ошарашено смотрел по сторонам. «Кошмар приснился, что падаем», – сообщил я дрожащим голосом своим попутчикам и попросил водички. Меня погладили по голове и принесли стакан воды, который я поставил на столик перед собой. Толстуха, матерясь, соскабливала с себя макароны и, кажется, сразу отправляла их в рот. Ее благоверный, вспотев от страха, но так и не проявив недержания, начинал дремать. «Ах ты, сука, обманщик», – подумал я. Ну смотрите у меня, сказал я сам себе, и снова «задремал». Помните фильм «Властелин колец»? Там есть момент, где главный орк встает на камень и орет дурным голосом: «Время людей ушло! Пришло время орков!». Так вот именно таким голосом, с вылетающей слюной, с дерганьем головой и судорожным размахиванием руками я и заорал: «Нееет! НЕЕЕТ!». Стаканчик с водой взлетел вверх, я бил руками по толстухе и ее мужу.

Весь самолет всполошился от утреннего сна, люди вставали, пытаясь понять, не горим ли мы. Стюардессы примчались ко мне, а я, уже открыв глаза, продолжал орать. Толстуха сидела белого цвета, ее муж пытался максимально отодвинуться от полоумного меня подальше. Началось совещание, в ходе которого мне принесли водички, водочки, укрыли пледом и даже начали мерять температуру. Я хрипел, пил воду жадными глотками и хватался мертвой хваткой «случайно» за толстуху. Стюардессы смотрели на меня с жалостью: такой молодой, а уже дурачок. Я тяжело дышал. Станиславский аплодировал. Мне было решено дать больше воздуха. Толстуху под ее унылые речитативы пересадили в начало салона. Слева от нее сидела женщи-

на с маленьким ребенком, который орал после моих выступлений так, что бежали бы даже орки. А справа сидел огромный дагестанец, который на вопрос, не хочет ли он сидеть посередине, даже не поднял глаз. Мужа ее, обманщика энурезного, посадили так далеко и неудобно от туалета, что, если бы он и правда страдал недержанием, точно бы обоссался. Меня еще раз приласкали молоденькие стюардессы, и я, всхлипывая под пледом и прижавшись лбом к окну, уснул с чувством восторжествовавшей справедливости.

Про Суп. Фантастика

Я аккуратненько сбросил ботинки и вошел в свою квартиру. Она, как и всегда после долгого отсутствия, встретила меня каким-то нежилым запахом – знаете, так пахнет в гостинице. По привычке я сбросил с себя всю одежду, и, натянув старые спортивные штаны, зарядил стиральную машинку вещами, в которых пролетел полмира на четырех разных видах транспорта. После душа, остыв от переезда, я почувствовал, что пахнет чем-то еще помимо затхлости моего отсутствия. Я услышал еще какой-то гниловато-сладковатый запах и пошел к холодильнику. Как человек, который редко готовит, я заранее предчувствовал что-то очень нехорошее...

Суп этот приготовила девушка Лиза. Высокая, стройная и хорошенькая, она обладала помимо этого несомненным достоинством – она прекрасно готовила бульон. И как-то вечером, оставшись у меня на ночь, она приготовила потрясающий по вкусу бульон, который я до ночи хлебал прямо из кружки. Остатки она поставила в холодильник, но, видимо, не подумала о том, что все, что нельзя съесть сразу, для меня просто не существует. Таким образом, по моим нехитрым подсчетам, суп простоял в холодильнике недели три, укрытый плотной крышкой, через которую и пробивался запах. Я стоял полуголый и смотрел в холодильник туповатым от усталости взглядом. Было два варианта. Длинный – вылить все в туалет, помыть кастрюлю, помыть холодильник, чтоб перебить запах. Или...

Завернув суп в слой полиэтилена, чтобы не вонял, клятвенно пообещав себе, что завтра с самого утра все помою, я ушел спать. Мне показалось, что в кастрюле что-то заурчало, но через секунду я со стоном удовольствия повалился в кровать и заснул, еще не донся голову до подушки. Мне снилось что-то очень светлое, хорошее, радостное.

Я очнулся от страшной, невероятной боли в голове.словно ты-

сячи иголок или шурупов одновременно вкручивали мне в воспаленный мозг. Я совершенно не понимал, где нахожусь и что происходит. Какой-то ровный гул окружал меня. Кровать, на которой я лежал, стены все словно вибрировало, иногда вздрагивая. Я попытался открыть глаза и понял, что на голову что-то надето, я дернулся и не смог вырваться из каких-то сдерживающих меня устройств. Мгновенно вспотев от страха и боли, я начал истерично дергаться, безуспешно тратя силы и с каждым движением словно теряя рассудок. Я закричал – рот оказался свободен. Я кричал, пока не задохнулся. Внезапно гул превратился в грохот, будто здание, в котором я находился, подверглось артобстрелу. Я пытался хоть что-то разглядеть через повязку, скуля, продолжая дергать руками и ногами, которые казались мне какими-то чужими. И вдруг все стихло, и я понял, что рядом со мной кто-то есть. Хлопнуло особенно громко, с меня сорвали повязку, меня ослепило светом. Я закричал уже как-то особенно громко. Надо мной стояли двое. Молодой и Старый – окрестил их я сразу. Молодому было лет двадцать. Одетый в камуфляж времен моей молодости он не выглядел смешно. Обвешанный незнакомым мне оружием, с прицелом ночного видения на шлеме, он несильно ударил меня по щеке и прижал палец к губам – «заткнись». Почему-то стало ясно, что меня пришли не убивать, и как только я замолк, Молодой сразу начал развязывать мне руки и ноги. Старый в это время занял позицию у двери. Он тоже был увешан оружием, с седой бородой до груди, разделенной на две косички. Он ухмылялся, поглядывая на меня, но при этом занял позицию метрах в трех, приподняв ствол автомата тоже совершенно неизвестной мне конструкции.

– Где я? Скажите, прошу вас.

Они переглянулись, но промолчали. Я уже был свободен, и Молодой нетерпеливо вскочил на ноги, показав – «поднимайся». Я попытался встать, конечности не слушались меня, я сбросил ноги с кровати и тут же упал, не смог удержаться. Взглянув на свои, когда-то

сильные, ноги, я увидел в старых матерчатых штанах две тонкие, синюшного вида спички. Я поднял глаза и посмотрел на свои руки, которые представляли собой просто кости, одетые в перчатки моей кожи. И тут я снова потерял сознание.

...пистолет был прямо перед моими глазами. Некоторое время я смотрел на него, как он вверх ногами качается передо мной. Меня несли как бревно на плече, причем лицо мое свешивалось прямо у чьей-то жопы. Я подергался, подавая знак, что очнулся, и Молодой поставил меня на землю, продолжая придерживать за плечи. Я ошалело огляделся. И молодой, и Старый, одетые в шлемы и приборы ночного видения, стояли на полусогнутых ногах в позах людей, готовых в любой момент открыть огонь. На их оружии светились какие-то странные датчики, а у Старого на плече горел длинный узкий фонарь, пробивая толщу тьмы до самого конца коридора. Они оба нетерпеливо перешагивали с ноги на ногу и иногда посматривали на меня, но все остальное время смотрели в оба конца коридора, в котором мы находились. Господи, что же происходит...

Раздался грохот и какой-то вой, мои провожатые сжали губы, молодой толкнул меня легонько: «Пошли». Помните мультик «Бэмби»? Там новорожденный олененок учится ходить. Так же сейчас на своих ссохшихся ногах шел и я, спотыкаясь. На ходу я ощупал лицо и понял, что борода у меня не короче, чем у моего Старого проводника. Или охранника? Ужас не давал мне сосредоточиться, страх не давал мне сформулировать какую-то однозначную мысль или вопрос. Мы уже почти бежали по какому-то разбитому, заброшенному коридору. Моих провожатых явно подгонял этот странный вой, который то приближался, то отдалялся. Я сперва думал, что это ветер воет в полуразрушенном здании, но вдруг вой раздался совсем рядом и я услышал топот. «Не успеем», – сказал вдруг Молодой по-русски, и я на секунду обрадовался, но лицо его превратилось в такую маску отчаяния, что я перестал думать о налаживании разговора. Они оба опустили забрала,

Старый сделал пару шагов вперед, встал на колено и достал огромный... пулемет? Молодой повернулся ко мне: «Слушай внимательно, сейчас он будет здесь. Стой тут, и если нас убьют, постарайся выбежать на улицу». Что?! У меня тут же образовался миллион вопросов, но они уже опустили забрала шлемов. Не прошло и секунды, как из-за поворота, освещенного лучами двух мощных фонарей, появилось какое-то существо. Я вжался от одуряющего страха, весь мокрый от пота, и смотрел на чудовище, не сводя глаз. Не меньше двух с половиной метров ростом, на непропорционально огромных мускулистых ногах, стекающая с жвал слюна зеленоватого цвета, длинные когти на многосуставчатых передних лапах. Тупая ярость в утопленных в бронированной голове глазках, которые неспешно оценивали ситуацию... Я был не просто напуган, я омертвел от страха, никогда еще мне не было так страшно. Животное прыгнуло с места, началась стрельба. Они били в тварь короткими очередями, а она прыгала со стены на стену, с потолка на пол, с каждым прыжком оказываясь все ближе. Молодой взмахнул рукой, и раздался взрыв гранаты, но чудовище лишь на секунду остановилось. Оглушенный выстрелами и взрывом, остолбенев от происходящего, я сполз спиной по стенке коридора и понял, что ни бежать, ни даже ползти я уже не смогу – я с трудом сдерживал желание обоссаться. Стрельба стала еще ожесточеннее, отпихивая меня ногой Молодой отступал назад, а Старый наоборот делал маленькие шажочки навстречу скачущей твари. Вдруг она оказалась прямо перед ним и приподняла над полом, вонзив в него передние лапы. Раздался дикий крик, и я увидел, как из бронепластин на спине у Старого вылезли неправдоподобно огромные когти. Чудовище, видимо, сразу впилося в лицо старика, и он безвольно, как кукла, тряся в его лапах на весу. Молодой ударил меня по голове: «БЕЖИМ!». Я встал и заставил себя бежать, слыша сзади нечеловеческий крик боли Старого и шаги Молодого. Я бежал, задыхаясь, но зная точно, что не только не остановлюсь, но и не обернусь по своей воле. Впереди оказалась дверь, Молодой выстрелил из-за моей спины, оглушив меня, и

дверь вылетела прямо на улицу, сорванная с петель. Выбежав на холодную, промозглую улицу, я не успел даже оглянуться, провожатый схватил меня за шкуру, и мы побежали вдоль разрушенных домов куда-то вдоль улицы. Навстречу вдруг вылетели какие-то люди, тоже вооруженные, Молодой кричал им что-то, и тут я обернулся. В ста метрах от нас, встав на четыре лапы, гигантскими скачками за нами неслась эта тварь, разбрызгивая кровь с морды и низко склонившись к земле. Догнавшие нас люди схватили меня под мышки и потащили к стоящей рядом машине-пикапу. Меня швырнули в кузов, как бревно, и машина сорвалась с места. Я лежал и слушал крики и стрельбу, молясь, чтобы мы успели сбежать. Человек надо мной выстрелил из чего-то похожего на гранатомет, вылетевшая гильза упала мне на голову, и я даже с какой-то радостью второй раз за час потерял сознание.

Она сидела рядом со мной, а за ее спиной стоял Молодой. Я лежал на кровати, не привязанный, одетый во что-то теплое и светлое. Я почему-то чувствовал себя спокойно. В правой руке стояла игла с трубкой, тянущейся к капельнице. Я устало и сонно оглянулся по сторонам. Комната, не темная, но и не полная света. Тихо, лишь слышны шаги, человеческие шаги за дверью, голоса, запах какой-то еды. А потом я посмотрел на нее. Видимо, они сидели тут уже давно. Они посмотрели на меня вдвоем, и если Молодой смотрел на меня без эмоций, то в ее глазах я прочитал тихую радость встречи. Она сидела рядом со мной на стуле и, я увидел это только сейчас, держала меня за руку. Через все ее лицо шел бледный узкий шрам, который не столько обезображивал ее, сколько придавал ее чертам какую-то жесткость.

– Где я? – слова не сразу вылезли из меня, я откашлялся и повторил. – Где я?

– А что ты помнишь последнее? До того, как Марф напал на вас? – певуче ответила она.

Я нахмурился.

– Я лег спать... Просто лег спать.

Они переглянулись.

– Пожалуйста, скажите, что происходит? Где я? Кто вы?

– Успокойся, - она погладила мою руку, – успокойся.

Молодой, уже несколько минут проявляющий признаки нетерпения, вдруг заговорил.

– А что же ты молчишь про суп? – он зло уставился на меня.

– Макс, прекрати, – строго сказала женщина, но Макса было не остановить.

– Что же ты, ублюдок, молчишь про суп, который ты оставил? А? Из-за которого все и началось?!

– МАКС! – она вскрикнула и вскочила, буравя его взглядом.

Я ничего не понимал. Причем тут суп? О чем он говорит? Но женщина, усмирив Макса взглядом, внезапно повернулась ко мне уже без прошлой благожелательности.

– Неужели тебе так трудно было вынести и помыть кастрюлю? – она заводилась на ходу, я заметил, что Макс положил руку на кобурку. – Что там произошло, что ты завернул суп в пленку и дал жизнь этим ублюдкам?!

Она уже кричала на меня, видимо, с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить меня, а я, не понимая ни слова, вжался в стену, у которой стояла кровать... Вдруг она успокоилась и рассказала мне все, что знала сама.

В супе, который я оставил в холодильнике, так и не убрав его, зародились существа, которые поставили своей целью сожрать все живое и, судя по всему, справлялись очень успешно. Они быстро раз-

множились, заражали людей неизвестной болезнью, были почти нечувствительны к разного рода боеприпасам, умны, проворны и жестоки. Они нападали днем и ночью, связь с городами была потеряна, люди выживали небольшими мобильными группами, стараясь найти оружие, которое убьет тварей. Их называли морфами, вспоминая ксеноморфов из фильма «Чужой».

Она снова поднялась, и на ее место вдруг сел Молодой Макс. Она встала у него за спиной и спросила: «Мы охраняли тебя, пока ты был в коме, почти тридцать лет. Только ради одного вопроса. Сосредоточься. Какой был суп? Мы думаем, это должно помочь разработать бактерии, убивающие Морфов».

Я молчал. Я не помнил. Не помнил совсем. Я им так и сказал, и тогда она понимающе кивнула.

– Если ты не вспомнишь за пять секунд, то Макс прострелит тебе голову. Живой ты нам тут бесполезен, – она скорчилась в гримасе омерзения.

Макс достал огромный пистолет, и приставил мне ко лбу. Я почувствовал холодное дуло прямо у себя в мозгу...

Я вскочил с постели, мокрой от моего холодного пота, и в темноте, натыкаясь на мебель, пробежал на кухню. Рывком открыл холодильник. Суп, завернутый в пленку, стоял на нижней полке. Там ничего не булькало. Суп был куриный.

Кавалерийская ала перешла на рысь

Это будет эссе о героизме. Мужестве. О покорении животных человеком. В этом коротком эссе будет пара слов о рыцарстве. Ты, читатель, услышишь в этом рассказе топот копыт тяжелой конницы, свист стрел, летящих с луков сидящих на мохнатых коньках монголов. Уверен, что вы уже замерли в предвкушении чего-то особенного. Но все будет, читатель, гораздо проще. Это будет рассказ о моих тонких и чувственных отношениях с лошадьми.

Если кто не помнит, то лошади – это такие большие, с виду часто добрые четвероногие и непарнокопытные. Они смотрят на нас на улицах, в зоопарках, в деревнях своими умными и печальными глазами. Мои личные отношения с этим типом животных ограничивались катанием в глубоком детстве на пони и чтением множества книг о ковбоях, мушкетерах, крестonosцах и просто всадниках. Каждый раз, читая о переходе кавалерийской алы в «Мастере и Маргарите» на рысь, я так и представлял себя в красной тунике на гнедом жеребце. И всегда, слышите, всегда мне казалось, что лошадь только и ждет того, что я вскочу на нее, и мы помчимся в закат. Это уже из «Неуловимых мстителей» – помните, там в конце они уходят в зарево заката под титры? Вот. Так я себя и видел. И когда кто-то показывал мне видео, где он или она уныло скачет на лошади по манежу, я презрительно смотрел и никак не комментировал. Слабаки – так думал я. Мы, думал я о себе, прирожденные всадники, скачем так, что цокот копыт разносится на добрую лигу вокруг. Также в моих фантазиях кто-то рядом кричал «эгегей» голосом Боярского. В-общем, в моих мыслях скачки на лошадях были проще пареной репы. Лошадь просто делает то, что ты передаешь ей путем, не знаю, тактильного контакта. Короче, несложно...

...и вот случилось. Я начал встречаться с девушкой. Года мне

было, наверное, двадцать три. Я разошелся с первой женой и находился уже давно в одиночестве и тоске. И тут я познакомился с ней (не буду вслух упоминать ее имя, ибо она, как и все исчадия ада, появляется, когда называешь имя). Мне так говорить можно – я пережил эти отношения и уверен в том, что сам Люцифер послал на землю какого-то из своих демонов, обернув в ее тело с указанием показать мне, что такое ад. Но тогда я всего этого не знал, был влюблен, и в свете этого готов был делать глупые и необдуманные, но очень романтические поступки, исполняя ее желания. Одним из них было «изволю покататься на лошадях». «Что ж... – подумал я, – Вот отличный момент, чтобы показать себя». Недолго думая, я вызвонил каких-то ребят, которые пригласили покататься на их ферму. Стоило это недорого, ехать было недалеко, и так все и решилось. В ближайший выходной день мы выдвинулись в сторону конюшни.

Была поздняя осень и довольно холодно, но я, помня, что я всадник, оделся очень легко. Курточка кожаная, джинсы – выглядел я очень стильно, но выйдя из машины и окунувшись в грязь и дерьмо по голень, я почувствовал неладное. Моя спутница тоже была легко одета в кожу, но ее высокие ботинки явно лучше подходили к верховой езде и окружающему нас осеннему говну. Навстречу нам вышел молодой парень лет двадцати, напоминавший больше конюха, чем всадника. (Или как там называют выгребателей дерьма из-под лошадей?) Я смотрел на него надменно. Для меня, истинного ковбоя, он в своих трениках и ватнике выглядел как обслуга и челядь. Он высморкался в землю и, шепелявя, уточнил у нас опыт скачек. Тут я был неприятно удивлен тем, что девушка несколько лет уже катается на лошадях и вообще с ними на «ты». Для меня вообще было шоком, что этому можно так долго учиться. Ведь это лошадь – это вовсе не космолет, так мне казалось. Когда вопрос об опыте укрощения мустангов задали мне, они оба на меня посмотрели и я, дабы не ударить в грязь лицом, сказал, что уж как-то справлюсь. Этот ответ меня ни

к чему не обязывал, фактически я даже не рисковал. Трактовать его можно было как угодно, но парень, который оказался хозяином всей этой шараги, посмотрел на меня как-то странно.

«Ну что, готовы?» – он радостно утерся ватником, мы все улыбнулись и пошли в ангар, наполненный запахом теплых какашек, лошадиного пота и всего того, что никак у меня в голове не ассоциировалось с запахами рыцарей и мушкетеров.

Нам вывели трех лошадей. Или коней. Я не знаю, но доверия и симпатии они у меня не вызвали. Мне, как самому крупному и малоопытному всаднику, выдали огромную маму-лошадь. Она пристально и недобро смотрела на меня огромными карими глазами, в которых не было ни тепла, ни ласки, на которые я рассчитывал. В голове моей мелькали такие фразы, как «гром копыт», «злой жеребец», «перешли на рысь» и так далее. То есть моя эрудиция услужливо подбирала слова для описания моего триумфа. На деле же я очень сильно замерз, мои спутники уже всюду катались по кругу на своих лошадях, а я осторожно обходил моего скакуна, точно помня, что нельзя подходить сзади, так как «лошадь копытом убивает льва», медведя, и уж точно прикончит хилого меня. Какие-то местные простолюдины грязными руками показали мне, за что хвататься, куда нажимать и порекомендовали не мерзнуть и «вскочить в седло».

Я уперся во что-то ногой и «вскочил». Лошадь всхрапнула звуком совсем не из моих фантазий и сделала шаг в сторону. Я очень немужественно поскакал за лошадью на одной ноге под взгляды окружающих. Я был в ужасе, но мое лицо демонстрировало полное равнодушие к происходящему и даже легкое утомление от того, что все это происходит со мной так часто. Поскакав немного за ней в таком виде, я сделал гимнастическое движение и оказался «в седле» в прямом и переносном смысле. Лошадь плохо пахла. Мне сразу стало тереть между ног. И как они проводили в седле по полдня?! Все поаплодировали моим умениям, после чего кто-то хлопнул мою лошадь

по жопе, простите, по крупу, и она двинулась за двумя другими конями. Так вот цепочкой мы потихонечку, медленно, привыкая, выползли на равнину. Чувствовал я себя крайне неуютно на лошади, мало того, устройство, именуемое уздечкой, в моих руках, как оказалось, не имеет на лошадь никакого влияния. Меня, конечно, проинструктировали, что и куда тащить и чем бить по бокам, но пока я понимал только то, что моя лошадь просто уныло идет за остальными двумя. Это продолжалось минуты три, после чего моя девушка и тот самый конюх сообщили мне, что так медленно им ехать тяжело, и чтобы я «догонял». Хлестнув своих буцефалов, они, видимо, рысью скрылись за какими-то местными холмиками.

Я крикнул им вслед залихватское «эгегей», вцепился коченеющими руками в уздечку и ударил, как учили, по бокам лошади. Она обернулась и посмотрела на меня налитым бешенством и кровью глазом и остановилась окончательно. Я прошептал «извините» и ощутил себя очень глупо, сидя на лошади в засранном поле. Я совсем не чувствовал себя монгольским сотником, высматривающим добычу, рыцарем, готовым сразиться с достойным врагом, а также мушкетером, драпающим от гвардейцев кардинала. Какое-то время мы просто стояли, и я был больше похож со стороны на привязанного к седлу пленника. Во всяком случае, сбоку, скрючившись пополам от холода и тоски. Посиневшими пальцами я держал бесполезную уздечку и даже иногда произносил разного рода звуки типа «но», «вперед» и так далее. Ударить лошадь по бокам еще раз я не решился. Вы видели, какие у них зубы?! Сделав несложные вычисления, я понял, что изогнувшись, она достанет мне своими гигантскими челюстями до колена. И откусит его к чертям.

Мы постояли еще. Смеркалось. Оглушительно пукнув, лошадь навалила кучу, достойную коней Македонского. Облегчившись, она развернулась и пошла обратно в конюшню. Мои мечты скакать навстречу ветру рушились, я был унижен и оскорблен, но лошади было

совершенно плевать. Моего единения с ней не произошло, и несмотря на мои робкие попытки куда-то дергать уздечкой, бить по бокам и так далее, мы приближались к ангару. Лошадь шла своим путем, не обращая на меня никакого внимания. Я представил себе, как на моем месте сидит закованный в броню латник и так же уныло не может договориться с парнокопытным. Я вспоминал кентавров. Я понимал, что мне нужно проявить силу, волю и покорить животное своим мужеством, и вот тогда мы помчимся как в кино. Пока же мы, попердывая и хрипя, как астматик, очень медленно приближались к воротам. Вошли во двор. Я оглянулся в поисках тех самых помощников и никого не увидел. В загоне ржали лошади, все так же скрипело все вокруг. И ни души. Мы подошли к стойлу, где прижимался к стене маленький жеребенок. Лошадь заржала, поднимая голову. Жеребенок радостно запищал. И тут вдруг я понял, что независимо от того, есть я на ней (лошади) или нет, она сейчас войдет в стойло. Что слезать с лошади нужно было во дворе, а не в самой конюшне. Верхняя балка стойла находилась ровно на уровне моей груди. Моя «кобылица» пригнула голову и резко вошла в стойло...

Думаете, я сломал себе грудину? Балка сломала мне ребра? Я свалился с лошади? А вот и нет. Все же тысячи книг о всадниках прошли не зря. В последний момент я лег спиной на лошадиный круп, как настоящий джигит и деревяшка проскользнула в миллиметре от моего носа.

Когда меня нашли вместе с лошадью, она стояла в стойле, занимая его целиком. Я сидел на ней, пригнувшись под самым потолком. Жеребенок стоял под лошадью и сосал молоко. Картина получалась довольно идиллическая. Не глядя никому в глаза, я тихо попросил сделать так, чтобы я мог с нее слезть.

Уже отогревшись в машине, слушая рассказы девушки, полные задорных слюней о том, как было круто, я сообщил доверительно, что просто «у нее же жеребенок», и, понятное дело, скакать она и не

собиралась... Я себя в этом убедил тогда. И ее убедил. Но на самом-то деле я точно знаю, что всадник из меня, честно говоря, не получился.

С тех пор мои мечты не поменялись. Я по-прежнему часто представляю себя гладиатором на огромном боевом коне. Просто конь этот вкусно пахнет. Не срет на бегу. Не пердит. Не трет мне между ног. И, самое главное, управляется путем передачи моих желаний ему прямо в мозг, а весь этот антураж из стека, плеток, ударов по бокам и уздечки в моих мечтах – просто антураж.

Возраст Христа

Итак. Мне тридцать три.

Когда мне исполнилось тридцать три года, все вокруг радостно стали сообщать мне, что это возраст Христа. Недоуменно выслушивая эти поздравления, я пытался понять, зачем мне сообщают о том, что у меня именно тот возраст, когда Христа мучительно убили, распяв. Я – юноша с вагончиком проблем. У меня два взрослых сына, бывшие жены и целое корыто комплексов от мании величия до неуверенности в себе. Ежедневно я встаю по будильнику и, уныло одевшись, еду на работу, в аэропорт или еще куда-то, куда ехать мне зачастую совершенно не хочется, но надо. Ведь я уже взрослый, и теперь мне довольно трудно сказать кому-то, что я не хочу ехать. Ведь это именно я должен ехать. Ехать, ехать, говорить, спать, жрать – все это должен делать я. Жизнь поимеет всех. Вот и я одеваюсь, ем не то, что хочется – к чему это мне лишний жир? Сплю не с теми, с кем хочется – они все давно повыходили замуж, не дождавшись, пока я решу свои умственные препоны одиночества. Я съедаю овсяную кашу, надеваю джинсы и сажусь в машину. Пора на очередной раунд. В этом и есть жизнь.

...я провел по губам и не почувствовал правую сторону лица. Это было очень необычное ощущение. Я провел языком изнутри и вновь ничего не почувствовал с правой стороны. Напугавшись, я всей своей пятерней начал ощупывать лицо: нет, глаза, лоб, уши – все это чувствовал. Но губы, десны справа и щеку я почти не ощущал. Как будто они не то чтобы онемели, а просто их нет. Я перепугался не на шутку и позвонил в страховую компанию. Это был редкий год моей жизни, когда я был дорого и богато застрахован. Оператор нежным голосом посочувствовала мне и сообщила, что сегодня, в воскресенье, можно попасть только в Первый Мед. Так называют один из круп-

нейших медицинских университетов Питера. Там же травматология, лаборатория, операционные. Места эти гиблые – университет очень старый, и до этого слышал я нем только плохое. Участиливо сообщив мне, что если я перестану чувствовать руку, глаз и голову, то лучше уже никуда не ехать, оператор сказала, что меня будут ждать.

Долго плутая по Петроградке, постоянно прикасаясь к губам снаружи и изнутри, я наконец припарковался. Потом я долго блуждал по палисадникам университета, пытаюсь найти лицевую хирургию. Чей-то злой разум расположил корпуса сего учебного заведения в рандомном порядке на огромной территории, поэтому в какой-то момент я отчаялся настолько, что начал искать не здание, а хотя бы карту. Дружелюбный бомж, сжалившись, проводил меня до хирургии. Сочувствуя отказавшись от полтинника, он помахал мне вслед.

Среди тех, кто сидел в приемной, были: человек со свернутой набок челюстью и грустным взглядом (он сидел, придерживая лицо рукой и периодически гукая), парень, у которого из-под перевязанного целиком лица сверкал яростью заплывший синяком глаз. Третий пациент спорил с двумя тучными медсестрами. Как я понял, он убеждал их в том, что в полном порядке и сейчас уйдет домой. Медсестры стирали у него с лица кровь, на полу лежал один из его передних зубов, и выглядел он как персонаж фильма «Ходячие мертвецы». Во всем этом паноптикуме не было ни одного человека, который мог бы мне подсказать, куда идти и что делать. Гуканье, стоны и зубы на полу, признаюсь, довольно сильно сбили меня с толку. Я уже не был столь высокомерен, как обычно, и начинал пугаться. Тихонечко подойдя к администратору, мирно дремлющему на столе, я сообщил свою фамилию и тот факт, что я от страховой. То, как нежно я склонился к нему и шептал на ухо, со стороны могло выглядеть так, словно я принес ему дозу героина. Пошлепав на меня глазами, администратор уныло указал куда-то за спину, и я поспешил скрыться в коридоре, над которым светилась надпись «Рентген».

Как выяснила тетенька в халате (совершенно не гарантирую, что врач, ибо она непрерывно так ругалась матом, что вполне могла оказаться вахтершей), один из моих зубов совершенно неожиданно для остального организма передал нерв, и если вот прямо СЕЙЧАС его не вырвать, то я окочурюсь, даже не добравшись до машины. Она похлопала меня по плечу без тени сочувствия и привела к большой и светлой комнате, над которой было написано «Хирургия». Ноги мои подогнулись. Сидя на алюминиевой скамейке в абсолютно пустом коридоре, я подумал, что вполне неплохо было бы умереть прямо сейчас. Желудок скрутило – именно в тот момент, когда я решил, что пора тихонечко сваливать.

«Давай, Марина!!!» – кричали они.

«Марина! Ма-Ри-На!» – скандировали люди в белых халатах.

Я в ужасе, весь ледяной от пота и страха, лежал на металлическом столе в операционной Первого Меда. Практически на груди у меня сидела та самая Марина – метр с кепкой на коньках. Было совсем непонятно, как она вообще способна передвигаться в таком тщедушном тельце, но вот она тут, студентка пятого курса медицинского университета, высунув от напряжения язык, пыталась вырвать мне коренной зуб. Она упиралась в меня вся целиком, вкрутив мне в рот какой-то болт. Она с кряхтением и под крики своих одноклассников выдирала мне зуб. При этом при каждой неудачной попытке, так сказать, при каждом неловком рывке, она дергала мою голову и била меня затылком об операционный стол. Я старался не смотреть на ее мокрый от усердия лоб, на профессора, невозмутимо торчащего из-за ее плеча и кудахтавшего: «Давай, Мариночка, тащи». И Мариночка тащила. Толпа скандировала и визжала. Кто-то вытирал Мариночке лоб и обмахивал полотенцем, как боксера в перерыве между раундами. Тут она сделала особенно сильный рывок, зуб выскочил, и она вместе с зубом отлетела в сторону. Я рухнул на стол, заливая кровью подбородок, все радостно загомонили, набросившись на Марину и

восторженно хлопая ее по нежным плечам. Кто-то напихал мне в рот ваты, я мычал от ужаса и восторга, что все закончилось. Общая картина напоминала фильм «Техасская резня бензопилой». Мариночка встала, высоко подняв пинцет с моим зубом. Студенты вовсю голосили, профессор благосклонно кивнул мне на двери операционной. Я сполз со стола и вышел в коридор. Щека моя напоминала мяч для игры в регби, вата намокла от крови, но я был абсолютно счастлив.

Время летит как стрела. Как Сапсан. Даже не знаю, с чем сравнить. Не так давно мой старший сын спросил, где у меня дома хранятся средства предохранения, и я подавился супом так, что едва не умер. Он при этом смотрел на меня так спокойно, словно целыми днями задает такие вопросы. Ведь вот только-только он ел булочки у бассейна и боялся окунуть в него ноги. Вот буквально вчера он залезал ко мне в кровать: «Папочка, монстры там у меня, подвинься». И вот они оба, два здоровенных, похожих друг на друга Есаулова, делят последний бутерброд на моей кухне. Огрызаясь, пожирая все на свете, под крики и вопли телевизора и телефона они планомерно взрослеют, превращаясь из детей в юношей. Над всем этим слоненком порхаю я, пытаюсь не дать им убиться самим и покалечить меня в попытках добыть себе еду и развлечения.

...была уже совсем ночь, когда она вдруг сочла, что ее либидо горит огнем. И поэтому, не сочтя нужным ни позвонить, ни написать, позвонила в домофон. В это время я сидел в трусах в полной тишине и читал книжку. В соседней комнате, сложив друг на друга ноги, спали мои сыновья, приведенные своими матерями на три дня одновременно. Звон домофона заставил меня подскочить, чтобы не разбудило детей, и, не думая и не спрашивая, я открыл двери. Через пару минут (я как раз успел надеть штаны) она вошла в мою прихожую. Видимо, все это казалось ей игрой – десять лет разницы не в мою пользу, врожденная игривость привлекали меня, но я не спал два дня, поднимаясь с петухами, когда меня будил младший сын, и

совершенно обезумел от усталости, работы, ухода за двумя детьми и тренировок. Поэтому, когда она впорхнула, сверкая, в мою квартиру, больше всего я хотел просто вытолкнуть ее наружу, но она уже повисла у меня на шее, звонко и шумно целуя меня в губы, скулы, подбородок. Я тщетно пытался как-то нежно оттолкнуть ее, чтобы пояснить, что дома дети, что надо тихо, и вообще лучше уйти. Но тут она загадочно ухмыльнулась белоснежными зубами и актерским жестом сбросила с себя пальто.

Под пальто ничего не было. Загорелое тело эффектно обрамляли кружева чулок, и все. Грудь, попа, шея – все это разом бросилось мне в глаза, и, не будучи ханжой, я на секунду залюбовался этим образцом сексуальности. Именно в этот момент минутной слабости я услышал позади скрип. Ее глаза раскрылись, наполнившись удивлением. Инстинктивно я шагнул назад и встал в шеренгу вместе со своими сыновьями. Старший держал младшего за руку, и оба они (один с большим пониманием, а второй без оного) крайне изумленно смотрели на нее. Повисла пауза. В моей голове сверкали молнии и образы, я открывал и закрывал рот, как рыба, но слов не было. И тут мне на помощь пришел мой сын, и, некультурно показав пальцем, сказал: «Тетя голая, папа». Она в это время судорожно влезала в пальто, бормоча под нос какие-то ругательства. Я кивнул, соглашаясь с Андреем, и тут его брат отпустил его руку и, пристально глядя не семейными голубыми глазами на «тетю», подошел к ней в упор. Решив, что с ним играют, он потянул пальто на себя. Я бросился на помощь, старший сын начал громогласно хихикать, а младший, уверившись, что с ним играют, радостно завизжал.

По обе стороны от меня лежали дети, которых я с трудом успокоил после всего это представления. Девушка в измятом пальто на голое тело, сердито сопя, строчила мне смс за смс, костеря весь наш клан. Старший сын, так и не поверив моим неуклюжим объяснениям, уснул, явно сообщив о произошедшем всем своим друзьям в соци-

альной сети. Младший после короткого боя отвлекся на шоколадных медвежат, отдал пальто и сел за стол, уверенный, что будут кормить. Я, проклиная молодежный разврат, женщин и собственную невнимательность поборол в себе желание выпороть обоих и лег спать. Ну как же так? Разве так я представлял себе свой вечер – с женщиной в пальто на голое тело?!

Бабочка. Эссе о невнятности формулировок

Это будет очередное юмористическое эссе о моей старости, глупости и меланхолии. В нем нет скрытых смыслов, в нем нет множества сюжетных линий. Просто не так давно один приятель напомнил мне об этой истории, мы посмеялись, и, вспомнив все это, я решил переложить сей фейл на бумагу.

Все это случилось примерно год назад. Я сидел и любовно разглядывал в полутьме ночи разложенные на промокашке свои раскрытые ножи. Я их собираю все сознательную жизнь. Также всю сознательную жизнь я отвечаю на серию вопросов: «Это у тебя нож? Зачем тебе нож? У тебя что, сто ножей? Ты психопат с таким количеством ножей? Как часто ты режешь ножом людей?». Заканчивается все обычно просьбой: «Дай посмотреть». Я всегда даю посмотреть свои ножи. Во-первых, мне не жалко, а во-вторых, люди оставляют на моих ножах свои отпечатки пальцев. После того, как они их трогают, я аккуратно засовываю нож в полиэтиленовый пакетик и помечаю, кто и когда его трогал.

Так вот сидел я, любовно, как Горлум с кольцом, пришептывая «моя пррррелесь». Или как Кошей над золотом – чахну, поглаживая лезвия и рукояти, жмурясь от удовольствия и воспоминаний, ведь каждый клинок появился у меня не просто так. Каждый я купил, нашел, забрал или поменял при каких-то обстоятельствах, которые навсегда остались в моей памяти. И тут вдруг я смотрю, все сверкает, угрожающе блестит, чернит сталью и так далее, но чего-то не хватает. Я вообще за столько лет научился узнавать свои ножи по краткому взгляду, и тут вижу, что не хватает ножа-бабочки. Не итак давно я подарил товарищу свою черную как смоль «бабочку», привезенную из Штатов. Я долго оплакивал ее потерю и даже несколько раз просил его прислать мне пару фотографий этой «бабочки», чтобы

посмотреть, как она там. Для особо одаренных, «бабочка» – это такой нож, состоящий из трех частей, где разделены лезвие и две части рукояти. При желании и умении «бабочкой» можно весело и задорно размахивать, и тогда становится понятно, почему ее так называют. Вообще она называется умным словом «балисонг», но этимология его мне была неинтересна, ибо, поверьте на слово, когда умеющий мастер крутит такой нож, выглядит это действительно так, словно бабочка машет крыльями. Оставив лирическое отступление в терминологию, продолжим. Пустил я очередную слезу и решил во что бы то ни стало и как можно скорее купить себе бабочку. Вообще этот тип ножей, если он сделан хорошо, правильно, и размер его не напоминает зубочистку, в России и многих странах запрещен как холодное оружие. Как человек, много раз едва не перерубивший себе своим же ножом-бабочкой пальцы, пытаюсь показать, как правильно ей размахивать, я полностью согласен с запретом на этот тип вооружения в руках неумелых идиотов, как я.

Но я мамкин бунтарь и гангстер, поэтому сперва я пробежался по своим «ножевым» дилерам – темным людишкам, которые возят ножи из разных труднодоступных мест. Вопросов о законности ввоза никто не задает, потому что всем плевать. Бабочки ни у кого не оказались. Отвергнув предложения купить очередной складной нож, я ринулся в поисковые пещеры Яндекса. Я пользователь продвинутый, поэтому все, что дальше второй страницы выдачи, для меня не существует. Просмотрев пару сотен страниц с брелоками-бабочками, ножами для резки бабочек, порно с бабочками, я наткнулся на НЕЕ. Именно большими буквами. С фотографии на меня смотрела здоровенная, в две ладони бабочка с широченным зазубренным клинком, чуть красноватой рукоятью. Мечта. Я, мгновенно возбудившись, начал изучать материалы и длину и обескураженно осознал, что я таких материалов не знаю, никогда не встречал, но по запросу названия поисковик выдает множество именно таких фотографий этого ножа.

Несколько смущало, что все фотографии какие-то, знаете, словно нарисованные дизайнером, а не сделанные на камеру.

Плюнув на свое самодовольство, я нашел продавца, почему-то он указал не секретный аккаунт на Ганзе или в Телеграме, а, не стесняясь, дал свою страничку в ВК, где на меня с аватара радостно улыбался какой-то парень. «Храбрец», – подумал я и тут же написал ему в чат, что интересуюсь бабочкой. Он был онлайн, и я, несмотря на ночь, нетерпеливо ждал ответа. В покупке ножей я как девочка, покупающая туфли. Хочу вот прямо сейчас и ни секундой позже. Изучая страницу парня, я понял, что он мало того, что он, во-первых, очень молод – вряд ли больше восемнадцати лет. Во-вторых, заядлый игроман – страничка пестрела множеством постов о разного рода играх и розыгрышами игровых валют.

Мое нетерпение было вознаграждено, и он без всякого уважения к возрасту, не здороваясь и с множеством грамматических ошибок сообщил, что бабочка продается. Дальше я привожу переписку по памяти, но она, поверьте, очень близка к цитированию. Ошибки, чтобы кровь не текла из глаз, я опускаю:

– Бабочка продается да. Две тысячи рублей.

– Не очень дорого, – в тот момент я даже расстроился, потому что за две тысячи будет уж совсем говно, а не нож.

– Она не нового образца, – невнятно пояснил мне собеседник.

– А какая там сталь?

Судя по цене, видимо, простая нержавейка, подумалось мне.

Здесь в переписке возникла довольно длинная пауза, и я подумал, что мой оппонент пошел искать нумеровку стали на клинке. Как оказалось, нет. Скорее всего, он недоуменно смотрел в монитор.

– Понятия не имею... а какая разница-то тебе?

– Разница есть, – я не стал ему-дураку пояснять, как важна сталь на ноже, – а клипса есть?

Снова возникала довольно длинная пауза в переписке. Я не очень понимал этих перерывов. Ладно, думаю, может, мама его попросила мусор вынести.

– Не знаю, – родил он наконец.

Что за идиот, подумалось мне. Как будто нож свой в руках не держал. Ладно, хер с тобой.

– Хорошо. Не имеет значения. А ты в каком городе? – вопрос был задан мной с надеждой, ведь ждать бабочку из Саратова или сегодня же забрать в Питере – это большая разница.

– А тебе какая разница? – совсем уж грубо ответил этот парень, и я взбесился.

– А как ты мне ее отправлять будешь? Вот какая! Почтой, курьером, с постоплатой или как? – гневно выдал ему я, стараясь придать своему тексту раздраженный тон.

Пауза в этом месте диалога совсем уж затянулась...

– Кого отправлять?

Ну надо же быть таким кретином, я аж руками всплеснул. Что за дурень? Сука, идиот! – ругался я.

– НОЖ! Нож как ты мне отправишь?!

Здесь и сейчас вам важно понять, что к этому моменту я был сверх раздражен его тупостью и кретинизмом, одновременно стараясь хоть как-то держать себя в руках, чтобы он не послал меня в жопу. Бабочку мне все же хотелось, пусть и такую дешевую. Поэтому я пыхтел над клавиатурой, все же подбирая слова и выражения, не оскорбляющие чувства верующих.

– Дядя. Это игровая бабочка. Она виртуальная. Я продаю свою бабочку персонажа, понимаешь? Ее не надо почтой отправлять, она в игре. Типа как будто ненастоящая. Понял?

Я смотрел в монитор, опешив и чувствуя себя полным кретинном. Только сейчас я понял, почему бабочка на фотографии рисованная – она ведь и правда рисованная, выдуманная. Также только сейчас я понял паузы в диалоге – просто парень охерел от того, как подробно я выясняю, какой-такой бабочкой будет размахивать мой вымышленный персонаж. Так я просидел, не зная, что ответить, минуты три, пока в чате не появилась надпись: «Вы не можете писать сообщения этому абоненту, так как он вас заблокировал.». Парень решил не связываться с идиотами, подумал я.

Я долго не мог уснуть в ту ночь. Много думал.

Массажисты сраные

Коротенький текст о том, с какими проблемами приходится сталкиваться в жизни. Скажу сразу, что к такой постановке жизненных вопросов меня не готовили. Ни в школе, ни в институте, ни в Яндексe. Видимо, в мужском мире этот вопрос приходится решать, лишь столкнувшись с ним лицом к лицу. Ну, то есть даже не совсем лицом.

Сколько-то много лет назад у меня как раз родился старший ребенок, я был молод, здоров и мог позволить себе пить всю ночь, спать на снегу и курить пачку сигарет в день. Все это я активно практиковал между купаниями ребенка, учебой и работой по ночам. Выглядел я, как человек, который никогда не спит и ел последний раз во времена средневековой инквизиции. Круги под глазами напоминали блюдца от кофейного сервиза бабушки. Жить мне это не мешало, Андрюха рос не по дням, а по часам, Ксюха, моя бывшая жена, потихонечку начинала меня ненавидеть – обычная семейная жизнь задроченной бытом ячейки общества.

И вдруг – заболело. Сперва едва заметно, так что я игнорировал эту боль, списывая на фантомные боли от голода и недосыпа. А потом начало болеть сильно. Болело, знаете ли... в нежном месте. В самом драгоценном месте для любого мужчины. Болело при походах в туалет, а потом уже просто, и просто болело так, что приходилось все время кривиться. Человек я очень мужественный. Поэтому сначала я решил, что пройдет само. Потом я решил, что надо поискать решение в интернете. В то время он еще не был так полон идиотов, но все равно диагнозы разделились на два – немедленная смерть и мучительная смерть. Оба варианта имели множество свидетелей, очевидцев и даже фотографий умирающих именно от моей болезни. Советовали пить больше воды и меньше мастурбировать (кстати,

хочу сказать, что это лечение подходит для любых болезней). Охренев от разнообразия комментариев, я проклял все и позвонил отцу. Папа мой – человек вообще железный, ему однажды без наркоза аппендицит резали, поэтому он дал потрясающий по новизне совет сходить к доктору. К урологу.

Напомню, что мне было двадцать лет вроде – в аптеке я на тот момент мог бывать, только покупая презервативы и «Терафлю», а тут уролог... Я даже не сразу понял, что это за слово такое. А когда понял, что есть специальный врач для «пиписек», пришел в сакральный ужас. Мне казалось, что единственный способ решения моих проблем – отрезать и все. Поборов первичный ужас, я нашел на Васильевском острове двух врачей урологов. Я ткнул пальцем случайным образом и записался к первому доктору. В ночь приема я плохо спал и в девять утра уже был в маленькой приемной на первом этаже одной из линий ВО. К моему изумлению народу было прилично – человек девять грустных мужиков. Все они, когда я вошел, коротко и с сочувствием глянули на меня и тут же снова уткнулись, глядя в свои колени. Обстановка была крайне недружелюбной и еще более напряженной. Флюиды напряжения так и витали в спертom от дыхания девяти мужиков воздухе. Я попытался спросить, кто последний и туда ли я пришел. В ответ – лишь вздохи и покачивания головой. Честно говоря, если бы мне тогда сказали, что у всех тут рак в терминальной стадии, о котором им сообщили только что, я бы принял эту версию, как основную.

В гробовой тишине я сел на последнюю свободную табуретку. До назначенного мне времени было еще двадцать минут, и я уже приготовился к томительному ожиданию, но тут дверь второй комнаты открылась и оттуда, опустив глаза и не глядя ни на кого, прошмыгнули к выходу. Все остальные дружно вздохнули. Не поднимая глаз, врач лет пятидесяти пяти кивнул ближайшему, и тот, понурив голову, медленно вошел в кабинет. Я перестал понимать, что проис-

ходит. В моих вариантах были: пытки, допрос с пристрастием и эксперименты над людьми. Размышляя, могу ли я прямо сейчас свалить, я понял, что каждый находится в кабинете не больше трех-четырёх минут. Что ж там с ними делают? И почему никто не смотрит никому в глаза? Я вошел к врачу ровно в девять утра. Снял куртку. А уже в девять ноль три я узнал новое для себя слово простатит. Обнадеживающее похлопывание по плечу: семь сеансов и все пройдет, сынок. Так сказал врач, и я заулыбался, поняв, что я не умру прямо сейчас. Я уже расслабился, когда врач дружески предложил мне снять штаны. Улыбка погасла в зародыше. Я уже собрался сообщить, что мужчины в возрасте мне не нравятся, да и вообще я против гомосексуальных связей врача и пациента, но врач в это время натянул на палец презерватив и в паре слов рассказал мне, как лечится простатит. Знаете, как? Доктор вставляет палец в задницу и занимается массажем чего-то там, называемого простатой. Меня оглушила эта короткая история. «В смысле пальцем в жопу?» – спросил я. «В прямом» – для наглядности врач показал обернутый в латекс палец. Я внимательно на него посмотрел. Палец был толстый и кривой. Завороженно глядя на палец, я понял, почему в приемной такая удивительная атмосфера. Доктор нетерпеливо согнул и разогнул палец и показал взглядом на мои штаны - снимай мол. Через секунду я уже вышел на свежий воздух, поклявшись себе, что скорее умру от этого неизвестного мне заболевания, чем дамся на такую процедуру. Девять раз!!! Я вырос в девяностые, и если бы кто-то кому-то предложил засунуть палец в жопу для здоровья, это было бы воспринято исключительно как угроза или даже вызов на дуэль.

Приемная второго врача пахла хвоей, и там не было никого, кроме меня. Это немного расслабляло, хотя было уже очень больно. Высокого роста, ухоженный вышедший врач мило улыбнулся и протянул руку для пожатия. Это застало меня врасплох – я подумал о том, что если он практикует те же самые методы лечения, то ведь...

ну, возможно, что вот пару минут назад он этой рукой кого-то, так сказать, лечил. Но меня хорошо воспитали и руку я ему пожал, украдкой потом вытирая ее об штаны и поклявшись себе их постирать тем же днем. Врач усадил меня напротив, изящно сел на стул рядом. Все было неспешно, очень мило, и я знал, что в приемной не пыхтят в ожидании девять мужиков. Я расслабился немного, закинул ногу на ногу и подумал, что, может, тут используют нормальные виды лечения, а не методы шестнадцатого века – «палец в жопу»! Милый доктор выслушал мою короткую историю, посмеялся со мной над историей про своего коллегу с толстыми пальцами и спросил, есть ли у меня девушка. Я опешил и подумал, что дальше он спросит мой телефон, но нет. Он просто решил поинтересоваться, есть ли кто-то, кто может заменить врача в моих сеансах массажа. Представив этот разговор с женой, я сразу отказался от этой идеи. Как бы это было? «Ксюха, ты не против мне массаж сделать? Нет-нет, не спины.... Нет-нет, раздеваться мне не надо. Да-да, смажь маслом, но не все руки». Содрогнувшись, я сказал, что НАСТОЛЬКО близких людей у меня нет. Врач смиренно кивнул и натянул на палец презерватив. Палец был очень тонкий и запредельно длинный. Признаться, никогда до и после передо мной не стояло такого сложного выбора. Жизнь неслась перед глазами. Образы друзей, женщин и врагов мелькали калейдоскопом. Я не знал, что мне делать, но больно было до ужаса...

Я сидел в очереди одиннадцатым. Спертый воздух, угрюмые лица, выключенный звук у телефонов. Каждый из нас морально готовился к массажу... Знаете, прошло больше десяти лет, а я все еще ненавижу любые виды массажа.

Принцессы не какают

На днях я оказался в гостинице в Москве. Маленькая и неприметная гостиница в центре, я в ней останавливался уже много-много раз. Лампа на потолке издавала странные дребезжащие звуки и подрагивала светом, не давая уснуть. Я все время в полудреме поглядывал в провал двери в комнату в ожидании, что в дерганом свете вот-вот появится чудовище из «Корпорации монстров». Уснуть я не мог. Пришедший портье, усталый и сонный, выглядящий, как персонаж «Зомби среди нас», пожал плечами и сказал, что мастер сможет починить только утром. У меня не было сил ругаться и спорить, и я свалился обратно в плохо заправленную постель. Это ужасное состояние на границе сна и реальности сводило меня с ума, не давая ни провалиться уже в сновидения, ни сосредоточиться на своих мыслях. Обычно я стараюсь блокировать свои воспоминания, все то, что тревожит меня, укрывая их внутри себя делами, проблемами, суетой и прочим. Но сейчас расслабленный мозг дал слабину.

Почему-то я вспомнил одну женщину. Точнее девушку. Я был в нее влюблен по-юношески. Как милый мальчишка - я отправлял ей цветы, конфеты и плюшевых медвежат. Я бы спел ей что-нибудь под окнами, но, к сожалению, зимой в Питере в метель с моим голосом казалось бы, что под окном воют волки в поисках добычи. Все это было совершенно бессмысленно, потому что она просто меня игнорировала – не отвечала на мои сообщения и засунутые в розы записки. Я чудовищно страдал от неразделенной любви, и, как идиот, продолжал атаковать ее по всем фронтам. Я чуть не опустился до того, чтобы караулить ее у парадной. Не помню, что меня остановило. Скорее всего, тот факт, что я не был уверен в том, что у меня правильный адрес. Как известно, вода камень точит, и в какой-то, видимо, счастливый день, я увидел от нее сообщение. Аккуратно, почти как сапер на поле мин-лягушек, я вступил в переписку, полную сарказма

по отношению ко мне. Терпение, мне не свойственное, победило, и девушка согласилась со мной поужинать у меня дома. Одним из «условий» этой проверки стало то, что ужин я должен был приготовить своими руками. Я залихватски кинул ушанку на пол и сообщил, что для настоящего мужчины нет ничего невозможного. Мои навыки в кулинарии не очень сильны – и это самое малое, что можно о них сказать. Однажды яичницу, которую я приготовил, отказалась есть бродячая собака на улице. Она даже посмотрела на меня... с сожалением. Словно говорила, что если бы она физически могла, то обязательно бы приготовила мне еды. Я помню ее грустные и печальные глаза и ту неловкость, с которой она, понюхав мое блюдо, ушла по своим делам, поглядывая на меня через плечо с ноткой сожаления.

Я изучал способы приготовления простых блюд. Я даже не читал те рецепты, в которых были такие слова как: «специи», «запекать до приготовления», «тушить на медленном огне», «обернуть в фольгу». Потом я вычеркнул все те, в которых нужно было готовить соус, и это было «особенно важно». Сама мысль о том, что мне придется вымерять какие-то неизвестные мне ингредиенты, внушала мне ужас. Удалил все, где мне попадались неизвестные слова вроде кориандра, дракононого тертого мочевого пузыря, фиалок и прочего. Вычеркивая один за другим, я в конечном счете пришел к списку из трех блюд, удивленно отметив, что это мой максимум. В списке присутствовали яичница, пельмени и курица на пару. Вам может показаться, что курица тут лишняя по сложности, но я готовил ее в мультиварке. Моя бывшая девушка подарила мне это чудо техники, когда я переезжал, показав метку на стакане, по которой я отмерял воду, и кнопку, которую нужно нажать, чтобы через полтора часа забрать готовую курицу. Есть ее было можно без особой опаски. Пельменями я периодически кормил сыновей, а яичницу ел сам. Иногда есть ее можно было, а иногда нет.

Расстроено пролистывая сайты, я нашел истинный самородок. Он был в разделе «удивите свою девушку яичницей». Это я могу

- решил я, и действительно нашел рецепт очень простым. Обычная глазунья с одним неожиданным изыском. Вместо сосисок и хлеба нужно использовать морские гребешки. Я вырос в небогатой семье, поэтому все, что содержало морепродукты, для меня казалось элитным и «лакшери». Решение было принято: в рецепте всего четыре пункта и два ингредиента – идеально. Я успокоился и наметил на утро субботы поездку в магазин.

Я купил самые дорогие гребешки, которые были в «Ленте», и две упаковки яиц. Смутно припоминая, что с морепродуктами сочетается белое вино, я купил бутылку. Потом угрюмо походил по алкогольному отделу и купил еще одну. «Мало ли что, – подумал я. – Может, она алкоголичка». Уже через час я выгружал небольшой пакет продуктов дома. До прихода гости оставалась еще куча времени, поэтому я присел на диван и незаметно для себя задремал. Звук телефона вырвал меня в сумерки начинающегося вечера, я судорожно зевнул. И тут мой взгляд уперся в часы на потухшем телевизоре. До встречи оставалось ровно сорок три минуты. Как подорванный я взлетел с дивана и уже через секунду рвал зубами пачку гребешков. Каждый из них был похож на камень мезозойской эры. Я удивленно потыкал их пальцами и понял, что в таком виде их жарить не получится. В рецепте было написано, что после «мягкой разморозки» требуется дать гребешкам полежать отдельно друг от друга полчаса (видимо, чтоб им было не так болезненно потом быть съеденными). Времени на «мягкость» у меня не было: я засунул гребешки в микроволновку и включил максимальный режим на пять минут. Моя старушка послушно стала крутить миску с несчастными одинокими гребешками, а я в это время носился по квартире, распахивая в укромные места брошенные носки, элементы БДСМ, ножи и книги. После сигнала готовности я вытащил наружу миску, до краев наполненную неизвестной жижей. Я изумленно поводил по ней пальцем и даже понюхал. Пахло морем. В середине жижы была ледяная, но

довольно теплая по краям. На гребешки похоже не было. Ехидный голос в голове сообщил, что этот способ разморозки точно считается «жестким», но зато гребешки не умрут по одному. Я не нашелся, что ответить. Яичница без гребешков теряла для меня свой налет элитарности. Преодолев омерзение, я смог выковырять из общей массы четыре организма, которые лишь отдаленно напоминали гребешки. Пятый из этой биомассы я вырезал ножом, решив, что смогу его сожрать. Как и было написано в рецепте, я положил несчастных отдельно друг от друга, периодически поглядывая, не растают ли они окончательно. Выглядели они так непрезентабельно, что я накрыл их сверху кастрюлей от греха подальше. Сковородка и яйца уже стояли максимально у плиты. Я надел джинсы и футболку с воротником. Гребешки наполняли комнату запахами побережья Ниццы и дорогих ресторанов.

...она сидела на краю высокого барного стола и с улыбкой наблюдала за моей суетой. Я снял с нее куртку, и она, одетая в обтягивающую черную водолазку, не скрывающую ее точеную фигуру, лениво болтала полным бокалом белого вина, отпивая скуными короткими глотками. Каждый раз она чуть причмокивала губами, и это, вкупе с ее обернутой в тонкую шерсть грудью, казалось мне дико сексуальным. Я обильно шутил, каялся в том, что я просто не успел все приготовить, а потом сообщил, что на ужин будет яичница. Она опешила. Я поспешно указал ей на гребешки, которые на столе под лампами совсем уже потеряли товарный вид. Я клялся, что я просто бог яичницы, и она будет поражена, что такое вообще может существовать. Я городил чушь, мол, ее вкусовые рецепторы потеряют над собой контроль от восторга и, вполне возможно, она даже испытает оргазм. Она рассмеялась, выпила еще и стала смотреть, как я готовлю. Я сделал лицо шеф-повара, раскалил сковородку до температуры взрыва при атомной бомбардировке и плеснул на нее полбутылки подсолнечного масла. По законам физики и химии масло раскали-

лось, зашипело, и мириады капель красиво разлетелись по сторонам. Плита у меня прямо в огромном кухонном столе, поэтому кипящее масло брызнуло на ее водолазку, руки и другие незащищенные части тела. Крик ее явно был достоин тех, кого варили в кострах с кипящим маслом всего-то несколько сотен лет назад.

Я вообще в критической ситуации туповат, поэтому я какое-то короткое время наблюдал, как моя гостья с криками прыгала, пытаясь сбить с себя горячие капли. Уже потом я бросился спасать ее, бестолково отряхивая водолазку, потом я потащил ее в ванную, смысл масло с рук – все это время она совершенно не элегантно материлась и ощутимо больно пыталась бить меня коленями. Пара капель воды и щедрый слой мази «Спасатель» немного сгладили ситуацию. В кухне пахло горелым, на сковородке горел небольшой костер. Она благо-разумно отсела подальше, разглядывая свои зеленоватые от «Спасателя» руки. Я горячо извинялся. Она благосклонно меня простила, намекнув, что кушать очень хочется. Все это время запах гребешков смешивался с запахом мази и горячей сковородки, аппетит это не пробуждало. Открыв окно, я начал действо. Я слышал, что женщинам нравится смотреть, как мужчины готовят, но это было явно не про меня. В расхристанном поло я суетился вокруг несчастной сковородки. Через несколько секунд я весь был в яйцах, соли, по моим пальцам стекали остатки умирающего гребешка. Не обращая внимания на боль в руках, под угрозой пожара я швырнул на сковороду все пять гребешков, которые тут же скукожились до состояния монетки в пять рублей. Не хочу вам рассказывать о том, как она отодвинулась еще дальше, как я подпрыгивал, потому что остатки яиц падали на пол со стола, как я в конечном счете уронил два из пяти гребешков, когда пытался показать ей, как ловко я смогу их перевернуть...

Когда она проглотила первый кусок, на ее лице отразилась вся гамма чувств. Это явно было не то, чего она ждала от ужина дома у молодого человека. Девушкой она была вежливой, поэтому сплунуть

это при мне она не смогла. К моменту, как я доел свою порцию (надо сказать она была не так плоха), она с трудом дожевывала первый кусок. Стоит отдать ей должное – вслух она восхищалась моей готовкой, хоть и сидела, вымазанная зеленым спасателем с обожженными маслом руками. В-общем, все кончилось хорошо, она, давясь, доела яичницу, и мы переместились на диван. Она сидела достаточно близко ко мне, чтобы я чувствовал смесь запахов ее духов и лекарства от ожогов. Не могу сказать, что это возбуждало, но она так мило смеялась надо мной и моей неуклюжестью, облизывала свои красные губы и даже иногда касалась моей руки, что я уже начал чувствовать себя довольно свободно. Прошла пара минут и захотелось в уборную. Не так, как вы подумали, а прямо резко и очень сильно. Захотелось так, словно гребешки решили покинуть свой новый дом. Я извинился, поцеловал ее трогательно в запястье и ушел в туалет. Дальше рассказывать?

Дальше гребешки догнали меня, а потом ее. Потом мы по очереди бегали в туалет, без стеснений ломясь друг к другу. Ближе к полуночи она уже совсем не была похожа на светскую львицу, а я был похож на персонажа из «Живых мертвецов». Запах гребешков покрывал все. Естественные попытки проветрить помещение не помогали, поэтому в туалет я заходил, зажимая нос и рот. Апофеозом стал момент, когда в ее смену у унитаза гребешки нашли новый выход из ее организма и звуки стали напоминать рев Ниагарского водопада в сезон муссонов. В промежутках она умудрялась покрывать проклятиями весь род Есауловых и грозилась насрать на меня своих родственников. «Если мы выживем» – думал я, прижимая ладонь ко рту в надежде удержать мечущиеся внутренности. Она бы давно уехала, но у нее не было ни единого шанса добраться до машины такси, не изгадив при этом лифт и дорогу до такси через детскую площадку во внутреннем дворе. Представляю, как она во всем этом красивом и обтягивающем идет через двор и блюет, я неожиданно развеселился.

Когда она вышла, совершенно не эстетично вытирая с лица остатки... Ну вы поняли. Я сидел в прихожей у стены и омерзительно хихикал. Она взглянула на меня, походя пнула ногой и лицом вперед завалилась на диван, издавая стоны.

Я был с ней в постели в ту ночь. И ночь была горячей. В какой-то момент она даже сняла свою мокрую от пота водолазку (я, правда, к этому моменту уже очень хотел умереть). Она тоже. К пяти утра, измотанная непрерывной блевотиной и поносом, она сообщила чистым голосом, что если сейчас она умрет, то я должен расчленить ее тело и никому не говорить, что случилось, потому что все равно никто не поверит, что последним, что она видела, был я и гребешки.

Ушла она, не прощаясь, после лошадиной дозы «Смекты» и «Энтероферона». Я, поскользываясь на непонятных жидкостях на полу, порывался проводить ее до такси, но встать на ноги так и не смог. Она вышла, дико отпрыгивая на весь этаж и пугая соседских детей, а я остался лежать на прохладном полу прихожей, мечтая поскорее умереть. Утром я нашел ее водолазку, спутав ее с половой тряпкой в ванной. По внешнему виду и запаху они были совершенно одинаковые.

Заметки непутевого папаши, или Как правильно ставить задачи сыновьям

Тексты мои обычно грустно-депрессивные. Обычно я страдаю, сидя в темноте своей спальни, или просто делаю вид, что мучительно страдаю. На самом деле, человек я и вправду невеселый. Но, несмотря на это, в моей памяти хранится миллион историй, баек и событий, очень смешных и близких к реальности. С рождением сыновей количество этих историй стало расти в геометрической прогрессии – дети такие забавные. И иногда, сами того не желая, они становятся героями смешных историй. Чем старше мои дети, чем серьезнее их проблемы, тем меньше занимательного я могу о них сказать. Когда старший сын обсуждает со мной не то, как он хочет в космос, а то, сколько будет стоить мне новая электрогитара, это уже совсем не весело. Впрочем, мысль о том, что невесело будет и соседям, все же немного радует.

Каждый год я выбираюсь на море со своим первенцем Андреем Есауловым. Сейчас вот написал слово «первенец» и почувствовал себя персонажем «Игры Престолов». Представил, как сижу на Железном Троне и кричу, что только мой первенец сможет претендовать на Престол, и крик мой отражается эхом в огромном каменном зале, и придворные рыцари стучат яростно мечами по щитам. На самом деле я пишу этот текст, сидя в своем грязноватом офисе в центре города, а вокруг меня сидят мои доблестные программисты с выкрашенными в разные цвета волосами. Но я отвлекся.

Каждый год мы собираем рюкзаки, жмем руку маме Андрея, моей бывшей жене Ксюхе, и мчимся в Пулково. Мы обвешиваемся внешними аккумуляторами, чтобы можно было играть в самолете, я снимаю с карты наличку, чтоб заплатить за такси в какой-нибудь жаркой прибитой к морю восточной стране. Эта история будет про те

времена, когда Египет еще не считался центром мирового терроризма, а был дешевым раем по системе все включено с идеально подходящим детям климатом и программой с идиотскими аниматорами.

В тот год Андрею исполнилось семь или восемь лет. Мы благополучно приземлились, он резвился в бассейне, радостно повизгивая и стараясь не отходить от меня далеко. Кстати, привычка далеко не отплывать от меня у него осталась до сих пор. Даже сейчас, когда моему дитятке уже четырнадцать лет, он сто восемьдесят сантиметров ростом, пишет песни о своем тотальном одиночестве, даже сейчас, ныряя в бассейн, он хрипловато и делано равнодушно спрашивает: «Пап, че, может, искупаемся? А сейчас?». Тогда голос у него был звонкий настолько, что, когда он с утра сообщал, что он в порядке, просыпались соседи с трех ближайших этажей вверх и вниз. Громкость у его голоса была только одна – максимальная.

Каждое утро, продирая глаза, я видел, как он прыгает у зеркала, кривляясь, сообщает мне свои новости, уточняет, как скоро мы пойдем купаться и куда – в бассейн или на море. Попутно он выясняет, кто сильнее – великан или кракен, как часто я бил людей, почему у дедушки такой маленький рост и так далее. Все эти вопросы копят у него в голове в короткий промежуток времени, пока он спит, и утром он спешит задать их, пока не забыл. Отбиваясь от него ответами впопад и невпопад, я быстро принимаю душ, и, взявшись за руки, – ах, где это время, когда сын держал меня за руку? – мы бежим на завтрак.

Мы с Андреем всегда занимали один и тот же столик. Я ездил в этот отель уже много лет, меня узнавал персонал, и это был небольшой реверанс в сторону постоянного гостя. Каждое утро мне требовалась пара минут и стакан сока, чтобы прийти в себя спросонья. Это был счастливый момент: я осознавал, что ребенок, которого я холил и лелеял столько лет, уже способен самостоятельно притащить мне стакан утреннего апельсинового сока. Посему я направляющим

перстом указывал ему, куда идти, и он понимал – пришло время поухаживать за папой. Он горестно качал головой и шел, понурившись и голоного дрыгая тощими ногами, за соком. И знаете, каждый раз я наблюдал, что с соком что-то не то. Либо его было полстакана, либо он был не апельсиновый... На мои вопросы о том, почему так получилось, ребенок легкомысленно отвечал либо что сока апельсинового нет, либо что это все, что осталось.

Я каждый раз удивленно пил то, что он приносил, пока Андрей, уже забывший о том, что только что он кому-то что-то нес, увлеченно поедал блинчики с неограниченным количеством шоколадного сиропа. Недоразумение в виде неполного стакана я списывал на нетерпение своего чада, которому лень ждать, пока стакан наполнится, а также его страх пролить на себя сок по дороге. В то же время мое недоумение и раздражение плохим сервисом росло. Я думал о том, что год назад в этом отеле апельсиновый сок не был такой проблемой.

И вот, в последний день нашего отдыха, предвкушая омерзительно потный чартерный перелет в Питер, мы пришли на завтрак. Видимо, произошла какая-то перестановка, потому что краем глаза я увидел огромную бочку с апельсиновым соком. Удовлетворенно кивнув про себя, я прямым ходом прошел к нашему столику, сел и небрежно махнул мелкому в сторону бочки. Через минуту я уже обескураженно смотрел на стакан гранатового сока, переданный мне Андреем со словами: «Пап, апельсинового опять нет». Мое недоумение вызвало не только то, что я точно видел бочку с оранджем. Еще больше поразило меня скорее то, что на бокале явственно отпечаталась ярко-красная губная помада. Уж не настолько плох был сервис этой гостиницы. Темные сомнения закрались мне в душу. С трудом отодрав мелкого от блинчиков, я попросил его показать мне, где он все эти дни брал сок. С лицом человека, который удивляется чужой тупости, бросая горестные взгляды на шоколадный сироп, Андрей привел меня к столу.

Это был стол, на который со всего отеля сносят грязную посуду. В том числе недопитый сок. Понимаете? Неточная постановка задачи привела меня к тому, что две недели я допивал за кем-то сок. Хорошо, что я не просил принести мне немного каши, подумалось мне. На смену этой мысли пришло осознание, что неплохо бы сдать анализ на кишечную палочку. Все стало на свои места. Зачем идти так далеко и стоять в очереди, если можно пройти два шага и подобрать любимому папе что-то похожее? И понятно, что далеко не каждый день можно было найти стакан с недопитым апельсиновым соком.

– Все нормально? – Андрей нетерпеливо топтался на месте, глядя на меня. – Пойдем доедать блинчики?

– Конечно, сынок, – я улыбнулся, глядя в наивные карие глаза, копию моих собственных, – все нормально.

Долгое время после Андрей возмущался сервисом отеля и нехваткой апельсинового сока для папы. Мораль проста – правильно ставьте задачу, господа.

Али пукнул

Иллюминатор. Как же часто я смотрю в него. Не буду скрывать, это всегда приносит мне удовольствие. Укутанный облаками город и крыло самолета. Я люблю летать. Я не боюсь летать, хотя каждый раз при приземлении сердце мое сжимается от удара шасси об асфальт взлетной полосы. Из наушников льется любимая музыка, а если поездка моя желанна, если она привезет меня к месту, куда я давно стремился, то я радостно предвкушаю, как вдохну запах неизведанного, запах приключений. Ведь что моя жизнь? В чем она?

Каждый мой день близнецом похож на предыдущий. Я просыпаюсь в постели, укутанный по детской привычке в огромное пуховое одеяло с головой. Будильник яростным воплем вырывает меня из сна, и я, еще не разлепив глаз, тянусь и смотрю на телефон – как много говна произошло этой ночью? Еще до того, как я сел в машину, моя голова полна проблем и бед. Сын покрасил голову в желтый цвет, банк задержал выплату, кредиторы требуют долга, а клиенты долг не отдают. И все это льется в мой мозг, который яростно пытается найти решение и выход, но ведь я знаю – может быть и иначе.

Палатка легкая. Я открываю глаза в спальном мешке, моя голова лежит на рюкзаке. Солнце греет мою щеку, прорываясь через красный гортекс палатки. Я тяну носом запах снега и камня, прохладно. Вытянув руку и сдергивая молнию, я открываю москитную сетку, и солнце радостно врывается, играя лучиками на моем лице. Я жмурюсь от удовольствия, кутаюсь в спальник, улыбаюсь. Мысли мои неспешно текут, не касаясь ничего, что может меня потревожить. Мне некуда спешить, я знаю, что еще рано, и я могу лежать, прячась от изморози в тепле палатки. Что когда сон ласково отпустит меня, я, не торопясь, оденусь и разогрею чай и макароны, что никто не позвонит, что никто не будет мрачно смотреть в стол и рассказывать, что мы не

добрали денег. Я знаю все это и улыбаюсь самому себе. Прижатая на границе зелени и ледника моя красная палатка выглядит маленькой божьей коровкой на фоне громоздящихся вокруг гор и скал. Еще долго я буду, вытянув ноги, пить обжигающий чай и медленно, с ленцой собираться в путь.

Самолет набрал высоту. Обменянное на мили кресло бизнес-класса все равно не дает мне развалиться, и я, уткнувшись коленками, засыпаю, упев почерневшие от загара руки в лицо.

...гора опять не поддалась. Сквозь шум и ярость ветра мне чудилось улюлюкание и смех этой горы. Шаг, за ним еще. Но каждый порыв ветра сносил нашу двойку на три шага назад. Титановые кошки безуспешно вгрызались в толщу бутылочного льда, снег, колючий и острый, как жало, в кровь раздирал кожу, закрытую маской. Сквозь эту пелену я видел, мне казалось, что я видел чье-то смеющееся над нашими попытками лицо. Веревка натянулась, и меня, как тряпку, поволокло вперед. Впившись в лед всем, чем мог, срывая с себя рюкзак, я сквозь снег увидел трещину в метре от себя и тянущуюся туда веревку, на другом конце которой болтался на глубине мой напарник. Опытный альпинист, он быстро выбрался с моей помощью наверх, с сильно поцарапанным лицом, но целый и невредимый. Сев на колени и ощупывая себя, он нервно дергал правой щекой, непрерывно матерясь. Я стоял над ним, как памятник, прикрыв его собой от усиливающегося ветра, наклонившись вперед, и рефлекторно каждые несколько секунд трогал узел веревки, привязанной к системе...

– Воды? - я вскидываюсь от касания плеча. – Воды?

Надо мной в синей обтягивающей форме склонилась стюардесса, вырвавшая меня из сна воспоминаний. Я благодарно киваю, в горле пересохло. Повернувшись к иллюминатору, я вижу причудливо изогнувшиеся облака. Сотни и тысячи форм и образов. Вон слон, а вот это похоже на римский шлем. Вспоминая себя моложе, свои

яростные прыжки и ужимки, я всегда и неотрывно чувствую рядом дух своего деда, который передал мне тысячи строк знаний и опыта, записанных прямо в сознании. Быть собой. Всегда быть собой. Сейчас я учу своего, уже взрослого сына быть собой, а не кем-то, кем хотят его видеть... И почему-то вспоминаю я, как он пукал под мышкой на удивление моей бабушке и как я радостно визжал при этом.

Али кушал с аппетитом. С аппетитом, который я никогда не имел даже на равнине, не то, что в горах. Али некрупный, невысокий и тощий. Но как он ест! Мы идем на Эльбрус с Востока вчетвером, и он сперва долго ныл, что хочет есть, а вот сейчас, на привале, он ест. И если мы, предвкушая еще не меньше четырех часов ходьбы вверх, просто съели по бутерброду с чаем и горстью орехов, Али пирует, как горский князь. Сам он про себя говорит, что он перс, хотя с его гортанным русским, волосами маслянисто-черного цвета, смуглой кожей он может быть и лезгином, и лакцем, и армянским евреем – здесь это не имеет никакого значения. Погода звенит. Нас окружает зелень на грани с снежными завалами и небольшими кулуарами льда. Лето. Эльбрус милостив, ни ветра, ни дождя. Поэтому, подставив горному солнцу лицо и почти лежа на камне, я наслаждаюсь моментом. Али никто не торопит, я немилосердно сжигаю кожу лица, старший группы, Руслан, забравшись на камень и стоя в чудовищно неудобной позе, ловит телефоном сеть. Внизу у него осталась очередная девушка, он торопится наладить контакт. С истинно горским красноречием он наговаривает ей в мессенджер комплименты, и я улыбаюсь. Четвертый, молодой скалолаз Андрей пил чай, свесив ноги с огромного валуна. А Али все ел. Ел он вкусно, причмокивая, хрустя, поминая Бога от удовольствия.

– Али, – смеюсь я, – хватит! Тяжело идти будет.

– Эй, зачем так говоришь? – он открывает банку с фасолью, зачерпывает ложку и, жуя, показывает на рот, – у меня как утка! Тут вошло – там вышло.

Мы смеемся, и я чувствую абсолютное счастье. Встав и закинув рюкзак, я решаю пойти вперед очень медленно – ребята нагонят. Уходя, я слышу шипение банки газировки. Это Али запивает соленую фасоль сладкой колой.

Завалившись вчетвером в трехместной палатке, прижатые друг к другу, как селедка в банке, мы перекидываемся какими-то шутками. Али лежит в огромном спальнике, откуда видно только его хищный нос. Все шесть часов пути он расхваливал свой спальник, рассказывая, как мы медленно умрем от холода, а он будет смотреть на это из пуха своего спальника. Одна проблема – «собачку» молнии спальника заклинивало сверху, и чтобы открыть или закрыть спальник до конца, требовалась помощь кого-то со стороны. Застегнув его до носа, я влез к себе и тут же согрелся. Задремывая, я услышал странные журчащие звуки. Прислушался. Али начал ерзать в своем спальнике, выражая неудобство.

– Что с тобой?

– Живот гремит, – пробурчал он. – Надо выйти.

– Ты же утка! – рассмеялся Руслан, и никто не двинулся с места.

– Эй, гады, откройте спальник! – негодовал Али. – Откройте меня быстро!

Глядя на его змееподобные движения в спальнике, мы хохотали под его шипящие проклятья. Внезапно он замер, раздался оглушительный, затяжной пук. Со стороны это больше напоминало обвал. Он длился не меньше минуты и по звуку был как выстрел Катюши. Фасоль, газировка, острая бастурма, бутерброды выдают газовый залп такой мощности, что спальник Али надувается, как резиновая лодка. Секундная тишина взрывается нашим гоготанием. Али с криками пытается вывернуться из спальника, спасаясь от смертельного газа, он старается высунуть нос как можно дальше из маленькой дырочки в молнии. Мы ржем, как кони, даже не думая помогать ему, чтобы

не выпустить смертельный газ в тесную палатку. Сгибаясь пополам от смеха, я открываю тамбур, врывается морозный горный воздух, и только после этого мы, зажав носы, расстегиваем молнию спальника Али, который уже даже двигаться почти не мог. Выпустив черно-зеленый смог атаки Али, мы еще долго тыкали его в бок и смеялись, смеялись...

Али кушал. Вкусно сварив вкрутую пять яиц, он добавил себе сахар в кофе и приготовился закусить все это орешками.

– Говорил же, – жевал он, – я как утка. Ррраз! И все прошло.

– Прошло? – удивился Руслан. – Хорошо, что реактор не горел, а то мы бы там взорвались все от такого газового удара!

Али с тех пор так и называли все. «Наша ядерная утка.»

Холостяцкая история

Это небольшое эссе и грустное, и смешное одновременно. Уже не знаю, как так получилось, но почему-то я ничего не умею делать руками. То есть я не умею готовить, шить, прибавать и привинчивать. Как так получилось – непонятно, ведь отец мой умеет делать все это, причем хорошо, а я вот не умею. И недавно, когда я в саркастических тонах рассказывал о своей очередной неудаче в каком-то бытовом вопросе, мой отец посоветовал мне написать эссе на тему «Как выжить холостяку. Простые советы бывалого». И вот так и получился этот короткий текст. Так уж вышло, что я часто и подолгу живу один. Меняю съемные квартиры или просто меня кто-то выгоняет из своей мягкой постели. И в этих новых квартирах, часто похожих, я и живу. Живу холостяцкой жизнью уже не очень-то и молодого парня.

Она улыбнулась, поцеловала меня в нос и сообщила, чтобы я помыл посуду сам, ибо ей пора бежать. Не успел я сообразить спросонья, что это за кара. Я вылез наполовину из-под одеяла. Вечер плавно перетек в постель у меня дома, и я уснул непривычно поздно для себя, а потом еще долго и многократно просыпался, пугаясь с непривычки незнакомого тела в постели. В-общем, нимфа упорхнула, я немного еще полежал, смакуя подробности ночи, и выполз, почесываясь на кухню. Содрогнулся. Как могут два человека оставить столько посуды? Вчера, пока она готовила, я не обратил внимания, что кастрюли и сковородки использовались десятками. С удовольствием похрюкивая, я просто съедал подносимые яства. И вот теперь придется, видимо, платить. Вообще-то, не так давно случайно оказавшись в магазине «Лента», после короткой схватки в очереди у кассы я смог таки купить огромный мешок одноразовой посуды по акции, и с тех самых пор ем только из нее, приучая к тому же своих сыновей. Я вообще думаю, что следующим этапом должна стать посуда, которую можно потом съесть. Типа пожарил яичницу и потом сожрал сковородку и

тарелку. Никто не думает о глобальной проблеме выноса мусора, когда у тебя машина в паркинге дома, а помойка в соседнем дворе, да? И как тут быть? Я однажды так кинул мусорный мешок в багажник и проездил с ним почти две недели, пока неизвестная биомасса не полезла прямо на ходу в салон.

В общем, посуды было много. Удрученно я смотрел на гору в своей раковине, не видя ни пресловутого «Фэйри», ни даже губки. Я даже напел мелодию из рекламы «Мистер Пропер» и разочарованно огляделся по сторонам, когда никто не примчался мне на помощь. И тут пришло озарение. Я вспомнил, что слышал слово «посудомойка», когда арендовал эту квартиру. Просто для меня все эти шкафчики в квартире на самом деле не существовали, реальными были только холодильник и ящик с посудой. На остальное я всегда смотрел с недоумением. Поскольку квартира была новая, посудомойку я обнаружил с третьего раза. Внутри даже лежала инструкция. Недолго думая, я отложил ее в сторону... и понял, что нужно что-то, чем можно было бы, так сказать, намылить посуду. Вспоминая кино, рекламу и отрывки реальности, я увидел в голове некую таблетку, которую засовывают куда-то там, и тут же взгляд мой уперся в очень удобный паз для этой самой таблетки.

Таблеток в квартире я не нашел. Я уже любовно сложил всю посуду внутрь и стал бегать по квартире в поисках решения. Просто залить внутрь «Фейри»? Не подходит. Кинуть внутрь кусок мыла? Так мыла нет. Я с сомнением достал свой гель для душа, который использовал как стиральный порошок, гуталин, дезодорант и средство для мытья посуды... И тут в кладовке, где я хранил альпинистское снаряжение, я увидел ящичек, которым пользовалась только уборщица, раз в неделю навещающая ко мне, чтоб я не погряз в говне окончательно. Там, среди незнакомых мне тряпок, словно алмаз лежала пара очень похожих на мои воспоминания таблеток. Одна из них идеально подошла в полость посудомойки. Не думая, я нажал

кнопку «старт». Внутри что-то умиротворенно забулькало, зажужжало и полилось. Я блаженно улыбнулся и вскользь подумал: «До чего техника дошла!». Через секунду я уже снова валялся в кровати, еще теплой после нежного женского тела.

Через часок я проснулся, потянулся и сразу почувствовал очень сильный и вкусный запах чистоты. Так пахло каждый раз, когда я ложился на свежее белье, заботливо постеленное домработницей. Только сегодня пахло уж очень сильно... Предчувствуя недоброе, я вышел на кухню и обомлел. Кухонная мебель от пола до столешницы, плита, холодильник – все погрязло в клубах разноцветной пены. Красиво было, конечно, очень... Прямо как радуга, только в пене. И в моей квартире. Я сделал несколько шагов по кухне, а дальше свет померк. Поскользнувшись, я врезался затылком в гранит стола и чуть не потерял сознание. Кряхтя, держась за все вокруг и нащупывая шишку на затылке, я проклял современную технику и набрал номер девушки Нади, которая убирает мою квартиру, дабы проклясть ее.

Выслушав мою историю, слезы и проклятия, Надя долго молчала. Как мне показалось, пристыженно. Потом она сказала со вздохом: «Саша, там не было таблеток для посудомойки. Только концентрированный стиральный порошок, Саша. Для стиральной, Саша, машинки. Мне нужно приехать помочь тебе, Саша?».

Когда Надя приехала, я сидел, как девица, на кухне в клубах медленно оседающей разноцветной пены. Я играл. Клал клубы пены на руку и сдувал как в фильме «Секс в большом городе». Посмотрев на меня с сожалением, Надя полезла в кладовку за шваброй.

Кровавый туман

Этот текст является плодом переживаний моих читателей о том, что я готовлюсь к самоубийству. К счастью или сожалению, я не считаю, что в жизни много поводов для веселья, поэтому большая часть моих текстов выглядит, как предсмертная записка неврастеника, коим я и являюсь. Несмотря на это, человек-то я в принципе веселый. Именно чтобы доказать это толпам моих фанатов, я и пишу этот небольшой рассказ.

...кровавый туман стоял пеленой перед глазами. Уж не знаю, где мой воспаленный мозг взял эту метафору, но она подходила к моменту просто идеально. Я открыл глаза и не увидел ничего, кроме кровавого тумана, волнами накатывающего на мою несчастную голову. Ощущение было такое... на самом деле, не было никаких ощущений. Я чувствовал только дикую пульсирующую боль в голове. При попытке открыть глаза в ушах послышались литавры и крики адских демонов, и я судорожно сомкнул веки, чтобы не видеть тот самый пресловутый туман. В полной уверенности, что я умираю, я застонал, но стон мой проглотила головная боль. Кроме того, я не был уверен в наличии у меня голосовых связок. Хрип, срывающийся с моих искусанных губ, больше походил на предсмертное изрыгание души, нежели на человеческие звуки. В свое время умный человек говорил мне: «Если ты понимаешь, что плохо везде, сконцентрируйся на том, что случилось, где ты, соберись в кучу». Я внял этому совету, но лишь частично. Мне совершенно не было интересно, где я, и я изумленно понял, что мне пока было не очень важно, как и то, как я сюда попал. Очень хотелось провалиться обратно в сон, но я не мог. Дело в том, что я одновременно испытывал два сильнейших физиологических позыва, важно знать, взаимоисключающих. Я очень хотел писать, так сильно, что оргазм казался легким бризом эмоции, и я знал – если я сейчас не попыю, то умру от обезвоживания. Огромный, чужой непо-

воротливый язык шершавым камнем валялся во рту и, несмотря на отчаянные сигналы мозга, не двигался. Попытавшись собрать немного слюны, я сглотнул всухомятку и язык предательски прилип к небу, перекрыв дыхание. Под визги дрели в мозгу я захрипел и ценой невероятных усилий воли отлепил язык, помогая себе непослушными пальцами правой руки.

Тело стонало и приходило в себя очагами боли и отчаяния. Мое тело спортсмена и атлета, такое тренированное и загорелое, пластом лежало на неведомой мне постели и кряхтело и просило оставить его в покое. Мой высокоинтеллектуальный мозг полностью поддерживал тело, пытаясь принять от него сигналы и сообщить мне уровень повреждений. Казалось, что меня переехал асфальтоукладчик, но по какому-то чудесному стечению обстоятельств я остался жив, но размазан в лепешку... Похрипев немного от жалости к себе, преодолевая треск в голове, кровавый туман в глазах и леденящий ужас в сердце я попытался подняться на руки. Правая рука уперлась во что-то мягко-скользящее, одновременно податливое и упругое. Я ужаснулся до невероятия. Кровавый туман показался мне райским благом по сравнению с тем, что я мог увидеть справа от себя, в неизвестном месте. В голову лезли картины из кинофильма «Чужой», и я был почти уверен, что, повернувшись, увижу скользкое тело неизвестной зубастой твари. Поборов природный ужас неизвестного, я, стараясь не открывать глаза слишком широко, скосил взгляд и уткнулся в бесформенную плоскую черную задницу, контрастно выглядывающую из-под белой простыни. На блестящей этой черной жопе и лежала моя, кажущаяся бледно-белой рука. В ужасе отдернув руку, я зажмурился от боли резкого движения и не сразу открыл глаза. В голове медленно, как в мультике «Ежик в тумане», проплыла картина какого-то бара, в котором я почему-то полуголый танцую на стойке. Выглядело это, как сцена из «Безумного Макса», и я постарался убедить себя, что это просто фантастика. Запах изо рта у меня был такой, что я старался ды-

шать ртом, чтоб меня не вырвало. Мой внутренний голос, опешив от ужаса находящейся рядом черной жопы, сообщил, что если не пить восемь лет, а потом резко начать, то нам вообще еще повезло. Ярким образом я представил изумленные глаза своего ангела-хранителя, который смотрит, как я пьяный неуклюже танцую на столах.

Движение справа заставило меня снова оглядеться. Жопа не двигалась. Двигалось что-то другое, и первобытный страх, невероятный, как у первых людей перед мамонтом. В общем, я понял, что сразу за черной жопой торчит белая нога. Волосатая. Надежда была только, что она не женская, ибо встретиться с обладательницей такой волосатой ноги я бы не хотел. Кряхтение усилилось, и такая же волосатая рука, высунувшись из недр постели, почесалась и, дернув на себя одеяло, скрыла все остальное. Осталась только черная жопа, судорожно вздрагивающая при дыхании ее обладательницы, а также я и знание того, что где-то тут, под одеялом, есть кто-то еще. Я всхлипнул от жалости к себе.

Я подумал, что лучше знать все и сразу и сдернул одеяло. Под ним обнаружилась мертвецки пьяная негритянка и мой давний друг Дима из Санта-Моники. Тупо обзрев поле боя, я понял, что спал тут с ним и этой самой мадам. Ужас ситуации был в том, что мы все трое были голые. Я сглотнул. Секс втроем представлялся мне совсем иным. В нем не было плоскожопых возрастных негритянок и Димы. Азиатки, порномодели, чирлидерши – это все да, было. Но мизансцена была настолько апокалиптична, что поверить в то, что этот был тот самый «тройничок», я просто не хотел.

Черная девчонка была просто ужасна. Где у нее перед, а где зад, я мог определить только по наличию глаз. Стриженная бобиком, совершенно плоская, как доска, она могла бы стать идеальным образом третьего пола, если бы не размазанная по лицу помада и первичные половые признаки. Мой мозг отказался представить, что я предаюсь страсти с этим чучелом. Я внимательно исследовал себя, не очень

понимая, доказательства чего я ищу. Черные пятна от нее на себе?

В этот момент Дима начал, судорожно вздыхая, кряхтеть, и тогда я решил избежать лишних вопросов. Она лежала четко между нами, и с кем она провела эту ночь определить сейчас было невозможно, но мой воспаленный разум предложил единственное верное решение. Я решил навалить ее тушкой на Димона, встать, запечатлеть это на телефон и всю жизнь издеваться над ним. После того, как проверю себя на наличие страшных венерических заболеваний. С дикой похмелью сообщал я явно нехорошо, поэтому, разогнав «кровавый туман» взмахами ладони и сжав зубы от грохочущей головной боли, я, съезжившись от отвращения, всунул руки под черное скользкое тело и совершил первую попытку повернуть ее набок.

Я с женщинами спал. Не часто, но спал. И когда я брал их в свои сильные руки, они податливо облокачивались на меня или покорно отстранялись. Тут все было не так. Однажды, много лет назад, мы с моим приятелем решили притащить в зал грушу. Боксерскую. Весила она сто двадцать килограмм. Нам нужно было протащить ее до машины сто пятьдесят метров. Последние пятьдесят мы катили ее, набитую песком, по асфальту, стирая колени и обжигая друг друга слезами бессмысленной ярости. Так вот сейчас я испытал именно это ощущение, за тем лишь исключением, что была она мало того, что совершенно неподъемная и неперекатываемая, так еще и влажная от пота. Руки соскочили куда-то вглубь ее спины, и я воткнулся в ее жирненький бок. Сплевывая что-то с губ, я услышал кряхтение за ее телом и понял, что времени до того, как Дима начнет осознавать мир вокруг, осталось немного.

Я вспомнил долгие часы тренировок и решил на гимнастическое упражнение, называемое «толчок». По всем канонам я выпрямил спину, уперся в негритянку руками и попытался резко вытолкнуть ее на Димона. Она издала всхрапывающий звук и немного завалилась на бок в сторону моего товарища. Это мне и было нужно. Осталась

мелочь – завалить ее на него, окончательно создав иллюзию легкой межрасовой влюбленности. Я удвоил усилия, заваливая ее отбиваясь от ее вываливающихся, казалось, со всех мест, рук и ног, которые казались просто резиновыми. Без костей и суставов. Забрасывая все эти конечности обратно, я добился того, что она оказалась лежащей ровно на боку, упиравшись носом и плоской грудью в Димона. Беда была в том, что как только я пытался оторвать руки от ее спины, она стремилась завалиться в исходную позицию. Все это время она издавала странные звуки, видимо, столь привычные для черной расы, но совершенно необыкновенные для меня. «Звуки джунглей», – подумал я и удвоил усилия. Безысходность – лучший советчик, и я, подогнув под себя колени и уперевшись ими в спину африканской красотки, чтобы она не свалилась на меня, начал елозить вокруг в поисках подушек. Я планировал подложить вместо рук и коленей разных постельных принадлежностей и сохранить таким образом ее хрупкое положение. Недовольная, она неосознанно пукала, храпела в плечо Димона и подергивалась.

Весь взмокший от злости и напряжения, я на секунду посмотрел в сторону и тихо вскрикнул от радости. Подушка лежала прямо вот тут. Под рукой. Огромная, плотная, идеальная опора для томной толстушки.

Когда мой взор вернулся к черной спине и своим коленкам, то за ними, как за плотиной, я увидел выглядывающее изуродованное ужасом и страхом лицо Димы. Одной рукой он почему-то зажимал себе рот, видимо, боясь закричать, а другой упирался в ее плечо кончиками пальцев. Глаза его, полные непонимания и обиды, смотрели прямо на меня, пихающего ее коленями и с подушкой в руках. Уж не знаю, что он предположил, какие страшные мысли мелькнули в его похмельной голове. Что я пытаюсь убить ее? Убить его, завалив ее на него и положив сверху подушку? Мизансцена замерла. Я, остывший от напряжения. Дима, ледяной от ужаса. И негритянка,

нечувствительная к окружающим раздражителям. Прошли секунды, полные боли и непонимания.

Дима медленно наклонился над ней, не отпуская меня глазами, полными боли предательства. И сказал: «Саша, бесполезно. Она одинаковая с обеих сторон...».

Перед глазами стоял кровавый туман.

Как ребенок «жопу» искал

Я человек простой. Унылый, но простой. Поэтому, когда меня недавно спросили, в каких традициях я воспитываю своих сыновей, я чуть не сказал, что не понял вопроса. Мне сейчас тридцать три годика, и тут нет сарказма в слове «годика». Я постоянно кривляюсь, передразниваю деловых партнеров и вообще стараюсь, чтобы детство продолжало «играть» в моей душе, несмотря на всепоглощающую ее тоску и тленность. Каждый раз, когда я, весь из себя, одевшись в броню брутальной небритости, выкидываю коленца, окружающие смотрят на меня с укоризной – типа, ай-ай-ай, а ведь такой взрослый молодой человек! Хотя даже фраза «молодой человек» уже не совсем мне подходит. Все чаще я понимаю – в этом помещении я самый старший. Мои вымышленные друзья покидают меня, лишь Стиви, выдуманный мной тридцать лет назад, всегда рядом. И мы с ним обескураженно и с ужасом понимаем – время летит.

Но это эссе не об этом. Это просто легкое интро, чтобы вы понимали, какой из меня воспитатель. Вспоминая, как меня воспитывал отец, я думал всегда, что так и надо. С долей суровости, небольшой толикой нежности, ну и так далее. Очень многие сказанные им мне вещи я помню, словно их клеймом выжгли у меня в голове, но настал жуткий момент, когда я понял, что теперь я сам – папа. Теперь мой отец стал кому-то дедом, а я сам стал папой. Папулей. Держа в девятнадцать лет сверток на вытянутых руках, сверток, в котором что-то пыхтело и кричало, я никак не мог поверить, что эта страшенькая мордочка – мой сын. Мой, так сказать, первенец. Андрей. Спустя пять лет я также сидел в роддоме на Васильевском и благополучно спал, когда меня тронули за плечо и показали издали Павла Есаулова, толстенького и белобрысого... и вот я – папаша.

Уже много лет как я разошелся с матерями моих сыновей, но каждые выходные, каникулы и будни мои сыновья в моей доме, со мной. Я живу с ними, ем с ними, от меня они перенимают все хорошее и плохое. Последнее время я все чаще ловлю себя на мысли, что вот сейчас и вот именно этого говорить не стоило. Они впитывают в себя мои умозаключения и слова, как губка. И потом выдают за свои.

«Папа, а ты же жил с мамой?» – десятилетний Андрей смотрит на меня с переднего сидения. Он никогда не ездил сзади. Смотрит с легким нажимом, и я напрягаюсь, кивая: «Да, сынок, мы жили с мамой».

Я боюсь, что сейчас он спросит, почему мы разошлись или что-то в этом роде. Ответ у меня готов давно, но все же.

«А потом ты жил с Полиной, от которой у тебя Паша, да?» – он уверен, что смотрит жестко, и видно, как этот взгляд он тренирует перед зеркалом. Я молча киваю, уже почти не глядя в его сторону и делаю вид что очень сосредоточен на езде.

«А сейчас ты живешь с Настей?» – в этот момент у меня виляет от неожиданности руль, но я молчу. Это явно был риторический вопрос, ибо к Насте мы и едем. Украдкой я вижу, как мой сын заготовлено вздохнул и артистично приложил пальцы ко лбу, демонстрируя задумчивость. На перекрестке он смотрит на меня:

«Папа, а ты знаешь, что такое прелюбодеяние?» – глаза мои в этот момент расширились, и я уже собираюсь ответить, что конечно знаю, но он не позволяет мне и спрашивает: «Папа, ты что, прелюбодей?!».

Плот от плоти моей. Кровинушка. Сыночек. В моем мозгу вспыхнуло и погасло несколько потрясающих ответов, но я напомнил себе, что при ребенке не матерюсь, что ребенок мой, и что надо бы вообще понять, что он готов услышать, а что нет. Но, как выяснилось, ответа не требовалось. Как выяснилось, это был подготовленный диа-

лог. Проработанный. И пока я, даваясь слюной и словами, пытался подобрать внятный воспитательный ответ, мой сын пренебрежительно махнул рукой и сказал: «Не отвечай, отец. Я все равно люблю тебя».

Машина вильнула еще сильнее. Я с ужасом понял, что время простых вопросов закончилось...

В одной руке у меня был Паша, постоянно пытающийся высвободиться из моего отцовского захвата, а в другой пакет с продуктами. Мы с ним, еще маленьким, но уже на удивление сильным, крепким и жизнерадостным шли по парку. Паша у меня ребенок специфический, «солнечный», как их сейчас называют. Он совсем не говорит и далеко не все понимает. Это, правда, не мешает ему радоваться каждой секунде своего сытого существования. В данном случае «сытый» – это не метафора. Павлика из себя выводит только чувство голода, на остальные проблемы, такие как погода, шквальный ветер, тигры вокруг и волчий вой ему плевать. По-богатырски сильный, коренастый... я уже тогда прилагал изрядные усилия чтобы удержать его в своих руках. Внезапно он услышал звонкий собачий лай, и этот звук привел его в такой восторг, что он просто вцепился зубами мне в кисть. Когда я взвыл от боли и обиды, мой сынок рванул в сторону небольшого терьера, который скакал вокруг хозяина и гуляющей с ним девушки. Это была явно романтическая прогулка. Солнечный парк в тишине, она держала его за руку, а другой рукой он подбрасывал собаке игровую косточку. Идиллия. Она была нарушена. Паша с боевым визгом команчей сорвался с места, как гоночный болид настигая влюбленных. За ним, размахивая пакетом с молоком, туалетной бумагой и кукурузными хлопьями, гигантскими скачками, чертыхаясь и проклиная свои сперматозоиды, бежал я. Не сбавляя скорости, Паша схватил белоснежную шавку, и, начав наматывать круги вокруг ее онемевших от неожиданности хозяев, просто взял и с победным криком укусил ее в спину прямо посередине. Даже не укусил, а просто прикусил, показав, видимо, таким образом, кто тут

альфа-самец. Ополумевший от ужаса пес даже не пытался вырваться, признавая право сильного, мой сын начал сплевывать шерсть, не выпуская пса, и в этот самый момент я со спины настиг всю эту икебану из мудаков. У меня вообще реакция отличная, а интуиция еще лучше, поэтому я понял, что в переговоры вступать нельзя, нужно все делать быстро. Размахивая пакетом магазина «Призма», я на скаку подхватил ребенка сбоку, как бревно и, стараясь не медлить, так же поскакал дальше. Сзади послышалось бульканье в горле одуревших от ситуации влюбленных. Я сопел, пес гавкал, Паша визжал от радости такой гонки. Пробежав так шагов десять, я просто стряхнул с нас бедную собаку и, взвалив сына на плечо, побежал, попутно размахивая пакетом. Погони не было. Пес, разбрасывая короткие ножки мчался на воссоединение семьи, парень с девушкой раскрыв объятия встречали его. Павлик, висящий на моем плече, скучливо жевал мою футболку - я устал и пошел уже шагом. Вокруг бегали собаки и их хозяева. Большие и маленькие. Ротвейлеры и чихуахуа. Зубастые и не очень. Я удовлетворенно и вскользь подумал, что самые опасные в этом парке все равно мы с сыном...

«Жопа» – именно такой запрос я увидел в истории своего браузера. Опешив, я попытался вспомнить, когда же это я такое искал. Уж я бы точно запомнил такой запрос. Была такая песенка у нас в лагере пионерском с рефреном – «Только мне не разрешают слово жопа говорить...». Уж в своем возрасте-то я точно ищу порно иначе. Да и не ищу я его... Есть уже, так сказать, полюбившиеся сайты.

Тут я вспомнил, попутно восхвалив Apple, что у нас настроен семейный доступ с моим Андреем. То бишь, все, что он ищет, делает и скачивает, я вижу в своей истории.

Жопа.

Жопа. Картинки.

Вспотев до кончиков пальцев, я понял, что настало время

«того» разговора с ребенком. Порадовавшись, что не прямо сейчас, я уставился в телефон.

Жопа. Что-то, видимо, пошло не так, потому что уже сразу за ним пошло «женская жопа». Видимо, тут тоже просторы интернета чем-то напугали одиннадцатилетнего парня. «Большая женская жопа» – я уже улыбался во весь рот, представляя, что такого страшного он там увидел, все более сужая свой запрос. «Большая белая женская жопа» – этот запрос уже отдавал отчаянием. Я смеялся в голос, пугая прохожих. «Белая женская жопа средняя» – вскричало уже окно браузера, и я, расхохотавшись, набрал номер ребенка:

– Привет, сынок. Как дела?

Пауза.

– Привет, пап. Все нормально.

Голос ровный, чуть расстроенный. А я все еще не знал, что мне сказать.

– Чем занят?

Пауза. Андрей до сих пор очень не любит мне врать, хотя и делает это прекрасно, как и все дети. Не со зла, а просто так.

– В интернете сижу.

– И как там, сынок? – я сделал паузу и с нажимом повторил: – Как там, в Интернете?

Пауза растянулась, после чего он отчетливо сказал мне:

– Слишком много лишнего чего-то...

А вы говорите, что надо взрослеть... да куда уж мне.

a.esaulov

id1407755

esaulov.me

a.esaulov

id1407755

esaulov.me

«Данные рассказы склонны приводить
читателя к потере координации в воде»
Aqua News

«Это шедевр современной культуры
творчества орков»
Orc Tribute Mordor

«Продам гараж»
Севастопольский вестник

«Тема современных BDSM практик
идеально раскрыта автором
на 136 странице»
Журнал «Рабы не мы», Бобринск

«Дизайн обложки рисовал гений»
Антон Гулякин, дизайнер обложки

АЛЕКСАНДР
ЕКСАУДОВ

